Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ВЫПУСК №5

Издательство «МГИМО-Университет» 2016

Печатается по решению Учёного совета
МГИМО МИД России

Редакционная коллегия:
Главный редактор - Иовенко Валерий Алексеевич, д.ф.н., проф.
Зам. главного редактора – отв. секретарь -
Ивушкина Татьяна Александровна, д.ф.н., проф.
Зам. главного редактора - Евтеев Сергей Валентинович, к.ф.н., доцент
Позднякова Елена Михайловна, д.ф.н., проф.
Пономаренко Евгения Витальевна, д.ф.н., проф.
Шубина Эльвира Леонидовна, д.ф.н., проф.
Штанов Андрей Владимирович, к.ф.н., доцент
Гладкова Елена Львовна, к.ф.н., доцент
Ястребова Елена Борисовна, к.пед.н., доцент
Лосева Наталья Владимировна, к.ф.н., доцент
Блинова Ольга Александровна, к.ф.н.
Чеснокова Ольга Станиславовна, д.ф.н., проф.
Голубкова Екатерина Евгеньевна, д.ф.н., проф.
Smirnova Ludmila, PhD, prof.

Филологические науки в МГИМО: Выпуск №5 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 174 с.

Журнал предназначен для профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистрантов. Периодичность выхода - 4 раза в год. Журнал состоит из четырёх разделов. Первый раздел содержит статьи о современных вопросах лингвистики и межкультурной коммуникации. Второй раздел содержат статьи по переводоведению. Третий раздел содержит статьи по методике преподавания иностранных языков. Четвертый раздел посвящен проблемам литературоведения и лингвокультурологии.

Данный выпуск включает три раздела.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования - РИНЦ.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58253 от 05 июня 2014 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1.
ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексахин А.Н.
Инновационный вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа для русскоязычных студентов 6
Елизарьева М.А.
Образ-схема как средство представления полисемии (на примере немецкого глагола ziehen) 17
Ильинская Л.А., Платонова М.В., Смирнова Т.Г.
Риторические стратегии в контексте профессиональной коммуникации 32
Караваева Е.М.
О некоторых изменениях в современном английском языке (на основе художественного дискурса) 41
Погребнова А.Н
Политический дискурс и языковая личность Дэвида Кэмерона 51
Толмачёв Н.А.
Счётные слова в индонезийском языке 70
Чиронов С.В.
Наречия отрицательной полярности: по данным корпуса японского языка 79

Раздел 2.
ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Багузина Е.И.
Тематический веб-квест и его значение в языковой подготовке студентов 106

Зинкевич Н.А.
Литература в обучении английскому языку для профессиональных целей..... 114

Небольсина Е.В.
Презентация как эффективный инструмент в освоении иностранного языка для специальных целей..... 126

Парамонова М.И.
Электронный газетный дискурс как средство формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов-регионоведов 133

Раздел 3.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Липатова О.В
Английский юмор и сатира в творчестве А. Конан Дойля 142

Эль сабрути Рашида Рахимовна
Ценностный компонент понятия «Чести» в контексте современной египетской прозы 154

Раздел 1.
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ИННОВАЦИОННЫЙ ВВОДНЫЙ КУРС ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ

А.Н. Алексахин

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье рассказывается о вводном курсе практической фонетики китайского языка путунхуа для русскоязычных студентов, разработанного на основе инновационной звукофонемной теории китайского языка. Впервые в практическом изучении китайского языка путунхуа обучение строится на знании различия между орфограммой и фонологической транскрипцией китайских слов. Цель данного пособия состоит в том, чтобы дать системное теоретическое и практическое представление о фонетико-фонологической системе китайского языка русскоязычному студенту, начинающему изучать китайский язык. Китайский и русский языки с точки зрения использования звуков речи для построения слова как центральной единицы языка человека являются прямо противоположными: в китайском языке больше используются гласные, а в русском − согласные. В китайском языке 34 гласных, в русском 6 гласных. Фонетико-фонологические системы китайского и русского языков по одному основанию сравнения согласных и гласных фонем (языковые правила для произнесения согласных и гласных) предстают для студента как рационально понимаемые объекты практического изучения. Русскоязычный студент получает осознаваемую возможность использования своих знаний и навыков произнесения звуков родного языка для сравнения их с согласными и гласными звуками китайского языка. Системное изложение знаний в сочетании с системой практических упражнений (имитативных, аналитических и речемыслительных) позволяет эффективно формировать адекватные навыки произношения и аудирования звуков речи китайского языка, развивая тем самым адекватный фонологический слух на китайском языке путунхуа как базовую необходимую

компетенцию для всех видов речевой деятельности на данном языке. Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа для русскоязычных студентов выдержал два издания (2013, 2015), используется во многих вузах и школах РФ как русскими, так и китайскими преподавателями в институтах Конфуция в России.

Ключевые слова: инновация, фонема, вокальная доминанта, идеография, фонография, фонетическая транскрипция, орфограмма слова, фонетический закон, несопоставимость описаний.

Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа прежде всего имеет ярко выраженную практическую направленность [1, 1-175]. Рост популярности изучения китайского языка в России − очевидное и отрадное явление. Растущие из года в год речевые контакты русскоговорящих и китаеговорящих стимулируют дальнейшее научно-практическое сравнительное изучение русского и китайского языков по всем уровням языковой системы: фонологии (фонетики), грамматики и лексики.

Вводно-фонетический курс имеет дело с базовым уровнем языковой системы − фонетико-фонологическим, объектом изучения которого является природная материя языка человека − звуки речи. Китайский и русский языки с точки зрения использования звуков речи для построения слова как центральной единицы языка человека являются прямо противоположными: в китайском языке больше используются гласные, а в русском − согласные. В китайском языке 31 гласная, в русском 6 гласных. Сравните, например, слова **éyǔ** − «русский язык» и **èyú** − «крокодил», где оба слова китайского языка образованы только двумя разнотональными гласными без согласных.

Теоретическое сравнительное изучение звуковых систем китайского и русского языков в XX веке развивалось в русле фундаментального научного открытия X1X века, сформулировавшего положение о своеобразном атоме или гене языка человека. Этот атом или ген получил название «фонема». В каждом языке фонемы образуют уникальную систему. Научное познание этой системы позволяет создать оптимальный алфавит и

оптимальные правила орфографии для буквенной записи слов каждого конкретного языка. Такой алфавит и звукобуквенный стандарт слов (орфограммы) были созданы и законодательно введены в КНР в 1958 году. С тех пор слова китайского языка путунхуа имеют две письменные формы: традиционную иероглифическую и новую буквенную [2, 1-183].

Цель данного пособия состоит в том, чтобы дать системное теоретическое и практическое представление о фонетико-фонологической системе китайского языка русскоязычному студенту, начинающему изучать китайский язык. Это обеспечивается преодолением существующей несопоставимости практических описаний звуковых систем китайского и русского языков на основе разработанной теории звукофонемы применительно к китайскому языку. В результате фонетико-фонологические системы китайского и русского языков по одному основанию сравнения согласных и гласных фонем (согласных и гласных звуков) предстают для студента как рационально понимаемые объекты практического изучения [3, 1-342]. Русскоязычный студент получает осознаваемую возможность использования своих знаний и навыков произнесения звуков родного языка для сравнения их с согласными и гласными звуками китайского языка. Системное изложение знаний в сочетании с системой практических упражнений (имитативных, аналитических и речемыслительных) позволяет эффективно формировать адекватные навыки произношения и аудирования звуков речи китайского языка.

Пособие строится на использовании буквенной формы слова (орфограмм) китайского языка путунхуа. Орфограммы слов были разработаны и законодательно введены в 1958 году. Первого января 2001 года в Китае вступил в силу «Закон КНР о государственном языке и письменности», в котором закрепляется статус иероглифической письменности как основной и буквенной письменности как вспомогательной. Буквенная письменность является обязательной для изучения в начальной шестилетней школе, ибо на ней строится обучение китайскому языку путунхуа миллионов китайцев в КНР, на ней основаны современные информационные компьютерные и телекоммуникационные технологии. Приспособленные для записи слов китайского языка путунхуа латинские буквы проникли во все

поры социальной жизни современного Китая. По мнению китайских языковедов, создание и внедрение звукобуквенного алфавита китайского языка путунхуа для Китая по своему научно-техническому значению в XX веке уступает только разработке атомной и водородной бомб и запуску искусственного спутника Земли. Благодаря звукобуквенному стандарту слова китайского языка «великий немой» − китайский иероглиф − заговорил звуками пекинской речи.

Но буквенные орфограммы слов китайского языка не являются фонетической транскрипцией этих слов, как может показаться при сравнении «глухонемой» иероглифической письменности и звукобуквенной. Осознание этого особенно актуально в наши дни, когда современные технические средства воспроизведения звучащей речи дали второе дыхание методике «попугая»: слушай и повторяй за диктором. Несомненно, что имитация как упражнение является эффективным и необходимым упражнением на любом этапе изучения китайского языка как иностранного, особенно на этапе вводно-фонетического курса. Однако, как показывает практика, при одновременном ведении преподавания двух видов письменностей − иероглифической и буквенной − последняя невольно начинает восприниматься как фонетическая транскрипция. Происходит смешение буквы и звука речи − фонемы (фонема − звук речи, используемый для различения слов), тем более, что многие фонемы в орфограммах китайских слов обозначаются различными комбинациями букв. Изучение орфограмм китайских слов происходит с использованием терминов традиционной китайской фонологии: инициалей, финалей и тона, которые русскоязычный студент не может рационально соотнести с привычными для него понятиями согласных и гласных звуков. Фактически, изучающего ставят перед вопросом: что тяжелее, пять килограммов или пять цзиней (цзинь − мера веса в Китае), или, что длиннее, пять метров или пять футов?

Далее, для преодоления недостатка метода «попугая» изучающему китайский язык студенту полезно знать основной психофизиологический механизм восприятия звуков речи иностранного языка: даже изощрённое ухо слышит в иноязычной речи не то, что реально звучит, а то, что оно привыкло слышать применительно к ассоциациям собственного фонологического

слуха. При узнавании звуков речи человек пользуется фонемной классификацией. Поэтому так важно осознавать и знать, из каких фонем состоят изучаемые китайские слова (целые серии китайских фонем с трудом усваиваются через призму фонологического слуха русского языка), и какими буквами алфавита они обозначаются.

Последствия восприятия звуков речи китайского языка через призму звуковой системы русского языка, к сожалению, до сих пор отражаются в учебниках китайского языка для русскоязычных студентов. Так, серия ретрофлексных **гласных** китайского языка называется «эризованными финалями» и фактически отождествляется со смычно-проходной вибрирующей **согласной** русского языка «Р».

Конечнослоговые носовые узкорастворные **гласные** китайского языка переднего и среднего рядов в русской практической транскрипции принято записывать буквами мягкой и твёрдой носовых переднеязычных **согласных** «НЬ» и «Н» соответственно и отождествлять с мягким и твёрдым согласными звуками.

При определении количества слогов китайского языка путунхуа из артикуляции китайских гласных выносятся (элиминируются) связочно-дифференцированные уклады голосовых связок (а китайские гласные в речи без таких укладов не произносятся и не существуют в словах китайского языка) и утверждается, что в китайском языке ограниченное количество − около 400 слогов. Такой подсчёт осуществляется путём введения некоей абстрактной гласной буквы, например «а», которая в сочетании, например, с согласными «m» и «ba» образует два слога: «ma» и «ba». Но слог − это произносимая единица речи, а приведённые буквенные абстракции в речи на китайском языке не произносятся. Китайские слоги строятся по внутренним законам китайского языка, впрочем, как и любого другого. Если, например, все пять гласных связочно-дифференцированной (тоновой) серии «а» сочетаются в словах с согласной «m», то только две из них сочетаются с согласной «c». Следовательно, гласные тоновой серии «а» с согласной «m» образуют пять слогов, а с согласной «c» два слога. А в предлагаемых таблицах слогов китайского языка из семи действительно существующих приводятся только два абстрактных. Вполне закономерно, что в современных китайских изданиях, например, в самом автори-

тетном Большом китайско-русском словаре список слогов китайского языка приводится в виде сочетаний согласных и связочно-дифференцированных (тонированных) гласных. И таких действительно существующих и произносимых слогов в словах китайского языка насчитывается около 1332. Что же касается передачи буквами русского алфавита орфограмм китайских слов, то эта практическая потребность оформлена в виде таблицы, но не слогов китайского языка, а сравнительной таблицы китайско-русских звуковых соответствий [4,2875-2877]. Таблица таких соответствий необходима для унифицированного обозначения в текстах на русском языке китайских фамилий, имён, топонимов и т.п. Проблема унифицированного обозначения китайских фамилий сегодня становится всё более явной. В СМИ наблюдается отсутствие единства. Например, если журналист пользуется методом траслитерации принятой в Китае орфограммы фамилии Hóng, то в русском тексте появляется «Хонг», если знает принятые в России соответствия, то пишется фамилия «Хун».

Ещё одним проявлением подхода к фонетической системе китайского языка через призму русского языка являются поиски словесного ударения в словах китайского языка. Результатом является то, что в некоторых учебниках китайского языка проходится тема о словесном ударении в китайском языке. Однако в учебниках китайского языка для иностранцев, издаваемых в КНР, понятие словесного ударения и разметка ударных гласных в многосложных словах отсутствуют. Китайцы, родным языком которых является китайский язык путунхуа, не могут выделить в многосложных словах ударные гласные, как это делается в текстах на русском языке для иностранных студентов.

Теоретическая информация и система практических упражнений главным образом направлены на преодоление типичных фонологических ошибок, приводящим к смысловым искажениям из-за непроизвольного ошибочного произнесения слов. Поэтому в поурочной рубрике «Информация к размышлению» порционно сообщаются сведения об изучаемых в данном уроке фонемах как языковых правилах, сформулированных в терминах звукоартикуляции. Звукоартикуляции китайского языка сравниваются со звукоартикуляциями русского языка с точки зрения русскоязычной интерференции, ведущей к фонологическим смысловым ошибкам. Например, при изучении консонантизма

китайского языка путунхуа акцентируется внимание на том, что в русском языке переднеязычно-верхнезубные согласные перед узким гласным «и» реализуются мягкими (палатализованными), например, в словах «**ди**ск», «**ти**кать», но в китайском языке апикально-верхнедёсенные согласные перед тоновой серией узкорастворных гласных «i» и перед этой слабой гласной не смягчаются. Например, tī «пинать», tiān «небо». Смягчение же, артикуляционно достигаемое подъёмом спинки языка к начальному участку твёрдого нёба, приводит к смешению этих согласных со среднеязычно-твердонёбными согласными и смысловым ошибкам, так как при таком произнесении получаются слова qī «семь» и qiān «тысяча» соответственно. При изучении вокализма китайского языка постоянно уделяется внимание связочно- дифференцированным (тонально-дифференцированным) гласным. Наряду с системной информацией о гласных фонемах, закрепляемой серией практических аналитических и имитативных упражнений, методично на основе минимальных оппозитивных пар слов (типа mā «мама» : mǎ «лошадь», gōngzhū «кабан» : gōngzhǔ «принцесса», hànzì «китайский иероглиф», hànzi «мужик») преодолевается психологический навык восприятия китайских гласных через призму родного русского вокализма в количестве шести сильных гласных фонем против тридцати одной сильной гласной фонемы китайского языка. Здесь уместно напомнить опубликованный в китаеведной литературе случай фонологической ошибки при произнесении связочно-дифференцированных гласных, спровоцировавший недоразумение с обеих сторон. Русские стажёры пришли в китайский ресторан и обратились к подошедшему официанту со словами: wǒmen yào shuìjiào «Мы хотим поспать». Удивлённый официант ответил: «Здесь нельзя спать». Пришедшие продолжали настаивать на своём желании, повторяя громче вышесказанную фразу. Но надо было сказать: wǒmen yào shuíjiǎo «Мы хотим пельмени». Недоразумение произошло из-за фонологической ошибки при произношении разнотональных гласных в этой паре слов: shuìjiào «спать»: shuíjiǎo «пельмени».

В пособии для простоты изложения только по необходимости используются символы международного фонетического алфавита (МФА). Это возможно благодаря описанию фонем китайского языка путунхуа в терминах звукоартикуляции и опре-

делению фонемы как языкового правила для производства звука речи. Главное для практического изучения китайского языка как раз и заключается в рациональном знании этих правил и их применении в процессе постановки правильного произношения на китайском языке путём выполнения предлагаемой системы упражнений, которые целесообразно дополнять коммуникативными упражнениями базового учебного пособия китайского языка. Параллельно происходит изучение и овладение правилами использования китайского звукобуквенного алфавита для записи слов китайского языка путунхуа. Это знание и умение является базовым требованием программы обучения китайскому языку как в КНР, так и в РФ. Сознательное акцентирование внимания на звукобуквенном стандарте слова методологически и методически весьма важно на этапе вводно-фонетического курса и начальном этапе изучения китайского языка. Во-первых, это обеспечивает правильную научную ориентацию обучаемого: речь на китайском языке, как и на его родном, можно записывать буквами. Слова в буквенном выражении можно читать и понимать на слух, как и на его родном языке. Во-вторых, это помогает обучаемому осознать практическую пользу знания звукобуквенного стандарта слова китайского языка путунхуа: любое новое слово можно записать буквами, произнести его и узнать его значение. Это помогает обучаемому преодолевать то, что в истории китаеведения назвали «иероглифическим фетишизмом» [5, 32-33] и рационально осознавать то, что вот уже более полувека как функционирование китайского языка путунхуа в КНР и за пределами КНР происходит при наличии двух письменных форм слова: традиционной иероглифической и новой буквенной.

Данный курс может применяться в качестве корректировочного теми студентами, которые не знакомы со звукофонемной теорией китайского языка и фактически изучали фонетическую систему китайского языка методом повторения за диктором. Принимая во внимание, что семантизация внутренней формы слов у таких студентов, как правило, непосредственно связывается с иероглифической формой слова, а не со звуковой, начиная с 15 урока примеры слов приводятся в двух формах: буквенной и иероглифической. Это расширяет сферу применения данного пособия, так как может использоваться студентами старших

курсов для корректировки произношения слов по теме правила фонетической цельнооформленности слова китайского языка путунхуа, которая фактически не представлена в используемых учебниках китайского языка.

Список литературы

1. Алексахин А.Н. Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа. Для русскоязычных студентов. Фонема-Звук речи-Слог-Слово. Аудиоприложение. Кафедра китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО – М.: Восточная книга., 2015.−175 с.
2. Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Издание второе, исправленное и дополненное.−М.: Восточная книга., 2010. −183 с.
3. Теоретическая фонетика современного китайского языка путунхуа. Базовый курс... Издание второе, исправленное и дополненное. –М.: Восточная литература., 2011. −342 с.
4. Алексахин А.Н. Китайские фонологические системы в межцивилизационном контакте Востока и Запада. Серия «Научная школа МГИМО» −.М., ВКН, 2015. − 464 с.
5. Большой китайско-русский словарь. Шанхай.: Вайюй цзяоюй чубаньше. 2009. −2877 с.
6. Алексеев В.М. Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. – Издательство академии наук СССР. Ленинград., 1932.−с.178.

Об авторе

Алексахин Алексей Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО-Университета МИД РФ.
E-mail asnls@yandex.ru.

THE INNOVATIVE INTRODUCTORY COURSE OF PRACTICAL PHONETICS OF THE CHINESE LANGUAGE PUTONGHUA FOR RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS

A.H. Aleksakhin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is about the introductory course in practical Phonetics of Chinese Mandarin for Russian students, based on innovative phonological (zvukofonemnoy) theory of Chinese. For the first time in the practical study of Chinese Putonghua teaching is based on knowledge of the differences between orfogramma and phonological transcription of Chinese words. The purpose of this manual is to provide Russian speaking students beginning to learn Chinese with a system-theoretical and practical understanding of phonetic-phonological system of Chinese. Chinese and Russian, in terms of the use of speech sounds to build words as central units of the human language, are directly opposed: vowels are more used in Chinese whereas in Russian it is consonants that are more used. There are 34 strong vowels in Chinese and 6 strong vowels in Russian. Phonetic-phonological system of the Chinese and Russian languages on one ground of comparing consonants and vowel phonemes (language rules for pronouncing consonants and vowels) are brought to a student as rationally understandable practical objects of study. Russian students get perceived ability to use their knowledge and skills of pronouncing the sounds of their native language to compare them with the consonants and vowel sounds of the Chinese language. System summary of knowledge combined with practical exercises (imitative, analytical and speechmental) allows students to effectively develop appropriate pronunciation skills and listening comprehension of speech sounds of Chinese, thereby developing an adequate phonological ear in Chinese Putonghua as the basic necessary competence for all kinds of speech activities in a given language. Introduction to practical phonetics of Putonghua for Russian-speaking students stood two editions (2013, 2015) and is used by many universities and schools of the Russian Federation as the Russians and Chinese teachers of some Confucius institutes in Russia.*

Key Words: innovation, phoneme, vocal dominant, ideography, phonography, phonetic transcription, orthography of words, disparity of descriptions.

References

1. Aleksahkin A.N. Vvodny kurs prakticheskoi fonetiki kitaiskogo yazika Putonghua. Dlia russkoiazichnyh studentov. Fonema-Zvuk rechi-Slog – Slovo. Audioprilozhenie. (Introductory course of practical phonetics in Chinese Putonghua. For the Russian students. Phoneme-Sound-Syllable-Word.) Department of Chineme, Vietnamese, Laotian and Tai languages at MGIMO (U). – M.: Vostochnaia kniga, 2015. – 175 s.
2. Aleksahkin A.N. Alfavit kitaiskogo Putonghua (The Alphabet of Chinese Putonghua.) 2-nd ed.− M.: Vostochnaia kniga, 2010. – 183 s.
3. Teoreticheskaya fonetika sovremennogo kitaiskogo yazika Putonghua. Basic course. (Theoretical phonetics of Chinese Putonghua. The basic course.) 2.-nd ed.,− M.: Vostochnaia literatura, 2011. – 342 s.
4. Aleksahkin A.N. Kitaiskie fonologicheskie sistemi v mezhzivilizatsionnom kontakte Vostoka i Zapada.(Chinese phonological and intercivilazation contact of the West and East.) Seriya “Nauchnaya shkola MGIMO”, –M., VKN, 2015, −464s.

5. Bolshoi Kitaisko-russky slovar' (Large Chinese-Russian Dictionary). Shankhai: Вайюй цзяоюй чубаньше. 2009. −2877 s.
6. Alekseyev V.M. Kitaskaya ieroglificheskaya pismennost' i eyo latinizatsiya. (Chinese hieroglyphic written language and its Latinization) –Izd-vo Akademii nauk SSSR. Leningrad. 1932.− s.178.

About the author

Aleksakhin Alexey Nikolaevich – doctor of philology, Professor, Chair of the Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai languages at MGIMO, e-mail: asnls@yandex.ru.

* * *

ОБРАЗ-СХЕМА КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА ZIEHEN)

М.А. Елизарьева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Данная статья посвящена полисемии немецкого глагола ziehen, ранее рассмотренной в работах В. Порцига, Ф. Хундеснурша и Г. Фритца. Исследования данных лингвистов были направлены в основном на выделение отдельных значений полисеманта, а не на объяснение связи всех его значений. В данной статье инвариант глагола ziehen выводится с помощью образов-схем, построенных в результате обработки контекстных примеров, взятых из корпуса немецкого языка. В ходе исследования из немецкого корпуса DWDS (подкорпус Kernkorpus des 20./21. Jahrhunderts) были отобраны примеры употребления глагола ziehen (без приставок). Данные примеры были распределены на 18 групп, в зависимости от того, какая образ-схема служит для их изображения. Некоторые образ-схемы объединяют несколько разных словарных значений, как прямых, так и переносных, в том числе в составе устойчивых выражений (in Betracht ziehen, Konsequenzen ziehen, Kritik auf sich ziehen, in Kalkül ziehen, Nutzen ziehen, eine Niete ziehen и т.д.). Несмотря на разнообразие схем, все они отражают линеарность траектории движения (например, seine Bahn ziehen, Kreise ziehen), формы референта (eine Linie, einen Strich ziehen), либо и того, и другого (einen Draht, eine Leitung ziehen, den Faden durchs Nadelöhr ziehen), что можно считать инвариантом глагола ziehen, объясняющим его обширную полисемию. Ввиду того, что данный инвариант демонстрирует высокую степень абстракции, то можно предположить, что полисемия глагола ziehen в дальнейшем будет разрастаться.

Ключевые слова: полисемия, многозначность, полисемант, инвариант, образ-схема, корпусная лингвистика, когнитивная семантика, когнитивная лингвистика, линеарность, глагол движения.

Полисемия – это неотъемлемое свойство всех естественных языков, позволяющее разрешить «противоречие между беспредельностью реального мира и конкретного опыта, бесконечностью человеческого познания, с одной стороны, и ограниченными возможностями языка, восприятия, памяти – с другой» [2, с. 270], иными словами – это проявление принципа экономии, ибо запомнить огромное количество знаков для каждого отдельного явления действительности было бы человеческой памяти не по силам. Вторая причина появления полисемии – это освоение нового «через данное, освоенное и известное», это моделирование новых объектов и ситуаций с помощью уже имеющихся семантических структур [1, с. 23].

Многозначность немецкого глагола *ziehen* рассматривалась такими немецкими лингвистами как В. Порциг, Ф. Хундеснурш и Г. Фритц. В их работах основное внимание было сфокусировано на отграничении значений данного полисеманта, в то время как выстраивание модели, которая позволяла бы объяснить, каким образом они все связаны одним языковым знаком, оставалось без внимания. Цель данной статьи — продемонстрировать, что все значения полисеманта *ziehen* непосредственно связаны между собой общим значением-инвариантом, который можно вывести, опираясь на достижения современной когнитивной семантики, в частности, используя для описания значений образы-схемы (image-schemes).

В. Порциг [4] при анализе глагола *ziehen* исходит из того, что единство многозначного слова обусловлено его историей и что вычленить значения полисеманта можно, рассматривая его в контексте семантических полей, в которые оно входит: если это компоненты разных семантических полей, то они являются разными словами, а не значениями одного слова. Для глагола *ziehen* автор выделяет такие компоненты ситуации, как объект, сила, которая его тянет, и направление, в котором это осуществляется [там же, с. 163]. В. Порциг утверждает, что в примерах

einen Strich ziehen и *Kaiser Rotbart zieht ins Heilige Land* глагол передаёт разные значения, входя в разные семантические поля (в первом случае – *schleppern, schieben, tragen,* во втором случае – *marschieren, wandern*). Точно так же отдельными словами автор считает глагол *ziehen* в предложениях *Sie sind nach Köln gezogen u Zieht es Ihnen*? Иными словами, В. Порциг отрицает многозначность глагола *ziehen*, считая его разные значения отдельными словами.

Г. Фритц выделяет две прототипичные ситуации для глагола *ziehen*: 1) А направляет свою силу на некоторый предмет (преодолевая сопротивление) в сторону А (с намерением сдвинуть этот предмет в свою сторону) и 2) А направляет свою силу на некоторый предмет (преодолевая сопротивление) таким образом, чтобы этот предмет двигался в направлении от А [3, с. 40]. Типичные примеры этих ситуаций: *Das Kind zieht am Türgriff; Das Kind zieht den Wagen.* Далее Г. Фритц детализирует эти ситуации для того, чтобы выстроить «семейное дерево» значений глагола *ziehen*, выделяя следующие варианты значений:

1) извлечение *(Er zieht den Korken aus der Flasche; Er zog den Colt aus dem Halfter; Der Zahnarzt zieht den Backenzahn; Die Pflanzen ziehen Nährstoffe aus dem Boden; Der Tee muss noch ziehen),* в том числе метафорическое *(Die Manager ziehen sich aus der Verantwortung; Er zieht den Kopf aus der Schlinge)*;

2) изменение формы, обычно у эластичных предметов *(A zieht den Kaugummi, den Draht; die Plastikmasse lässt sich ziehen)* и метафорическое употребление *(Die Sitzung zieht sich in die Länge)*;

3) притяжение *(Der Magnet zieht nicht mehr)*, в том числе метафорические *(Viele Leute zieht es in die Südsee)*;

4) мощность *(Der Motor zieht wie der Teufel)*;

5) создание предмета, по форме напоминающего линию *(Der Nachbar zieht eine Mauer, einen Zaun, einen Graben)*;

6) предмет, образующий линию *(Der Fluss zieht sich durch die Ebene)*;

7) движение в определённом направлении *(Die Wolken ziehen am Himmel, Die Schwalben ziehen nach Süden, Der Zirkus zieht von Gießen nach Wetzlar)*;

8) движение неосязаемых веществ *(A zieht den Rauch in die Lunge; Es zieht)*;

9) употребление глагола в устоявшихся выражениях и фразеологизмах *(j-n über den Tisch ziehen, Fäden ziehen, in Erwägung ziehen)*.

На наш взгляд, несмотря на детальность и достаточную объективность, данная классификация не отражает, каким образом все перечисленные выше группы значений оказались связаны одним языковым знаком. Кроме того, в статье Г. Фритца охвачены далеко не все распространённые варианты употребления глагола, а многие упомянутые устоявшиеся выражения и фразеологизмы остаются без объяснения. Для того чтобы восполнить данные пробелы, необходимо охватить гораздо более широкий спектр употреблений исследуемого полисеманта, что можно сделать, используя контекстные употребления, взятые из корпуса немецкого языка.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты немецкого корпуса DWDS (das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache), а именно подкорпусов Kernkorpus des 20. Jahrhunderts (за период 1945-2000 гг.) и Kernkorpus des 21. Jahrhunderts [5]. Общее количество результатов превышает 20 000, однако ввиду того, что среди них были предложения, в которых глагол *ziehen* был употреблён с отделяемой приставкой, определить точное количество контекстных употреблений исключительно леммы *ziehen* не представляется возможным.

Отобранные нами контекстные употребления полисеманта *ziehen* были сгруппированы в зависимости от того, с помощью какой образ-схемы может быть изображено их значение, при этом одна образ-схема может изображать как одно, так и несколько словарных значений. Формат статьи не позволяет нам рассмотреть все возможные образ-схемы, поэтому мы остановимся только на наиболее распространенных.

Описание первой образ-схемы (рис. 1) может быть сформулировано следующим образом: «Находящийся в движении объект, воздействуя на другой объект, заставляет его перемещаться за собой или вместе с собой, причём траектория движения обоих образует линию». Данная схема объединяет несколько значений, представленных в статье *«ziehen»* немецкого толкового словаря Duden [7]: 1) hinter sich her in der eigenen Bewegungsrichtung in gleichmäßiger Bewegung fortbewegen; 2) jemanden [an der Hand]

mit sich fortbewegen; 3) durch Einschlagen des Lenkrades, Betätigen des Steuerknüppels in eine bestimmte Richtung steuern. В корпусе содержатся такие примеры, как:

(1) *An diesem Sonntag wandte er sich mal wieder mir zu,* ***zog mich in die Küche****, wo Frau Fuchs saß und auf weitere Instruktionen wartete*. (Frank Goosen, Liegen lernen).

(2) *Er trug zuletzt einen zerrissenen Frack,* ***zog eine Karre durch die Stadt****, sammelte krumme Nägel, die er entrostete und auf einer alten Drehbank richtete, in seiner Bude am Bahndamm hinter Ginstergestrüpp, ein Areal, das die Familie dann kaufte und unter Landschaftsschutz stellen ließ.* (Degenhardt, Franz Josef, Für ewig und drei Tage).

(3) *Rammins* ***Pferde****, von ihm in Richtung von Doras Wirtschaftsgarten in Gang gesetzt, begriffen auch ohne Zügelhilfe, daß sie nur in einer halben Wendung aus diesem Hof kommen würden, und* ***zogen den Wage****n fürsorglich auf die Ausfahrt.* (Johnson, Uwe, Jahrestage).

(4) ***Jarvens Mutter zog den Wagen*** *mit hoher Geschwindigkeit nach rechts, dann auf die Ausfahrt.* (Kirsten Boie, Skogland).

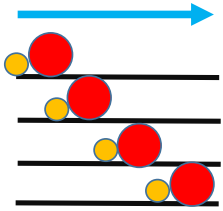

Рис. 1

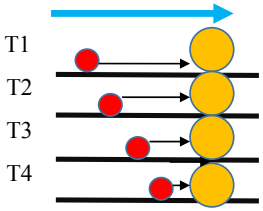

Рис. 2

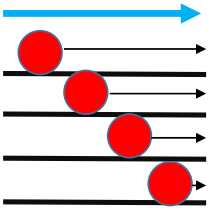

Рис. 3

Значение глагола *ziehen* в (4), также в примере 1. Фритца *Der Motor zieht wie der Teufel* можно рассматривать как исторические модификации значения из (3): если изначально силой, приводящей в движение транспортное средство, были животные, то с изобретением автомобилей их сменил мотор, а человек, сидящий за рулем, стал задавать направление движения. Получается, что при изменении объектов, составляющих ситуацию, классификация этой ситуации с точки зрения языка не изменилась. Та же самая образ-схема лежит в основе таких выражений как *etwas nach sich ziehen, Konsequenzen ziehen, durch den Dreck ziehen, ins Gespräch ziehen, vor den Kadi ziehen*.

Вторая образ-схема, также являющаяся одной из основных (рис. 2), следующая: «Неподвижный объект воздействует на другой объект так, чтобы приблизить его к себе, при этом траектория передвигаемого объекта образует линию». Под эту схему попадают такие значения, как: 1) in gleichmäßiger Bewegung [über den Boden oder eine Fläche] zu sich hin bewegen и 2) Anziehungskraft haben. Схему можно проиллюстрировать следующими примерами:

(5) *Nie hätte ich erwartet, dass* ***er mich heftig an sich zog*** *und in meinen Armen schluchzte wie ein kleines Kind.* (Ingrid Noll, Ladylike).

(6) *Zur Frage einer neutralen Haltung sagte er, daß ein neutralisiertes Deutschland sich dann zwischen einer mächtigen Sowjetunion und einem schwachen Europa befinden und Gefahr laufen würde, vom stärkeren* ***Magneten*** *in sein Kraftfeld* ***gezogen*** *zu werden.* (Archiv der Gegenwart, 20, 1950, Außenpolitik. Wehrwesen. Parteien. ATLANTIKPAKT [11.12.50]).

Данная схема лежит в основе метафорических выражений, таких как *Blicke, Hass, Kritik auf sich ziehen*, а также *jemanden auf seine Seite ziehen.*

Третья образ-схема представляет собой вариант второй, но с тем отличием, что объект, осуществляющий притяжение, либо указывается как некая сила, либо напрямую не называется, вместо этого указывается направление или конечный пункт:

(7) *Da sind wir«, sagte der Stollentroll. Er steckte seinen Zeigefinger in ein kleines unscheinbares Loch neben der Tür, und sie öffnete sich ohne jedes Geräusch wie ein* ***Theatervorhang, der in die Höhe gezogen*** *wird.* (Moers, Walter, Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär).

(8) *Ich ziehe zurück wie vom Feuer, und eine* ***geheime Kraft zieht mich wieder vorwärts*** *− mir wird's so schwindelig von allen Sinnen.* (Bädekerl, Klaus, Alles über Geld und Liebe).

Отсюда вытекает и метафорическое значение с безличным местоимением es:

(9) *Groot und Zille* ***zog es nach Buchting****, um von dort aus in See zu stechen. Sie wollten andere Kontinente kennenlernen, »unseren Horizont erweitern«, wie Zille es ausdrückte.* (Moers, Walter, Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär).

Кроме того, под эту же схему можно отнести такие устойчивые выражения, как *zur Rechenschaft, zur Verantwortung, zu Rate ziehen,* ряд абстрактных фразеологизмов с предлогом in: *ins Lächerliche, ins Betracht, in seinen Bann, in Kalkül, in Zweifel, in Erwägung, in Mitleidenschaft, ins Vertrauen ziehen,* а также фразеологизмов, основанных на конкретном зрительном образе: *in Abgrund, in seinen Kreis, in den Schmutz ziehen.*

Довольно широкий спектр ситуаций охватывает близкая первым трём образ-схема (рис. 4), описываемая как «Человек перемещает некий предмет по траектории, образующей линию», словарное значение при этом может быть совершенно разным (вертикальные стрелки изображают силу, направленную на предмет, горизонтальные – направление движения).

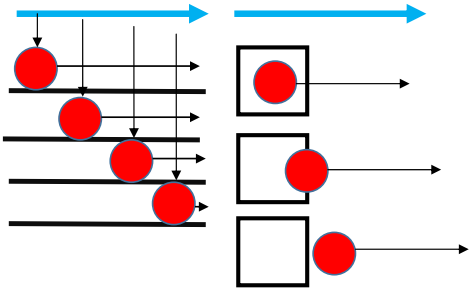

Рис. 4

Рис. 5

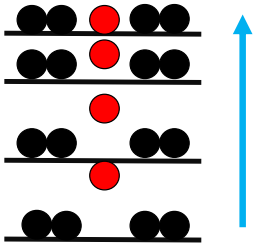

Рис. 6

(10) *Als ehemaliger Bewunderer kam ich nicht umhin, innerlich* ***den Hut vor ihm zu ziehen***. (Moers, Walter, Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär).

(11) *Okay, machen wir«, sagte Benno Kröttmann, stellte die Flamme wieder heller und heißer und* ***zog die Schutzbrille vor die Augen***. (Degenhardt, Franz Josef, Für ewig und drei Tage).

(12) *Wolfgang Hess aus Langen, ein großer, kräftiger Mann,* ***bekam eine Whiskyflasche über den Kopf gezogen****, und knapp am Kopf von Nero Reisz flog ein CD-Player vorbei.* (Hasselbach, Ingo/ Bonengel, Winfried, Die Abrechnung).

(13) *Sie* ***zog die Karte durch ihren Apparat*** *und runzelte die Stirn.* (Frank Goosen, Liegen lernen).

(14) *Herodias* ***zieht ihm den Ring vom Finger*** *und lässt ihn dem Henker zum Zeichen der Hinrichtung überreichen.* (Fath, Rolf, Reclams Lexikon der Opernwelt Band 5).

(15) *Wenn Weiß zuletzt* ***den Turm gezogen*** *hätte, wäre der schwarze König bereits durch den Läufer im Schach gewesen; wenn er den Läufer* ***gezogen*** *hätte, durch den Turm* (Der Spiegel 09.08.1982).

(16) *Basta zog* ***die Flinte von der Schulter****, blieb stehen und lauschte.* (Cornelia Funke, Tintenherz).

Весьма продуктивной является схема извлечения объекта из «контейнера» (рис. 5), объединяющая такие словарные значения, как: 1) mit einer ziehenden Bewegung aus etwas herausnehmen, herausholen и 2) gewinnen:

(17) *Basta stieß Staubfinger so grob von sich, dass er hinfiel, und wollte* ***sein Schwert ziehen****, doch seine Hände, bleich wie Papier hatten offenbar noch keine Kraft.* (Cornelia Funke, Tintenherz).

(18) *Dann habe er plötzlich* ***eine Waffe gezogen*** *und mehrere tödliche Schüsse auf den König abgegeben.* (Ermordung von König Faisal; Kronprinz Khaled neuer Könlg; Prinz Fahd neuer Kronprinz).

(19) *Den Weisheitszahn, den er* ***ziehen*** *mußte, gab er mir hinterher mit und erklärte, wenn ich den bei Sonnenuntergang in den Nil werfen würde, bekäme ich mein Lebtag kein Zahnweh mehr.* (Maltzan, Maria von, Schlage die Trommel und fürchte dich nicht)

(20) *Nachts nicht, sagt der Arzt; am besten wäre, Sie legen sich mal eine Woche ins Krankenhaus und lassen sich die verbrauchten* ***Krampfadern ziehen****.* (Wilhelm Genazino, Die Liebesblödigkeit).

(21) *Er hatte* ***ein Formular aus der Schublade gezogen*** *und legte es auf den Tisch.* (Moers, Walter, Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär).

Данная схема объясняет множество абстрактных метафорических выражений: *Fazit, Schlüsse, Schlussfolgerungen, Profit, Nutzen, Vorteile, Gewinn, Lehren aus etwas ziehen.* Кроме того, в основе фразеологизмов могут лежать более конкретные зрительные образы: *Wurzel aus einer Zahl ziehen* (по аналогии с извлечением из земли корня растения), *seinen Kopf aus der Schlinge ziehen, den Karren aus dem Dreck ziehen, etwas ans Tageslicht ziehen, einer Sache den Zahn ziehen* (по аналогии – вырвать зуб у зверя, т.е. сделать его безопасным).

Модификацией данной схемы может считаться схема, описывающая словарное значение «aus einer bestimmten Menge auswählen und herausholen» (рис. 6): *ein Buch aus dem Regal ziehen, eine Blume aus der Vase ziehen.* На этой схеме основаны

такие фразеологизмы, как *einen Los ziehen, eine Arschkarte, eine Niete, den Kürzeren ziehen*.

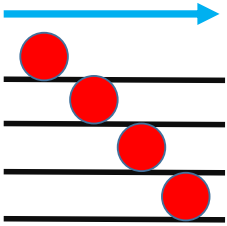

Рис. 7

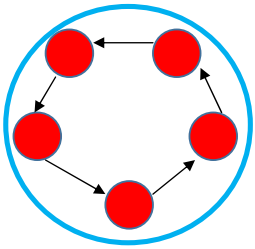

Рис.8

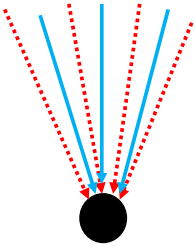

Рис.9

Следующая группа значений глагола *ziehen* отличается от рассмотренных выше тем, что в описываемых ими ситуациях присутствует только субъект, который перемещается по траектории, образующей линию. Отсутствует объект, на который оказывается воздействие. Здесь мы отметим три разных образ-схемы. Первая (рис. 7) объединяет значения: 1) seinen [Wohn] sitz irgendwohin verlegen, umziehen; 2) sich stetig fortbewegen, irgendwo[hin] bewegen; irgendwo[hin] unterwegs sein. Проиллюстрируем указанную схему примерами из корпуса:

(22) *Helene Amalie Ascherfeld war die Enkelin eines reformierten Kaufmanns, der Ende des 17. Jahrhunderts* ***nach Essen gezogen*** *und rasch zu erheblichem Wohlstand gelangt war.* (Lothar Gall, Krupp).

(23) *Willy Brandt sei ja dem Generalsekretär gut bekannt. Er* ***ziehe*** *jetzt wie ein alter Bischof oder Metropolit* ***durch die DDR****, mit segnender Hand und als Ehrenvorsitzender der SPD.* (Nr. 174: Gespräch Kohl mit Gorbatschow vom 10. Februar 1990).

(24) *Mir schwanden die Sinne, mir wurde schwarz vor den Augen, mir wurde lila und grün, dann sah ich* ***Möwen, Schwäne und Kraniche ziehen***. (Ingo Schulze, Neue Leben).

(25) *Noch 1962 aber ärgerte Edmund Wilson der Vorwand, unter dem die Deutschen 1914* ***in den Krieg gezogen*** *waren.* (Wolf Lepenies, Kultur und Politik).

Следующая схема (рис. 8) описывает значение «передвигаться кругами» (словарь Duden его отдельно не выделяет):

(26) *Ich breitete die Arme aus – und ich flog! Ich stürzte nicht mehr, sondern* ***zog wie ein Adler*** *majestätische, langsame* ***Kreise****,*

trudelte in einer weiten Spirale nach unten. (Moers, Walter, Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär).

(27) *Wenn die Formel-1-Boliden* ***ihre Runden ziehen****, versammeln sich weltweit bis zu einer Milliarde Fans vor der Glotze.* (Die Zeit 30.08.1996).

Третья образ-схема (рис. 9) характеризует ситуацию, также в отдельное словарное значение не выделенную: «Люди или животные в большом количестве движутся в направлении к определённому объекту так, что их траектории образуют линию»:

(28) *Nach Schluß dieser Veranstaltung zog eine* ***kleine Gruppe von Demonstranten zum Hauptbahnhof****, um dort den Protest fortzusetzen.* (Hannover, Heinrich, Die Republik vor Gericht 1954 - 1974).

(29) *Da Fliegen* ***zum Licht ziehen****, kam nach ein paar Augenblicken der Geheimdienstler als brummende Fliege ins Zimmer geflogen.* (Herta Müller, Der König verneigt sich und tötet).

Группу значений, обозначенную Г. Фритцем как «движение неосязаемых веществ», можно детализировать, выделив три образ-схемы (рис. 10-12): 1) движение воздушных масс вовнутрь так, чтобы его траектория воспринималась как линия *(frische Luft in die Nase ziehen, an der Zigarette ziehen, der Ofen zieht gut)*; 2) распространение запаха в некотором направлении *(Der Duft von Holunderbluten zog durch das Zimmer)*; 3) передвижение воздушных масс по траектории, воспринимаемой как линия *(Es zieht, wer macht das Fenster auf?)*.

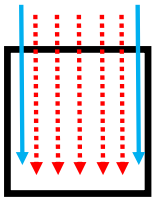

Рис. 10

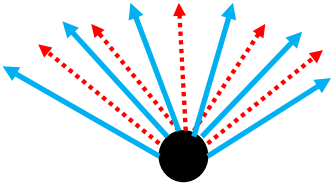

Рис. 11

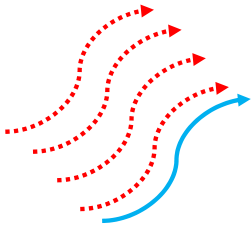

Рис. 12

Дальнейшие образ-схемы акцентируют линеарность не траектории движения, а формы предмета. Здесь наиболее прототипической будет образ-схема «Субъект создаёт объект в форме линии» (рис. 13):

(30) *Zwischendurch frisiert er das Haar nach vorne und zieht an beliebigen Stellen* ***einen Scheitel****.* (Wilhelm Genazino, Die Liebesblödigkeit).

(31) *Früher bin ich mit den Kindern manchmal hier essen gegangen, für 2,50 Mark pro Person. Dann hat die Stasi es für sich entdeckt und* ***einen Giftzaun um das Anwesen gezogen****.* (Die Zeit 15.07.1999).

(32) *Lisa huschte ins Bad,* ***zog sich einen Strich um die Augen****, tupfte etwas Parfüm an den Hals, ordnete die Haare, zupfte ihr T-Shirt zurecht und öffnete einen Knopf mehr.* (Jentzsch, Kerstin, Seit die Götter ratlos sind).

Данная схема стала основой таких фразеологизмов как *einen Schlussstrich, eine Trennlinie, einen Trennungsstrich, eine Grenze, Parallelen ziehen, wie mit Lineal gezogen sein,* а также менее очевидных: *seine Bahn ziehen, Vergleiche ziehen.* С некоторой натяжкой к этой образ-схеме можно отнести употребление глагола *ziehen* при описании мимики лица: *eine Grimasse ziehen, ein langes Gesicht ziehen, die Mundwinkel nach unten ziehen, die Stirn in Falten, kraus ziehen, die Lippen zur Seite ziehen*.

Рис. 13

Рис. 14

рис. 15

Две последующие образ-схемы статичны и могут быть рассмотрены как производные от выше упомянутой. Первая (рис. 14) отражает два словарных значения: 1) sich [auf irgendeine Weise] irgendwohin erstrecken, bis irgendwohin verlaufen и 2) sich hinziehen:

(33) *Um die kaiserlichen Teegärten* ***zogen sich hohe Mauern****, und die Teepflücker, die zur Erntezeit gerufen wurden, standen schon bei den kleinsten »Vergehen« unter strengen Strafen.* (o.A., Die grosse Welt der Getränke).

(34) *Er trägt einen roten Trainingsanzug von Adidas.* ***Die drei Streifen ziehen sich*** *über die gesamte Fläche.* (Lebert, Benjamin, Crazy).

(35) *Es läuft nämlich im Augenblick der dritte Akt in einem Drama (oder einer Posse), das sich seit sieben Jahren hinzieht und* ***sich wohl noch länger ziehen wird***. (Der Spiegel 18.01.1988).

Использование глагола движения ziehen для описания времени *(ins Unendliche ziehen, sich in die Länge ziehen)* встроено в общую концептуальную метафору ВРЕМЯ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО, типичную для большинства языков.

Более редким вариантом предыдущей образ-схемы выступает ситуация, когда несколько предметов расположены так, что образуют линию (рис. 15):

(36) *Wir wuchsen ja auf im Schatten der endlosen* ***Russenkasernen, die sich von Klotzsche bis hinein in die Stadt zogen***. (Ingo Schulze, Neue Leben).

(37) *Einer von ihnen, schwarz wie Ruß, kreist 27 400 Kilometer über den Neptunwolken, der andere, 37 500 Kilometer entfernt, besteht nur aus Ringbruchstücken,* ***die sich als gekrümmte Bänder um den Neptun-Äquator ziehen***. (Der Spiegel 28.08.1989).

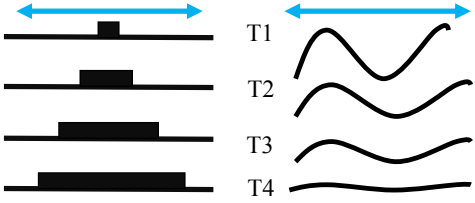

Рис. 16

Рис. 17

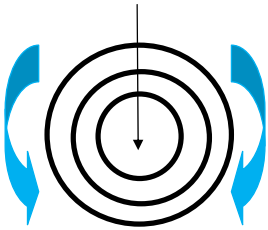

Рис. 18

Последний блок образов-схем описывает деформацию или передвижение предмета, образующего своей формой линию. Это может быть как растяжение предмета в длину (рис. 16), так и его передвижение или распрямление (рис. 17), например, в первом случае − *Kaugummi ziehen, der Teig zieht Fäden*, в переносном значении – *Laute, Töne, Silben ziehen, во втором – Draht, Leitung ziehen, den Faden durchs Nadelöhr ziehen*. Можно предположить, что значение «aufziehen, züchten» *(Rosen, Spargel, Schweine ziehen)* может быть возведено к первому варианту.

Деформация предмета может происходить также благодаря «сокращению» замкнутой линии, которую предмет образует своей формой, (рис. 18):

(38) *Sie hatten einen Kreis um ihn gebildet, zwanzig, dreißig Personen und* ***zogen diesen Kreis nun enger und enger***. (Süskind, Patrick, Das Parfum).

(39) *Schließlich ist er doch gut erzogen«, sie lachte und* ***zog das seidene Tuch fester um ihren Hals***. (Julia Franck, Lagerfeuer).

(40) *Bolström* ***zog den Gürtel seines Morgenmantels fester*** *und setzte sich auf einen Stuhl am Fenster.* (Kirsten Boie, Skogland).

Как уже отмечалось, формат статьи не позволяет нам рассмотреть все возможные образ-схемы глагола *ziehen*, однако уже те восемнадцать, которые мы проанализировали, позволяют выявить нечто общее, объединяющее несколько разных значений в одну образ-схему и присутствующее во всех схемах: траектория *(seine Bahn ziehen, Kreise ziehen)* или форма *(einen Scheitel, einen Strich ziehen*) референта, описываемые с помощью глагола ziehen, образуют линию. В некоторых случаях линеарными могут быть как траектория движения, так и форма *(Draht, Leitung ziehen, den Faden durchs Nadelöhr ziehen)*.

Именно линеарность траектории движения или формы предмета и можно считать инвариантом, из которого выводятся более конкретные значения-варианты. Высокий уровень абстракции инварианта объясняет крайне широкий спектр внеязыковых ситуаций, которые он может описывать, и позволяет предположить, что расширение полисемии данного глагола в будущем может продолжаться.

Список литературы

1. Кустова И.Г. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с. (Studia Philologica)
2. Ольшанский И.Г. Модели представления знаний и когнитивные аспекты полисемии//С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – с.270-276.
3. Fritz G. Extreme Polysemie – der Fall ziehen. Susanne Beckmann: Sprachspiel und Bedeutung. - Tübingen: 2000, S. 37-49.
4. Porzig W. Die Einheit des Wortes//Sprache. Schlüssel zur Welt. Festschrift für Leo Weisgerber. Herausgegeb von Helmut Gipper. Düsseldorf, Pedagogischer Verlag Schwann, 1959. – S. 158-167.
5. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: http://www.dwds.de/?qu=ziehen

6. Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag. Duden.de. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/ziehen

Об авторе
Елизарьева Мария Алексеевна – преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (У) МИД России, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ. E-Mail: marycreek@mail.ru.

IMAGE-SCHEMA AS A MEANS OF EXPLAINING POLYSEMY (THE CASE OF GERMAN VERB ZIEHEN)

M.A. Yelizaryeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article deals with the multiple meanings of the German verb ziehen, previously studied in the works of W. Porzig, F. Hundesnursch and G. Fritz. These linguists worked at distinguishing only the selected meanings of the polysemant, not at studying the interrelation of its meanings. In this article, the invariant of the verb ziehen is developed by means of using the image-schemas, created after the study of the contextual examples taken from a German Text Corpus. The German Text Corpus DWDS (subcorpus Kernkorpus des 20./21. Jahrhunderts) was used as the source of the contextual examples. The examples were divided into 18 groups according to the image-schemas, which serve to their representation. Some image-schemas embrace several dictionary meanings, both direct and transferred, including the verb ziehen in fixed phrases (e.g.in Betracht ziehen, Konsequenzen ziehen, Kritik auf sich ziehen, in Kalkül ziehen, Nutzen ziehen, eine Niete ziehen). Despite the differences between the image-schemas, they show the linear character of the referent's form (e.g. eine Linie, einen Strich ziehen), motion trajectory (e.g., seine Bahn ziehen, Kreise ziehen) or both (e.g. einen Draht, eine Leitung ziehen, den Faden durchs Nadelöhr ziehen). Although the image-schemas vary, they all represent the linear character of the referent's form or motion trajectory. The latter can be regarded as the invariant of the verb ziehen, which explains its extreme polysemy.*

Key Words: polysemy, sense disambiguation, metaphor, invariant, image-schema, corpus linguistics, cognitive semantics, cognitive linguistics, linear character, verb of motion.

References

1. Kustova I.G. Tipy proizvodnych znachenij i mechanismy jazykovogo rasshirenija [Types of derived meanings and mechanisms of language

extension], Moscow, Jazyki slawjanskoj kultury, 2004, 472 p. - (Studia Philologica)
2. Olshankij I.G. Modeli predstavlenija znanij i kognitivnyje aspekty polisemii [Models of meanings and cognitive aspects of polysemy]//S ljubovju k jazyku: Sb. nauch. trudov. Poswjashaetsja E.S. Kubryakovoj [With love to language: collection of research papers. Dedicated to E.S. Kubryakova], Moscow, Voronezh, IJ RAN Voronezh State University, 2002. p.270-276.
3. Fritz G. Extreme Polysemie – der Fall ziehen. Susanne Beckmann: Sprachspiel und Bedeutung. - Tübingen: 2000, S. 37-49.
4. Porzig W. Die Einheit des Wortes//Sprache. Schlüssel zur Welt. Festschrift für Leo Weisgerber. Herausgegeb von Helmut Gipper. Düsseldorf, Pedagogischer Verlag Schwann, 1959. – S. 158-167.
5. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: http://www.dwds.de/?qu=ziehen.
6. Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag. Duden.de. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/ziehen

About the author

Maria A. Yelizaryeva – Teacher of Department of German Language, MGIMO University; Postgraduate student of Department of General and Contrastive Linguistics, Moscow State Linguistic University.
E-mail: marycreek@mail.ru.

* * *

РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.А. Ильинская, М.В. Платонова, Т.Г. Смирнова

Рижский технический университет. Ул. Калькю 1, Рига, Латвия, LV-1048

Постоянный интерес к изучению современных научно-технических текстов обусловлен изменениями природы этих текстов, а также расширением набора риторических функций, которые они могут выполнять. Помимо информационной и аргументативной функций, многие специальные тексты выполняют также экспрессивную функцию с целью привлечь внимание к изложенным теоретическим фактам и эмпирическим данным. Для передачи новой информации всё чаще используются различные риторические приёмы, такие как вербальная метафора, персонификация, эпитет и аллюзия. Использование стилистически окрашенной лексики в специальных тестах позволяет сфокусировать внимание читателей, гарантируя, что новой информации уделили достаточное внимание. Вопрос приемлемости использования более экспрессивных способов передачи информации в специальных текстах остаётся предметом для дискуссии, но, несмотря на разницу во мнениях, тенденция использовать стилистически окрашенную лексику с большой долей вероятности продолжится и в будущем.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, риторическая стратегия, риторический приём, специальный текст, научно-технический дискурс.

The recurrent interest in the study of the contemporary scientific and technical texts is determined by the changes in the nature of these texts and the range of rhetorical functions they perform. Scientific and technical texts (further in the article referred to as special texts) are developed according to a set of conventions that aim at promoting communication and interpretation of the information presented. The transmission of information from the writers to the readers has been considered to be the main purpose of the scientific discourse.

Recently, a discussion on the rhetoric of science has become a focus of numerous studies [2; 3; 4]. In the traditional approach, the term 'rhetoric' was used to refer mostly to the organization and content of special texts, being the part of the concept of discourse [cf. 6]. However, according to Prelli [4], the modern analysis of the rhetoric of science should give an account of how scientists decide what to say to support their point of view; explain how a scientific audience differs from other audiences; discuss how scientists present and articulate knowledge, and finally, what genres, forms, and media scientists use to communicate that knowledge.

The rhetorical functions that the special texts are intended to perform define the application of certain rhetorical strategies, such as description, classification, definition, process analysis, comparison, exemplification, and argumentation. These strategies can be used both separately and in various combinations. Contemporary special texts are characterised by the tendency for expanding the range of functions they perform. Apart from purely informative and persuasive functions, many special texts also fulfill expressive function in an attempt to attract attention to the facts and evidence presented. Such rhetorical strategies as metaphoric representation and analogy are used to highlight or foreground certain information promoting interestingness and initiating discussion [cf. 5].

The rhetorical functions of the special texts have rarely been analysed with the focus on the degree of their interestingness, emotive character and poetic imagery. However, it is important to note that the contemporary special texts display a tendency for genre hybridity, which is manifested in increasing expressivity of scientific and technical discourse. The article analyses the rhetorical devices, which recently have become more frequently used in the production of special texts, for example, allusion, metaphor, personification, metonymy, and simile. Genre and pragmatic analyses

are integrated in the study of special texts in order to identify the instances of application of rhetorical elements characteristic of different genres of scientific and technical discourse, and to demonstrate how they contribute to meaning representation in the context of professional communication.

Genre analysis is required to investigate certain cognitive strategies necessary to achieve the communicative goals shared by the members of the discourse community [cf. 7]. Genres are viewed as "conventionalised forms of texts which reflect the functions and goals involved in particular social occasions as well as the purposes of the participants" [8]. Nevertheless, they demonstrate the tendency for mixing and change, giving rise to new rhetorical contexts and producing new generic forms [cf. 7]. Genre is a part of a communicative situation, and the communicative purpose of the text is the most important factor because it helps the participants distinguish one genre from another.

Popular science is one of the dynamically developing genres, which can be realised in a form of a book or journal article aimed at familiarising the society with scientific inventions, discoveries and/or technological innovations. The increasing interaction between scientific community and the general public alongside with the increasing use of multimedia and development of IT condition the changing character of the discourse in question, promoting multidisciplinarity and expressivity of professional communication. Different aspects of genre, namely, its use, structure and interpretation, have become widely employed in the discourse analysis and communication studies.

To illustrate the tendencies discussed, the field of architecture has been chosen as the medium. The themes addressed in the texts on architecture may include the issues connected with civil engineering, thermal comfort, environment-related questions, sustainable building practices, computer modelling, philosophical implicatures of architecture, art and aesthetic values. It means that the hybrid nature of texts on architecture is also conditioned by growing degree of multidisciplinarity, as the variety of the issues addressed by these texts presupposes the application of rhetorical devices typical of different genres.

The frequency of application of rhetorical devices in special texts is to a great extent influenced by the particular genre these

texts belong to. Blurring the boundaries between purely scientific and popular scientific generic forms, the researchers produce texts, which are more appealing to non-professional readers, as they are characterised by emotional mode of expression, picturesque vocabulary and extensive use of rhetorical devices, and thus promote the dissemination of knowledge and even commercial success of the publications.

This phenomenon is well illustrated by the following example taken from a book by R. Harbison, the author of numerous publications on the history of architecture. It can be generally defined as belonging to the genre of popular scientific prose.

> At St.Peter's Bernini *orchestrates* the whole progress of the worshipper and overpowers Michelangelo's structure without actually erecting anything very solid himself. With a gigantic altar canopy he creates powerful turbulence that affects the surrounding space. Though this construction is coated in metal, its forms are fluid. The *whole twists and vibrates*, starting from *Solomonic* columns and ending in an open canopy hung with fluttering cloth fringes rendered in gilt bronze[1] (emphasis added).

The author of the text both discusses the details of the interior of St. Peter's Cathedral using professional terms and attempts to render the aesthetic and spiritual effect to be experienced in the building. He employs a number of rhetorical devices, such as verbal metaphor, personification, and allusion. Despite its explicit expressive character, the text is aimed at a reader with certain professional background knowledge, capable of decoding the meaning of specialised terms both in the situational and cultural contexts.

It is important to note that even the genre of scientific article, which is regulated by the most rigorous set of conventions, is under the influence of this tendency. Although these articles are developed using unemotional, precise language of scientific prose, the authors use rhetorical devices characteristic of other genres, but with certain limitations. Having analysed volumes 7, 8, and 9 (2013-2014) of the Scientific Journal of RTU, Architecture and Urban Planning, it has been identified that apart from traditional rhe-

[1] Harbison, R. Travels into the History of Architecture. UK: Reaktion Books Ltd, 2009, p. 174

torical strategies discussed above, some authors have introduced the elements unconventional for scientific writing. As illustrated by the following example, metaphors are frequently used as elements of foregrounding.

> An exemplar case of recent modernisation of very sophisticated architectural *opus of modernism* in Poznan: Colegium Novum of Adam Mickiewicz University […] Design from 1968 was strongly vertical, with dispersed horizontal lines due to *elaborated rhythm of concrete girders*[2] (emphasis added).

The range of devices used by researchers may also include such figures of speech as rhetorical questions that are typical of such operative genres as publicist and promotional writing.

> … during the rise of global capitalism, *cities have also become commodities*, which are being evaluated, advertised and presented on the global level. […] After all, why what provokes the commodification of the past which in turn *transforms the cities into a stage for a spectacle that is directed by economic, rather than political actors*?[3] (emphasis added)

The concentration of rhetorical devices in the latter example allows maintaining that the conventions of scientific writing have become relatively flexible, and are limited only by the creative potential and professional competence of the author.

In the contemporary special texts, new information is often brought into focus using various rhetorical devices. The application of stylistically marked vocabulary within the special text allows focusing the attention of the readers on a particular information cluster, ensuring that the new information is not disregarded or missed. The issue of acceptability of the more expressive ways of communicating information in the special texts is still open to discussion, but despite the differences in opinions, this tendency is ongoing and is not likely to revert in the nearest future.

---

[2] Rumiez, A. Fractal Architecture. Architecture and Urban Planning. Vol 8. Riga: RTU Publishing House, 2013, p. 45

[3] Cepatiene, R. The Patterns of Urban Landscape Commodification. Architecture and Urban Planning. Vol 8. Riga: RTU Publishing House, 2013, p. 50

Список литературы

1. Bhatia, V. Analyzing Genre: Use in Professional Settings. London: Longman, 1993
2. Cepatiene, R. The Patterns of Urban Landscape Commodification // Architecture and Urban Planning. Vol 8. Riga: RTU Publishing House, 2013. C. 50-59
3. Connor, U. Contrastive Rhetoric: Cross-Cultural Aspects of Second Language Writing. NY: CUP, 1996.
4. Harbison, R. Travels into the History of Architecture. UK: Reaktion Books Ltd, 2009.
5. Iļjinska L., Platonova M., Samuilova O., Smirnova T., Rhetorical Strategies in the Contemporary Professional Text // VALODA-2014: Valoda dažādu kultūru kontekstā. Daugavpils: Saule, 2014. C. 406–413.
6. Kress, G. Linguistic Processes in Sociocultural Practice. Victoria: Deakin University Press, 1985.
7. Ornatowski C. M. Rhetoric of Science: Oxymoron or Tautology? Special Issue: Writing and Science, The Writing Instructor, September 2007. Available at: http://www.writinginstructor.com/ornatowski (Accessed April 15, 2015).
8. Prelli, L. J. A Rhetoric of Science: Inventing Scientific Discourse. Columbia, SC: U of South Carolina, P. 1989.
9. Rumiez, A. Fractal Architecture // Architecture and Urban Planning. Vol 8. Riga: RTU Publishing House, 2013. C. 45-49
10. Scarinzi A. Evoking Interest, Evoking Meaning: the Literary Theme and the Cognitive Function of Stylistic Devices // The State of Stylistics: PALA 26. Edited by G. Watson. Amsterdam: Rodopi, 2008. C. 137 – 154.
11. Trimble, L. English for Science and Technology, a discourse approach. GB: CUP, 1985.

Об авторах

Профессор **Лариса Александровна Ильинская** руководит Институтом прикладной лингвистики в Рижском техническом университете (РТУ) с 1999 года. Получив степень кандидата филологических наук в Ленинградском педагогическом институте в 1979 году, она начала работать в РТУ в должности доцента. Автор более чем 70 публикаций, включая 4 учебника для студентов инженерных наук. Основные направления исследования – семантика, прагматика, дискурсивный анализ, перевод научно-технических текстов и текстуальная лингвистика. Профессор Ильинская – глава научного комитета конференции «Значение в переводе: иллюзия точности» (Meaning in Translation: Illusion of Precision), почётный член Латвийской ассоциации переводчиков. Эксперт Латвийской академии наук. Email: larisa.ilinska@rtu.lv.

Марина Валерьевна Платонова – ассоциированный профессор сопоставительной и сравнительной лингвистики в Институте прикладной лингвистики, декан Факультета дистанционного обучения и гуманитар-

ных наук Рижского технического университета (РТУ). Получила степень PhD в Латвийском университете в 2011. Автор более чем 30 публикаций. Основные направления исследования – теория перевода, сопоставительная лингвистика, семантика, прагматика, терминология и текстуальная лингвистика. Член Европейского общества переводоведения с 2007. Эксперт комиссии оценки учебных программ по переводу, член совета Европейской ассоциации магистерских программ по переводу (European Master's in Translation Network). Почётный член Латвийской ассоциации переводчиков. Эксперт Латвийской академии наук.
Email: marina.platonova@rtu.lv.

Татьяна Герардовна Смирнова – доцент Института прикладной лингвистики в Рижском техническом университете (РТУ). Глава Методической комиссии Института прикладной лингвистики, член рабочей группы по развитию научного потенциала РТУ. Автор более чем 20 публикаций. Основные направления исследования – звукоизобразительность, семантика, прагматика и терминология. Email: tatjana.smirnova@rtu.lv.

RHETORICAL STRATEGIES IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

L. Ilynska, M. Platonova, T. Smirnova

Riga Technical University. 1 Kalku Str., Riga, Latvia, LV-1048.

Abstract: *The recurrent interest in the study of the contemporary scientific and technical texts is determined by the changes in the nature of these texts and the range of rhetorical functions they perform. Apart from purely informative and persuasive functions, many special texts also fulfill expressive function in an attempt to attract attention to the facts and evidence presented. New information is often brought into focus using various rhetorical devices, such as verbal metaphor, personification, epithet, and allusion. The application of stylistically marked vocabulary within the special text allows focusing the attention of the readers on a particular information cluster, ensuring that the new information is not disregarded or missed. The issue of acceptability of the more expressive ways of communicating information in the special texts is still open to discussion, but despite the differences in opinions, this tendency is ongoing and is not likely to revert in the nearest future.*

Key Words: professional communication, rhetorical strategy, rhetorical device, special text, scientific and technical discourse.

References

1. Bhatia, V. Analyzing Genre: Use in Professional Settings. London: Longman, 1993
2. Cepatiene, R. The Patterns of Urban Landscape Commodification. Architecture and Urban Planning. Vol 8. Riga: RTU Publishing House, 2013. pp. 50-59
3. Connor, U. Contrastive Rhetoric: Cross-Cultural Aspects of Second Language Writing. NY: CUP, 1996.
4. Harbison, R. Travels into the History of Architecture. UK: Reaktion Books Ltd, 2009.
5. Iļjinska L., Platonova M., Samuilova O., Smirnova T., Rhetorical Strategies in the Contemporary Professional Text. In: VALODA-2014: Valoda dažādu kultūru kontekstā. Daugavpils: Saule, 2014, pp. 406–413.
6. Kress, G. Linguistic Processes in Sociocultural Practice. Victoria: Deakin University Press, 1985.
7. Ornatowski C. M. Rhetoric of Science: Oxymoron or Tautology? Special Issue: Writing and Science, The Writing Instructor, September 2007. Available at: http://www.writinginstructor.com/ornatowski (Accessed April 15, 2015).
8. Prelli, L. J. A Rhetoric of Science: Inventing Scientific Discourse. Columbia, SC: U of South Carolina P. 1989.
9. Rumiez, A. Fractal Architecture. Architecture and Urban Planning. Vol 8. Riga: RTU Publishing House, 2013. Pp. 40-49
10. Scarinzi A. Evoking Interest, Evoking Meaning: the Literary Theme and the Cognitive Function of Stylistic Devices. The State of Stylistics: PALA 26. Edited by G. Watson. Amsterdam: Rodopi, 2008. pp. 137 – 154.
11. Trimble, L. English for Science and Technology, a discourse approach. GB: CUP, 1985.

About the authors

Professor **Larisa Ilynska** is the Head of the Institute of Applied Linguistics of Riga Technical University (RTU) since 1999. After receiving a PhD from the University of Saint-Petersburg in 1979, she joined RTU as an assistant professor. She has authored over fifty publications, including four resource books for students majoring in various scientific technical domains. Her research interests lie in semantics, pragmatics, discourse analysis, translation of scientific technical texts. She is the Head of the scientific committee of the scientific conference "Meaning in Translation: Illusion of Precision". She is an honorary member of the Latvian Association of Interpreters and Translators. Email: larisa.ilinska@rtu.lv.

Marina Platonova is an associate professor of Contrastive and Comparative Linguistics at the Institute of Applied Linguistics and the Dean of the Faculty of E-Learning Technologies and Humanities at Riga Technical University (RTU). She has obtained a PhD from the University of Latvia in 2011. She is the author of more than 30 publications. Her research interests lie in the fields

of translatology, contrastive linguistics, semantics, pragmatics, terminology and text linguistics. She has been the member of the European Society for Translation Studies since 2007. She is also included into the list of experts in the field of translator training and is the member of the Board of European Master's in Translation Network. She is an honorary member of the Latvian Association of Interpreters and Translators. Email: marina.platonova@rtu.lv.

Tatjana Smirnova is an assistant professor specializing in linguistics and translation at the Institute of Applied Linguistics, Faculty of E-Learning Technologies and Humanities at Riga Technical University (RTU). She is the head of Methodological Commission of the Institute of Applied Linguistics, a member of the working group on the advancement of institutional research capacity of Riga Technical University. She is the author of more than 20 publications. Her research interests lie in linguistic iconicity, semantics, pragmatics, and terminology. Email: tatjana.smirnova@rtu.lv.

* * *

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ОСНОВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)

Е.М. Караваева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

Английский язык являет собой один из лучших примеров изменения и развития. К числу наиболее частотных механизмов изменений, происходящих в современном английском языке в грамматике, лексике и фонетике относятся: фонетическая и структурная редукция, взаимное влияние одного варианта или диалекта языка на другой, творческие инновации и продуктивное словообразование, а также взаимное влияние разных стилей языка. Популярные художественный дискурс содержит многочисленные примеры подобных изменений. Несмотря на изменения в отдельных сферах, в целом английский язык меняется не очень быстро, и останется в привычном виде на достаточно долгое время. Однако важно внимательно наблюдать за происходящим в языке, чтобы вовремя модифицировать традиционные правила.

Ключевые слова: современный английский язык, лексико-грамматические изменения, фонетическая редукция, американизмы, стили языка.

«Язык – система знаков, предназначенная для фиксации, переработки и передачи сведений от одного субъекта к другому. Язык представляет собой систему и единое целое. Он ор-

ганизуется как упорядоченный набор различимых и служащих различению «знаков», которые обладают свойством разлагаться на единицы низшего порядка и соединяться в единицы более сложные. Эта большая структура, включающая в себя меньшие структуры нескольких уровней, и придает форму содержанию мысли» [1; С. 68]. Одновременно «язык представляет собой совокупность различных языковых вариаций, возникновение которых вызывается действием самых различных факторов» [4; С. 7]. Английский язык являет собой один из лучших примеров изменения и развития. Современному читателю сложно воспринимать написанное на английском языке пятьсот лет назад, и, наверное, он бы мало что понял, если бы довелось услышать что-либо на этом языке. Даже за значительно более короткие периоды времени – десять или двадцать лет – происходит достаточное количество изменений для того, чтобы преподаватели и грамматисты принялись вносить поправки в учебники, а представители старшего поколения начали жаловаться на то, что язык умирает.

Изменения в языке происходят по ряду причин. В данной статье мы рассмотрим наиболее частотные механизмы изменений, происходящих в современном английском языке в грамматике, лексике и фонетике.

Одним из мощных рычагов языковых изменений является фонетическая эрозия. Производство речи – сложный физический и умственный процесс, и люди естественным образом стремятся затрачивать меньше усилий. Поэтому менее важные слоги становятся менее ударными и редуцируются, иногда до такой степени, что могут совсем исчезнуть, как, например, в словах *February (‘Febry’), probably (‘probly’)* и *secretary (‘secretry’* или *‘secetry’)*. Служебные слова в речи часто ассимилируются: *have to > ‘hafta’; going to > ‘gonna’; could have > ‘coulda’*; а порой и полностью исчезают: *I’ve got > ‘I got’; What do you want? > ‘What you want?’* Подобные изменения, изначально считавшиеся признаком небрежной речи, могут стать столь распространенными, что, в конечном итоге, повлияют на всю грамматическую структуру языка. Частично именно этим можно объяснить, почему современный английский язык так сильно отличается от древнеанглийского. Окончания (флексии) древнеанглийских глаголов, существительных и прила-

гательных исчезли, уступив свои функции вспомогательным глаголам, служебным словам и фиксированному порядку слов.

Редукция происходит не только на фонетическом уровне, но и на структурном. Несущественные изменения, мало влияющие на процесс коммуникации, могут не осознаваться носителями языка, и как следствие, закрепляться в языке. Различия в произношении форм неправильных глаголов, например: *sank / sunk* или *sang / sung*, достаточно неустойчивы. В настоящее время формы часто путаются, поэтому в устной речи встречаются высказывания подобные следующим: *'She sung very well in yesterday's concert,'* или *'The ship sunk without trace'* [7]. Правила, определяющие, какие структуры могут следовать за английскими глаголами и существительными, иногда крайне запутанны и противоречивы. Неудивительно, что можно встретить предложения: *'I now have pleasure to enclose the correct enrolment form,'* или *'They have a tendency of using plates as ashtrays.'* И хотя эти примеры по-прежнему остаются за рамками традиционных грамматических норм, некоторые из них вполне могут стать регулярными характеристиками в будущем. Подобное уже происходит с английскими модальными глаголами, которые выражают многочисленные тонкие оттенки отношения говорящего к содержанию высказывания, а также отношения содержания высказывания к действительности. В современном английском языке модальные глаголы постепенно меняют свои изначальные значения. Ярким примером может служить использование модального глагола *may* в сочетании с перфектным инфинитивом *(have done)*. Традиционно эта конструкция использовалась для выражения возможного действия в прошлом: *(after an accident) 'They have taken her in for an X-ray – she may have broken her leg.'* Сегодня, однако, многие начинают использовать эту структуру для описания нереализованной возможности: *'You were stupid to go skiing there – you may have broken your leg.'* Ранее подобное значение выражалось только при помощи модальных глаголов *might* и *could*.

К современным грамматическим изменениям можно отнести постепенную замену флективных форм степеней сравнения прилагательных аналитическими: например, вместо *commoner* употребляется форма *more common*; а также рост числа использования формы множественного числа сущест-

вительных, выполняющих функцию определения в составных существительных: *antiques shop, drugs problem, arrivals lounge, etc* [7].

Мир движется вперёд, старые формы выражения «изнашиваются», и носители языка, особенно молодое поколение, стремятся «оживить» язык. Таким образом, творческие инновации – ещё один мощный стимул для языковых изменений. Использование *'I was like'* в значении *'I said' (I was like 'You can't do that,' – She was like 'Well, I'm gonna.')* было нововведением, которое очень быстро распространилось. Аналогичным образом в современном английском, видимо, появится новый вспомогательный глагол для выражения будущности. Очень часто, особенно в средствах массовой информации, можно услышать, что *'something is set to happen: interest rates are set to rise; pub opening hours are set to change.'* Не так давно эта конструкция была метафорой – аллюзия на бегуна в позиции готовности перед стартом – и использовалась только по отношению к людям, готовым что-либо сделать. Сейчас метафорическое значение уходит на второй план, а *'to be set to do'* используется и в отношении неодушевлённых предметов и процессов.

Ещё одним примером нововведений в грамматике может служить возвращение различных форм единственного и множественного числа во втором лице, от которых английский язык избавился около трёхсот лет назад. Например, в обыденной речи говорящие используют форму *'you guys'*, причём к лицам обоих полов, вместо традиционного *'you'* [7]. Вполне возможно, что это выражение превратится в новую грамматическую единицу – местоимение.

Безусловно, грамматика – не единственная область в языке, в которой происходят изменения. Наиболее заметные перемены случаются в лексике и фонетике. За последние пятьдесят лет в стандартном британском произношении произошли быстрые и заметные изменения. «Принятое произношение» *(Received pronunciation – RP)*, которое считалось эталоном вплоть до 60-х годов XX века, утратило былой престиж. Сейчас на нём говорят не более 3% населения, а его положение занимает *'Estuary English'* – лондонский диалект [7].

Аналитический строй английского языка и скудость флексий делают его морфологически гостеприимным, и английский

продолжает активно заимствовать новые слова. В течение XX века английский язык пополнялся заимствованиями из 56 языков, причём самое большое их число пришло из французского языка [5]. Однако из огромного количества новых слов, пополнивших английскую лексику за последние сто лет, большинство возникло в структуре самого английского языка, в основном при помощи аффиксации. Несмотря на малое число флексий, в английском очень развита деривативная морфология. Более ста аффиксов находятся в постоянном использовании, включая большое число элементов, изначально заимствованных из греческого языка и латыни. Именно они сегодня наиболее продуктивны: *auto-; eco-; cyber-; mono-; macro-; inter-; -ology; -cratic; -phile; -phobe*.

Взаимное влияние одного варианта или диалекта языка на другой также является важным механизмом, влекущим изменения. Маргинальные диалекты обычно стремятся к стандартному, который имеет более высокий социальный и культурный статус, и как следствие, считается более правильным, элегантным и престижным. Особый интерес представляет то, как язык меняется через культуру другой страны и уже изменившимся возвращается на родину. Об этом свидетельствуют лексико-грамматические изменения, вызванные взаимодействием британского варианта английского языка с американским [2]. С 1950-х годов отмечается усиленное проникновение американизмов в речь англичан. Американизмами в данной работе мы условно называем лексические, фонетические и грамматические особенности английского языка в США, представляющие собой сравнительно немногочисленные отклонения от британской литературной нормы. Одной из причин распространения американизмов является влияние средств массовой информации, которые делают американский вариант английского языка популярным и привычным как в собственно Великобритании, так и в других странах, где он становится даже более распространённым, чем британский вариант [3]. Вследствие популяризации в Великобритании американской литературы, кино и эстрады, американизмы постепенно проникают в английские издания и внедряются в английский язык. Британский английский подвергается незначительным изменениям под влиянием мощного американ-

ского варианта, поэтому небольшие различия в грамматике между двумя вариантами исчезают. Сегодня, к примеру, британцы часто употребляют глагол *to do* для образования вопросительно-отрицательной формы глагола *to have* для выражения значения временного обладания – *'Do you have a match?'*, в то время как люди старшего поколения сказали бы *'Have you got a match?'* Использование *like* вместо *as if (He looked like he'd seen a ghost)*, которое получило широкое распространение в разговорном американском варианте, становится более частотным и в Британии. Различия между британским и американским вариантами английского в использовании *must* и *have to* становятся все более размытыми [6]. Однако важно отметить, что влияние американского и британского вариантов взаимно. Британская «высокая» культура по-прежнему имеет значительное влияние в определённых американских кругах, и это способствует укреплению тенденции имитировать британский английский. В статье *Los Angeles Times* (опубликованной в газете *Guardian* 8 апреля 2005г.) автор сожалеет о проникновении модных элементов британского английского *(Britspeak)* в Америку, например: *send up* в значении *parody, spot on – dead on; sacked – fired; go missing – disappear; at the end of the day – in the end* [7].

Следующим механизмом изменений в языке можно назвать взаимное влияние разных стилей языка. В Англии и Америке XIX века письменный английский язык был основным инструментом законотворчества и культуры и имел большой престиж. В то же время неофициальный разговорный язык считался «бедным родственником». Развитие устных средств массовой информации значительно поспособствовало тому, чтобы различия между разговорным и письменным языком постепенно сокращались, и многие из классических правил, прописанных в XVIII – XIX веках, утрачивают силу. К примеру, использование *they/them/their* по отношению к неопределённому лицу *(If anybody phones, tell them I'm out)*, ранее допустимое только в разговорной речи, становится приемлемым в более официальных стилях. Подобные изменения можно отметить в следующих конструкциях:

- предлоги в конце придаточного предложения *(something that teachers often worry about)*;

• формы местоимений в случае двойного подлежащего или дополнения *(John and me went to the cinema or between you and I)*;

Несмотря на то, что эти формы веками существовали в языке (примеры можно найти в произведениях Шекспира и Джейн Остин), приверженцы классического английского лишь недавно их приняли. Сегодня использование неофициальной грамматики в электронной переписке еще больше сокращает различия между письменной и устной речью. В свою очередь это может повлиять на традиционные формы письма.

Языковые изменения, конечно, не происходят в одночасье. Изменения малого масштаба, касающиеся некоторых языковых форм, распространяются довольно быстро, особенно в наш век электронной коммуникации. Уже упомянутый пример использования *was like* в значении *said* «переселился» из американского варианта в язык молодых британцев примерно за десять лет [7]. Однако более масштабные языковые изменения, затрагивающие системный уровень, могут оформляться в течение нескольких столетий. К примеру, по-прежнему в английском языке остаются глаголы, которые не используются во временах группы Continuous. Хотя и это правило иногда нарушается: *I'm understanding maths much better now; She's really liking her new job; I'm loving it*. Изменения форм сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных также имеют долгую историю. Сначала *more* и *most* употреблялись с трёхсложными и многосложными прилагательными (форма *beautifullest* существовала вплоть до XVIII века), но со временем они стали применяться и по отношению к двусложным прилагательным. Среди других, происходящих в настоящее время изменений, можно назвать более широкое распространение формы *going to*; замена *shall* и *should* на *will* и *would*; активное использование get в пассивном залоге; уменьшение роли subjunctive (особенно в британском английском) и исчезновение формы *whom*.

Меняется не только язык. Наши знания о языке постоянно расширяются и обогащаются в свете происходящих лингвистических исследований. Сегодня мы знаем о языке гораздо больше, чем раньше. А учитывая рост доступности электронного

языкового корпуса, в составе которого сотни миллионов слов аутентичного устного и письменного английского, становится значительно легче дополнять и пересматривать традиционные нормы, поскольку исследование корпуса вскрывает новые факты о функционировании языка. К примеру, исследование, проведённое Дж. Личем в 2003 году, выявило, что модальные глаголы must и may используются реже, чем несколько десятилетий назад [6]. Этот факт нельзя было бы установить, или даже догадаться о его существовании, без использования инструментов исследования корпуса. Подобные исследования не только расширяют наши знания о грамматике, но трансформируют лексикографию, поскольку становится всё более очевидным, что каждое слово в языке является частью сложной и уникальной системы взаимосвязей.

Возникает закономерный вопрос: как относиться ко всем происходящим в языке изменениям? По мнению Майкла Свона преподавателям английского языка вряд ли стоит беспокоиться. Несмотря на изменения в отдельных сферах, в целом английский язык меняется не очень быстро, и останется в привычном виде на достаточно долгое время. Однако важно внимательно наблюдать за происходящим в языке, хотя бы для того, чтобы суметь ответить на вопросы учеников о нововведениях, а также вовремя модифицировать традиционные правила. С этой точки зрения авторы учебных пособий и грамматических сборников наделены особой ответственностью. Им необходимо быть предельно внимательными ко всем изменениям, чтобы избежать неточностей и ошибок.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 2002 – 448 с.
2. Клименко А. В. Перевод. Ремесло перевода. Практический курс. – М.: АСТ: Восток − Запад, 2007 – 636 с.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – Спб.: Златоуст, 1999 – 310 с.
4. Серебренников Б. А. Общее языкознание. – М., 1997 – 602 с.
5. Algeo, J. ‘Vocabulary’ in The Comparative history of the English language, volume IV, 1776-1997 (ed. S. Romaine). Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
6. Leech, G. ‘Modality on the move: the English modal auxiliaries 1961-1992’, in Roberta Facchinetti, Manfred Krug and Frank Palmer (eds.)

Modality in Contemporary English, Topics in English Linguistics 44. Berlin / New York: Mouton de Gruyter, − 2003.
7. Swan, M. What is happening in English? // English Teaching Professional. − № 40 – 2005.

Об авторе
Караваева Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки), доцент кафедры английского языка №2, МГИМО (У). E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru.

CERTAIN CURRENT CHANGES IN MODERN ENGLISH

E.M. Karavaeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *All languages change. Even over ten or twenty years enough changes have taken place to force teachers and grammarians to update their descriptions. Language change happens for various reasons. Mechanisms of change include phonetic and structural reduction, creative innovation and the influence that one form of a language can have on another. However, despite developments in specific areas, English as a whole is not changing very quickly. But it is important to keep an eye on what is happening, so as to be able to answer students' questions about new usage, and to be able to modify traditional explanations as this becomes necessary.*

Key Words: modern English, vocabulary and grammar changes, phonetic reduction, American variant, formal and informal language styles.

References

1. Benvenist E. Obshchaia lingvistika [General linguistics]. – M., 2002 – 448 p.
2. Klimenko A. V. Remeslo perevoda. Prakticheskii kurs [The trade of Translation. Practical Course] – M.: AST: Vostok - Zapad, 2007 – 636 p.
3. Kostomarov V. G. Yazykovoi vkus epokhi: is nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media [The language taste of the époque: observations of mass media]. – Spb.: Zlatoust, 1999 – 310 p.
4. Serebrennikov B. A. Obshchiee yazykoznanie [General language studies]. – M., 1997 – 602 p.
5. Algeo, J. 'Vocabulary' in The Comparative history of the English language, volume IV, 1776-1997 (ed. S. Romaine). Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

6. Leech, G. ‘Modality on the move: the English modal auxiliaries 1961-1992’, in Roberta Facchinetti, Manfred Krug and Frank Palmer (eds.) Modality in Contemporary English, Topics in English Linguistics 44. Berlin / New York: Mouton de Gruyter, - 2003.
7. Swan, M. What is happening in English? // English Teaching Professional. - № 40 – 2005.

About the author

Ekaterina Mikhailovna Karavaeva – PhD in Foreign Literature, Associate Professor, the Department of English language № 2 at MGIMO (U).
E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru.

* * *

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДЭВИДА КЭМЕРОНА

А.Н. Погребнова

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье анализируется текстовой и видео материал предвыборных (2014-2015 гг.) речей британского премьер-министра Дэвида Кэмерона и делается попытка создания речевого портрета политика. Выявляются наиболее распространённые речевые тактики, с помощью которых оратор достигает поставленных прагматических целей, рассматриваются лексические средства реализации выбранных тактик, а также паралингвистические особенности дискурса политика. В результате исследования обнаружено, что основными тактиками, применяемыми во всех предвыборных речах Д. Кэмерона, являются тактики самопрезентации, оппозиционирования и пропаганды сплочения нации и новых национальных ценностей. В лексическом аспекте политический дискурс Д. Кэмерона приближен к обыденной речи, богат эмоционально-оценочной лексикой. Д. Кэмерон предстаёт яркой языковой личностью и убедительным оратором, способным оказывать как прагматическое, так и эмоциональное воздействие на широкую аудиторию.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация, языковая личность, речевой портрет, эмоциональное воздействие, речевые тактики, Дэвид Кэмерон.

Антропоцентрическая парадигма современной науки ориентирует на понимание текста как результата деятельности индивида, отражающего свойственную данному индивиду специфическую картину мира. Такой подход требует воспринимать текст как одно из функциональных проявлений своего создателя, направленное на самореализацию в качестве «языковой личности» и осуществление контакта с другими [11].

Под языковой личностью, вслед за Ю.Н. Карауловым, нами понимается «… любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих тестах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [9. С. 671]. Таким образом, языковая личность может быть изучена посредством анализа продуцируемых ею текстов.

Феномен языковой личности многогранен, он может рассматриваться в узком смысле как совокупность особенностей вербального поведения отдельного индивида, использующего язык как средство общения, так называемая «коммуникативная личность». В широком смысле под языковой личностью понимается закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определённого языка, составленный на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отражённых в словаре или любом репрезентативном корпусе текстов, в этом случае рассматривается модель языковой личности: коллективная, типизированная личность, словарная, этносемантическая языковая личность [2,6]. «Работы о языковой личности как типизируемом образовании строятся на изучении коллективной языковой личности и связываются с каким-либо её аспектом. Аспекты выделяются в зависимости от той конкретной области знания, которая является исходной для построения модели языковой личности» [6. С. 225]. Всестороннее изучение языковой личности дало начало новому ответвлению лингвистических исследований – лингвоперсоналогии, впервые выделенной в самостоятельную дисциплину В.П. Нерознаком [7]. Ю.Н. Караулов предложил трёхуровневую структуру языковой личности: вербально-семантический,

на котором отражается владение лексико-грамматическим фондом языка, когнитивный, репрезентирующий языковую картину мира, и прагматический, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации [4].

Одним из приёмов изучения языковой личности является составление «речевого портрета». Речевое портретирование, как и изучение языковой личности, представляется нам актуальным в общем и частном смыслах. В случае изучения типизированной или коллективной языковой личности под речевым портретом понимается «систематическое описание воплощённой в речи языковой личности определённой социальной общности» [5. с 484]. Однако речевое портретирование языковой личности является правомерным и в частном случае изучения коммуникативного поведения отдельного индивида как представителя определённого этноса, культурного или профессионального сообщества. Результатом исследования коммуникативной личности часто является выявление её лингвокультурного типажа. Лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение, и речевое портретирование «представляет собой продуктивный исследовательский приём, если, разумеется, такой типаж не относится к исторической архаике и допускает изучение посредством наблюдения» [3, с. 22].

Объектом нашего исследования является языковая личность политика как субъекта политического дискурса. Современные исследования в области политической коммуникации (лингвополитологии) актуальны как в нашей стране, так и за рубежом, они весьма многочисленны и разноплановы. В частности, такие отечественные авторы, как Л.А. Нефёдова, Л.П Седых посвятили свои исследования изучению дискурса первых лиц государств: Н. Саркози, В. Путина, А. Меркель с целью определения характерных особенностей языковой личности данных политиков и инструментов, с помощью которых они добиваются желаемого речевого воздействия [8,10].

Особенность политической коммуникации заключается в её высокой прагматической направленности: она является средством борьбы за власть, ориентирована на пропаганду определённых идей, оказывает эмоциональное воздействие на

аудиторию, стремится повлиять на политические убеждения адресата, побуждает его к определённым действиям. Именно поэтому «язык политика должен, в соответствии с выбранными коммуникативными стратегиями и тактиками, быть ярким и прагматически значимым: современный политик обязан мастерски владеть системой изобразительно-выразительных средств, чтобы воздействовать на аудиторию, оказывать на неё влияние; давая оценку событиям, иметь возможность рассчитывать на отклик в оценке» [12 С. 140]. Далее автор указывает но то что, ораторское мастерство политика определяет «…широкий спектр лексико-стилистических средств и риторических приёмов, применяемых в устном политическом выступлении, а также способность политика активно варьировать их в зависимости от состава аудитории с учётом фактора адресации» [там же].

Важным фактором, радикально изменившим политический дискурс явилось распространение телевидения и интернета. Оно повлекло за собой изменение аудитории слушателей, на которую ориентировано речевое воздействие политика: мало того, что эта аудитория несоизмеримо расширилась, она стала намного более диверсифицированной. С.А. Чубай отмечает, что необходимость воздействовать на адресата в изменившихся социальных условиях определила отход политика от позиций «вышестоящего», «вещающего» и стремление сблизиться с народом, стать с ним «равным», «своим». [14. С 40]. По мнению Салли Янг (Sally Young), переворот в стиле общения политика с аудиторией совершили американские президенты Джон Ф. Кеннеди, Рональд Рейган, Билл Клинтон. Их манера политического выступления отличалась свободной непринуждённостью, позицией равенства с аудиторией, а лексико-прагматические характеристики их выступлений максимально приблизились к разговорной общеупотребительной речи, утратив стилевую принадлежность политического выступления к профессиональному сленгу [15]. Таким образом, основными характеристиками современного политического дискурса мы считаем высокое ораторское мастерство и экспрессивность политического выступления, стремление к скорее эмоциональному, нежели интеллектуальному речевому воздействию на широкую аудиторию, и, ввиду этого, снижение

стилистического регистра выступления до уровня обыденной речи, подчинение требованиям политкорректности.

В качестве объекта нашего исследования мы выбрали предвыборные речи премьер- министра Великобритании Дэвида Кэмерона. Этот выбор обусловлен, во-первых, тем, что Дэвид Кэмерон доказал свою успешность как политик: он занимает пост премьер- министра Великобритании с 2010 года и был переизбран на второй срок в очень жёсткой предвыборной борьбе, которую он выиграл, несомненно, благодаря своему экстраординарному дару убеждения, или персуазивности, говоря языком науки. Во- вторых, его можно с определённой степенью уверенности рассматривать как соавтора своих речей. Естественно, над речами премьер-министра работают профессиональные спичрайтеры, но тот факт, что он всегда мало обращается к подстрочнику и во время публичных выступлений демонстрирует высокую степень свободы и спонтанности, позволяет предположить его личное участие в создании текстов. Более того, его ораторские способности неоднократно высоко оценивались, например, в интервью газете Ивнинг Стэндарт Клэр Форджес: бывший спичрайтер Кэмерона признается, что Кэмерон «has a rare talent for putting people at ease. People talk about soft skills in a derogatory way but when people have world-class soft skills it is something to behold» (У Кэмерона настоящий талант располагать к себе людей. Обычно о навыках коммуникации говорят в уничижительном смысле, но когда этот навык достигает мирового класса, этим можно только восхищаться) (здесь и далее - перевод автора) [16]. В портрете политика, опубликованном на BBC Russian.com ещё в 2005 году, [17] говорится: «Свои неординарные ораторские способности молодой и энергичный политик использовал для написания речей премьер-министров Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора», что тоже свидетельствует о раннем признании ораторского таланта Кэмерона и позволяет предположить его личное участие в создании собственных выступлений.

Материалом данного исследования послужили недавние предвыборные публичные выступления Дэвида Кэмерона: David Cameron’s Victory Speech − Election 2015 Results, David Cameron Extremism Strategy Speech, David Cameron’s Speech in Cornwal 7 April 2015, David Cameron’s Immigration Speech, 28

November 2014, BBCQT (BBC Question Time) Leader's Special: David Cameron, Ed Miliband, Nick Clegg 30 April 2015.

В результате анализа как текстового, так и видео материала нам удалось выявить ряд речевых стратегий, лингвистических и паралингвистических приёмов, которые характерны для всех речей Д.Кэмерона и позволяют ему оказывать мощное как эмоциональное, так и прагматическое воздействие на адресата.

Одна из наиболее заметных особенностей речи премьер-министра − частое обращение к формулировкам от первого лица, я-дейксис, что позволяет достичь высокой персонализации дискурса. Высказывания Д. Кэмерона от первого лица имплицитно несут два посыла. Первый из них реализует стратегию самопрезентации и может быть декодирован как «я несу личную ответственность и даю гарантии»: **I am** committed to delivering that; **I am** determined to deliver; **I** said; **I** did; **I** will, as **I** said; **I** will finish the job; **I** would do the right thing for the country; the government **I** led did important work; **I** will do everything **I** can to support; In this parliament **I** will stay true to my word and implement as fast as **I** can. Чтобы иметь возможность судить о плотности применения первого лица премьер- министром, можно привести следующий отрывок из речи, посвящённой борьбе с экстремизмом: «Now **for my part**, **I** am going to set up a new community engagement forum so **I** can hear directly from those out there who are challenging extremism. And **I** also want to issue a challenge to the broadcasters in our country…» (С моей стороны, я собираюсь организовать форум задействованности общества на местах, с тем чтобы лично быть на связи с теми, кто противостоит экстремизму. Я так же хочу призвать представителей СМИ этой страны…) . И квинтэссенция стратегии самопрезентации: «If you want a **government** that that finds more efficiencies in government spending, that goes on reforming welfare and doesn't put up taxes for working people, indeed cuts taxes for working people, **that's me**» (Если вам нужно **правительство**, которое оптимизирует правительственные затраты, **правительство**, которое продолжает социальную реформу и не повышает налоги трудящимся, а, напротив, снижает эти налоги, **это я**).

Вторую коннотацию стратегии самопрезентации, реализуемой с помощью я-дейксиса, можно определить как личную

высокоэмоциональную вовлечённость в судьбу страны и народа: «мне не всё равно, я − один из вас». В такого рода высказываниях мы часто встречаем эмотивы-номинативы [1. С.16], то есть лексемы, прямо называющие эмоции: I am **proud**; I **care** so **passionately**; I give my whole hearted **support**; I am **confident** that with good will and understanding we could and we will succeed; I am **passionate** about completing the job; I have got a big **ambition** for NHS (National Health System); It **sickens me** to think; I have **to be honest** here. Подобная риторика от первого лица достигает ряда прагматических целей. Премьер-министр предстаёт, с одной стороны, как ответственный политик, несущий личную ответственность за выполнение предвыборных обещаний, процветание народа и улучшение доли каждого, с другой, он представляется как «один из нас»: человек, озабоченный будущим, неравнодушный, личностно, близко к сердцу воспринимающий ситуацию. Подобные впечатления об адресанте не могут не повышать доверие аудитории к говорящему, тем самым усиливая персуазивный эффект.

Следующей ораторской стратегией, усиливающей эмоциональный отклик адресата, и побуждающей к активным действиям, является стратегия дискредитации или создание образа общего врага или оппозиции общему благу. В большинстве речей Д. Кэмерона в роли антагониста выступает сложившаяся негативная ситуация, требующая преодоления, и предыдущее правительство, которое эту ситуацию допустило. В вербализации негативной ситуации премьер-министр обильно использует эмотивы-ассоциативы: **in the grip** of economic **crisis**; get to grips with the **problem**; **lax approach** of the last government was clearly **mad**; **difficult**, **unpopular** decisions; landed us in **mess**, takes a long time to clear the **mess**; what a **mess** we inherited. «Данные лексемы содержат, как правило, скрытую сему эмотивности… Денотаты таких слов могут вовсе не содержать эмоциональный компонент в своём значении, однако их эмоциональность связана с реакциями, ассоциациями, возникающими и затрагивающими как лично говорящего, так и слушающего. Часто существование таких ассоциаций обусловлено культурными традициями общества» [1.С.16]. По частоте использования стилистически сниженной лексемы «mess» (грязь, беспорядок, бардак) относительно ситуации в стране можно

утверждать, что Кэмерон создаёт развёрнутую метафору: страна уподобляется хозяйству, в котором царит хаос и беспорядок. Политическая деятельность − это неустанная и кропотливая работа («work» или «job») по наведению порядка: relentless, painstaking, vital work. Поддерживают развёрнутую метафору лексемы с денотатом строительства, с помощью которых Кэмерон описывает политическую деятельность премьер-министра и его кабинета: lay foundation, build on it, get the job done (заложить фундамент и строить на нём, довести дело до конца).

В речи, посвящённой борьбе с экстремизмом, однако, стратегия дискредитации используется уже не дискретно, а эксплицитно, и уровень эмоционального воздействия на адресата достигает предельного значения. Враги называются открыто: extremism, nazis, extremist ideology, extremist organisations. Лексика, характеризующая врага и его деятельность, содержит максимум эмоционально-оценочной денотации: **appaling** criminals/ crimes; **vicious**, **brutal**, fundamentally **abhorrent** existence; **sick** and brutal reality of ISIL; intolerant, **hostile** ideas; **violence**; sick world view; **despicable** far right; **malevolent** power; **poisonous** cause; **ludicrous** theories; utter **brutality** of FGM (female genital mutilation). Эмоциональный эффект усиливается за счёт использования глаголов с ассоциированной негативной оценочностью и грубой реалистичностью изображения: премьер называет вещи своими именами, обнажая реалии и избегая всяческой иносказательности. Для иллюстрации приведём отрывок из речи об экстремизме: «We must also deglamourise the extremist cause, especially ISIL (деятельность организации запрещена в России). This is a group that **throws** people off buildings, that **burns** them alive, and as Channel 4's documentary last week showed, its men **rape** underage girls, and **stone innocent** women **to death**. This isn't a pioneering movement – it is **vicious**, **brutal**, and a **fundamentally abhorrent** existence…. If you are a boy, they will **brainwash** you, **strap bombs** to your body and **blow you up**. If you are a girl, they will **enslave** and **abuse** you. That is the **sick and brutal** reality of ISIL» (Мы должны снять налёт романтики с дела, за которое борются экстремистские организации, особенно ИГИЛ (деятельность организации запрещена в России). Это группировка, которая сбрасывает людей с крыш, сжигает их заживо, и, как

показал 4 канал на прошлой неделе, боевики этой группировки насилуют несовершеннолетних девочек и забивают камнями невинных женщин. Это − не передовое движение, это порочное, брутальное и в корне омерзительное явление…Если ты парень, они промоют тебе мозги, привяжут бомбы к телу и взорвут. Если ты − девушка, они сделают тебя рабыней и воспользуются тобой. Это тошнотворная и жестокая правда ИГИЛ).

Ещё один объект дискредитации – пассивные или ретроградно мыслящие граждане. Условно их можно отнести к дейксису «those», то есть те, кто является пассивной оппозицией и именно своей бездеятельностью или же неправильными действиями и непрогрессивными взглядами тормозит правое дело «doing the right thing». Кто же эти «those»? На них премьер указывает опосредованно, обличая не их самих, а их взгляды и действия: **demonizing** our values (openness); having **complacent** view on immigration; preaching **isolationism**; misguided, **unpatriotic** view; **offering snake oil** of simple solutions; suggesting **heresy**. Вызывает восхищение виртуозный выбор лексических единиц, являясь представителями разных семантических полей, в общей смысловой канве они создают яркий образ неискренности, лицемерия, ограниченности и ренегатства. Посредством этого Дэвиду Кэмерону удаётся донести до своей аудитории очень мощную прагматическую эмоционально и оценочно заряженную установку не выходя за рамки политкорректности.

В рамках тактики дискредитации мы выделяем три блока, вербализированных совершенно разными средствами языка: явные противники (экстремисты) называются и обличаются прямо, с использованием эмоционально-оценочной лексики и гиперболизировано-реалистичного изображения их деятельности для достижения обратного эффекта отвращения к экстремизму и насилию, и побуждения к совместным действиям. Второй блок, скорее тактика оппозиционирования − обвинения в адрес инакомыслящих и не разделяющих идеологию премьер-министра сограждан, которые, тем не менее, являются полноправными и многочисленными представителями британского общества. Тут проявлена толерантность и политкорректность, носители взглядов обличаются косвенно, через характеристику их убеждений и неправильной гражданской

позиции посредством лексики с ассоциированным значением предательства, недальновидности и двуличия. И третий объект дискредитации − предшествующее правительство, которое довело страну до плачевного состояния, актуализируется с помощью стилистически сниженной лексики: mess; clearly mad; lax approach; nightmare solutions. Таким образом, каждый из «врагов» вербализован посредством соответствующей его статусу лексики, и именно анализ дискурса Д. Кэмерона позволяет нам чётко определить этот статус.

Высоким прагматическим коэффициентом в речах Дэвида Кэмерона отмечена тактика сплочения нации или, как он её называет, «one nation approach». Это объясняется сложной внутриполитической ситуацией в Великобритании: с одной стороны к независимости и самостоятельности стремятся Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия, с другой − высокая доля легальных эмигрантов, натурализовавшихся в Соединённом Королевстве за последние полвека, в корне изменили структуру общества, с третьей, растёт недовольство участием в Евросоюзе. Для снятия напряжённости требуется выработка новой национальной идеологии, более современной «картины мира», отличной от островного, имперского мировоззрения. Стратегия на сплочение нации, горячим сторонником и адвокатом которой является Д. Кэмерон, реализуется посредством двух тактик: повышения национальной гордости и развёртывания идеи единства и общности интересов.

В рамках стратегии повышения национальной гордости и конструирования нового, более современного национального самосознания какую же Великобританию превозносит Дэвид Кэмерон? Во-первых, гордую: country, that has proud history and even prouder future (страна с гордой историей и ещё более гордым будущим). Гордиться современным британцам следует своей толерантностью, культурным и этническим разнообразием, способностью к состраданию и участию в судьбе нуждающихся и угнетённых: a country with good humour and great compassion; providing haven for the refugees; Britain is a compassionate country; one of the most successful multiracial democracies in the world; we should celebrate our openness. «Over generations, we have built something extraordinary in Britain – a successful multi-racial, multi-faith democracy. It's open, diverse,

welcoming – these characteristics are as British as queuing and talking about the weather» (За последние несколько поколений мы построили нечто уникальное в Британии − успешно функционирующую многонациональную, многоконфессиональную демократию. Она открыта, разнопланова, гостеприимна – эти характеристики так же свойственны британцам, как очереди и разговоры о погоде). Но участие в судьбе гонимых и преследуемых, открытость взглядов, готовность принять иноверцев как достойных членов британского общества должны сочетаться с уважением традиционных для Великобритании демократических свобод и законов: «We are all British. We respect democracy and the rule of law. We believe in freedom of speech, freedom of the press, freedom of worship, equal rights regardless of race, sex, sexuality or faith. We believe in respecting different faiths but also expecting those faiths to support the British way of life. These are British values». (Мы все британцы. Мы уважаем демократию и власть закона. Мы верим в свободу слова, прессы, вероисповедания, равноправие независимо от цвета кожи, пола, сексуальной ориентации и религии. Мы уважаем разные конфессии, но ожидаем, что эти конфессии будут поддерживать британский образ жизни. Это и есть ценности Великобритании). В попытке проиллюстрировать, насколько необратимо многонационально и космополитично современное британское общество, Д.Кэмерон неоднократно упоминает вклад эмигрантов в культуру и развитие страны, останавливается на представителях других рас и конфессий, играющих видную роль в общественно-политической жизни страны, подчёркивая тем самым, что эмигранты могут и должны органично влиться в британское общество и воспринять систему ценностей: «This is the home that we are building together. Whether you are Muslim, Hindu, Jewish, Christian or Sikh, whether you were born here or born abroad, we can all feel part of this country – and we must now all come together and stand up for our values with confidence and pride». (Это дом, который мы строим вместе. Не важно, мусульманин ты, хинду, еврей, христианин или сикх, был ты рожден в этой стране или за рубежом, мы все можем чувствовать себя частью этой страны – и мы должны сейчас сплотиться и уверенно и гордо отстоять наши ценности).

Таким образом, мы видим, что Кэмерон побуждает британцев воспринять ценности, которые исконно считались американскими, и превратиться в сплав («melting pot») культур, национальностей и религиозных убеждений, стать обществом равных возможностей. Это лишь желание премьер-министра, действительная же преобладающая ситуация вырисовывается по мере развития дискурса. Оказывается, до сплава Великобритании далеко, многие эмигранты не уважают британских ценностей, а продолжают жить обособленно, руководствуясь своими исконными нормами морали, практикуя варварские традиции и насаждая или поддерживая идеологию, чуждую демократии и принципу открытости и уважения свободы личности.

Ещё одним предметом гордости должна служить экономическая мощь и стабильность страны: country which brings real heft to Europe's influence on the world stage; fastest growing economy. Прочие национальные черты, на которых акцентирует внимание Д. Кэмерон, − это превосходные профессиональные навыки, творчество, выдающиеся успехи в науке: unrivalled skills, creativeness, outstanding academic success. И опять же, расхваливая качества британцев, Дэвид Кэмерон использует психологическую тактику своеобразного «поощрения авансом». Он мастерски выдаёт желаемое за действительное: такое общество он хотел бы видеть, и в этом направлении призывает британцев меняться. Он обозначает те ценности и взгляды, к которым им следует стремиться, но выдает их за реально существующие. Действительная ситуация рисуется ниже в речи об эмиграции: он призывает повышать образованность, мотивацию и квалификацию внутренних кадров, чтобы не приходилось импортировать ценные кадры на фоне безработицы коренных британцев.

Идея единства и общности нации проходит красной нитью сквозь все предвыборные речи политика. Она активно закрепляется на вербально-семантическом уровне, путём многократного повтора, использования параллельных конструкций, привлечения всего семантического поля «единство» и создания развёрнутой метафоры «страна это общий дом, который все строят вместе»: **one nation**, one United Kingdom, one-nation government bringing the country **together**, giving **everyone** a

chance, **bringing together** the people, make **common home**, **we** are **all** British, **home** we are building **together**, undermine our **shared** values, things we **share together**, feel **part of this country**, building **shared community**. Как мы уже говорили выше, реальность далека от этой утопической модели, и, делая такой сильный акцент на сплочении нации, Кэмерон пытается обратить вспять центростремительный вектор развития британского общества.

Подводя итоги, нужно отметить, что в политическом дискурсе Дэвид Кэмерон проявляет себя как яркая языковая личность. Его речи отличаются высокой экспрессивностью, эмоциональностью и персуазивностью, которые достигаются с помощью комплекса прагматических, лингвистических и паралингвистических средств.

Являясь превосходным оратором, в своих речах Дэвид Кэмерон мастерски сочетает ряд речевых тактик, которые несомненно достигают цели и оказывают запланированное речевое воздействие на адресата. Тактика самопрезентации создаёт образ неравнодушного политика, лично заинтересованного в достижении поставленных целей, отвечающего за выполнение своих обещаний и смело дающего гарантии от первого лица. Эта же тактика персонализации имплицитно передаёт идею «одного из нас», равного члена британского общества, болеющего за своё дело и стремящегося работать на общее благо.

Тактика дискредитации или оппозиционирования используется с виртуозностью и чуткостью к требованиям политкорректности. Она реализуется в трёх различных направлениях, в зависимости от статуса объекта оппозиции: явный враг, заблуждающийся свой и ошибки прошлого. Для каждой группы выбирается совершенно особенная лексико-семантичекая реализация.

Прагматическая задача сплочения нации и пропаганды новых национальных ценностей реализуется посредством тактики, которую мы бы назвали авансированием: Дэвид Кэмерон рисует Британцев такими, какими бы он их хотел видеть, и выдаёт желаемое за действительное. В своих речах он создает модель «нового британца», который становится точной копией идеального американца: открытого, толерантного к мультикультурализму, принимающего с энтузиазмом диверси-

фикацию общества, но в то же время патриота своей страны, готового отстаивать демократические свободы и ценности.

В лексическом плане дискурс Д. Кэмерона максимально приближен к повседневной речи, но ни в коем случае не беден. Он избегает использования специфической политической терминологии, отдавая предпочтение общеупотребимой лексике с высокой экспрессивностью и эмоциональной окраской нужного спектра. Политик активно пользуется фразеологией, развёрнутой метафорой. Структура фразы чёткая, не перегруженная придаточными предложениями, что способствует лёгкому восприятию речи на слух. Активно используется смысловое ударение и эмфатические конструкции. Из паралингвистических средств стоит упомянуть уверенную, свободную, располагающую манеру и постоянный визуальный контакт с аудиторией.

Список литературы

1. Блох М.Я., Резникова М.А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений. Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск 9(60). Серия: гуманитарные науки (филология). 2006. С. 14-19.
2. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании// Филологические науки 2001. №1. С. 64-72.
3. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / под ред. В. И.Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264с.
5. Крысин Л. П. Речевой портрет представителя интеллигенции // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 483–495.
6. Лутовинова О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности. Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. №3, 2009. С225-228.
7. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. М.: Изд-во Моск. линг. ун-та, 1996. Вып. 426. С. 112–116.
8. Нефёдова Л. А. Роль СМИ в создании портрета языковой личности политика (на материале французской прессы) Вестник Челябинского

государственного университета. 2012. No 5 (259). Филология. Искусствоведение. Вып. 63. С. 109–112.
9. Русский язык: Энцикл. 2-е изд., перераб. И доп. М.: БРЭ, 1997. 704 с.
10. Седых А. П. Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В. Путина и А. Меркель. Emotive-emphatic components of phraseological discourse of v. V. Putin and a. Merkel Политическая лингвистика 2 (40)'2012 С. 39-45
11. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения//Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle. 1989. S.289-282.
12. Цуциева М.Г. Институциональность языковой личности политика. Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С Пушкина. Выпуск №3, том 1, 2014. С 136-141.
13. Цуциева М.Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста// Известия Санкт -Петербургского Университета Экономики и Финансов. №5(83). 2013. С104-108
14. Чубай С. А. Диалогичность как сущностное свойство современной политической рекламы // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2008. No 1 (7). С. 40−43.
15. Sally Young. Political and Parliamentary Speech in Australia. Parliamentary Affairs, Vol. 60 No. 2, 2007, 234–252.
16. Clare Forges: The Woman who Put Words into David Cameron's Mouth. Evening Standard, 4 August 2015. Available at: http://www.standard.co.uk/lifestyle/london-life/clare-foges-the-woman-who-put-words-in-david-camerons-mouth-10437029.html (дата обращения 30 августа 2015).
17. Political Portrait: David Cameron. BBC Russia. Com. Available at: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_4502000/4502974.stm (дата обращения 28 августа 2015).
18. David Cameron's Victory Speech: The full text of the speech delivered on Downing Street. Independent, 8 May 2015 Available at: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/generalelection/david-camerons-victory-speech-the-full-text-of-the-speech-delivered-on-downing-street-10236230.html (дата обращения 26 августа 2015).
19. David Cameron's Victory Speech: 8 May 2015. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=YEo4SR7CeqM (дата обращения 26 августа2015).
20. David Cameron Extremism Strategy Speech, 20 July 2015. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=U1s-9VDzxYk (дата обращения 27 августа 2015).
21. David Cameron Extremism Strategy Speech: Read the transcript in full. Independent, 20 July 2015. Available at: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/david-cameron-extremism-speech-read-the-transcript-in-full-10401948.html (дата обращения 27 августа 2015).
22. David Cameron's Speech in Cornwall, 7 April 2015. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=HLdJjol5IQg (дата обращения 29 августа 2015).
23. David Cameron's Immigration Speech: Full text. The Spectator, 28 November 2014. Available at: http://blogs.new.spectator.co.uk/2014/11/david-

camerons-immigration-speech-full-text/ (дата обращения 26 августа 2015).
24. David Cameron's Immigration Speech, 28 November 2014. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=sRHndNop4ao (дата обращения 27 августа 2015).
25. BBCQT Leader's Special David Cameron, Ed Miliband, Nick Clegg. 30 April 2015. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=FGMZKej8-M4 (дата обращения 28 августа 2015).

Об авторе
Погребнова Александра Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России. Специальность − психолингвистика. Pogrebnova@gmail.com.

POLITICAL DISCOURSE AND LINGUISTIC PERSONALITY OF DAVID CAMERON

A.N. Pogrebnova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article analyses transcripts and video footage of pre-election speeches (2014-2015) delivered by the Prime Minister of the united Kingdom David Cameron with the purpose of creating a linguistic portrait of the political leader. We define communicative tactics common for all the analysed speeches, which allow the speaker to achieve his pragmatic purposes, discuss the linguistic means of implementation of the defined tactics and paralinguistic means typical of the orator. We discover that the key tactics traceable through all the analysed pre-election speeches given by David Cameron are self-presentation, or positioning stategy, conflict strategy and cooperation strategy, with the emphasis on promotion of the new British values. It was found that the lexical aspect of D. Cameron's political discourse is deprived of professional jargon, but close to everyday common speech, rich in emotive and assessment lexis. The study defines D. Cameron as an accomplished linguistic personality and brilliant speaker capable of exercising both pragmatic and emotional influence on a wide range of his audience.*

Key Words: public speech, political speech, political communication, linguistic personality, language portrait, emotional impact, strategic speech planning, communicative tactics, David Cameron.

References

1. Blokh M.Y., Reznikova M.A. Sredstva emotsionalnogo vozdeystviya politicheskih vystupleniy[Means of Emotional impact in political public appearances]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proc. of Tomsk State Pedagogical University]. Vypusk [Issue] 9(60). Seriya: gumanitarnye nauki (filologiya) [Series: Humanities (philology)], 2006, pp. 14-19.
2. Vorkatchev S.G. Lingvokulturologiya, yazykovaya litchnost, concept: stanovlenie antropozentritcheskoi paradygmy v yazykoznanii [Linguoculturology, concept of linguistic personality: establishment of anthropocentric paradigm in linguistics//Filologitcheskie nauki [Philological sciencies], 2001, №1, pp. 64-72.
3. Karasik V. I., Dmitrieva O.A. Linvokulturny tipazh: к opredeleniiu ponyatia [Linguocultyral type: definition of term] //Aksiologitcheskaya lingvistika [Aksiological linguistics]: lingvokulturnye tipazhi [linguo cultural types]: sbornik nautchnih trudov /pod redakciei V.I. Karasika [collection of scientific papers, editor V.I. Karasik] Volgograd: Paradigma, 2005, pp. 5–25.
4. Karaulov V.N. Russki yazyk i yazikovaya litchnost [Russian language and linguistic personality]. Moscow: LKI Publishers, 2010, 264p.
5. Krysin V.P. Retchevoi portret predstavitelya intelligentsia [Linguistic portrait of a representative of educated elite] // Sovremenny russki yazyk: socialnaya i funktzionalnaya differentziaziya [Contemporary Russian language: social and functional differenciation]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003, pp. 483–495.
6. Lutovinova O.V. «Lingvoculturny tipazh» v ryadu smezhnych ponyatii ispolzuemych dlya issledovaniya yazukovoi litchnosty [«Lingiocultural type» among other terms used in linguistic personality studies]. Proc. Of Zabaikalsky State University. Series: Philology, history, Eastern studies. №3, 2009. Pp. 225-228.
7. Neroznak V.P. Lingvistitcheskaya personologiya: k opredeleniy statusa discipliny [Linguistic personalogy: towards the definition of discipline status] // Language. Poetics. Translation: Proc of Moscow Linguistic University. Moscow: Moscow Linguistic University Publishers, 1996. Issue. 426. pp. 112–116.
8. Nefedova L.A. Rol SMI v sozdanii portreta yazykovoi litchnosti politika (na material frenzuzskoi pressy) [Contribution of Massmedia to creation of linguistic portrait of a political personality (based on the materials of French press)] Vestnyk Tchelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Proc. Of Tchlyabinsk State University] 2012. No 5 (259). Filologiya. Iscusstvovedenie. [Philology. Art]. Issue. 63. pp. 109–112.
9. Russkii Yazyk [Russian Language]: Ensyclopedia. 2-nd edition, revised and expanded. Moscow: Big Russian Encyclopedia, 1997. 704 p.
10. Sedych A.P. Emozionalno-expressivnye componenty frazeologytcheskogo discursa V. Putina I A. Merkel [Emotive-emphatic components of phraseological Discourse of V. Putin and A. Merkel]. Polititcheskaya linguistika [Political linguistics], 2 (40)’2012, pp. 39-45.

11. Sternin I. A. O ponyatii kommunikativnogo povedenya [About the concept of communicative behavior], Halle, 1989, pp.289-282.
12. Zuzieva M.G. Instituanalnost yazukovoi litchnosti politika [Institutionalizm of a linguistic personality of a polititian]. Veztnyk Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina [Proc. Of Lennrad State Pushkin University], Issue №3, vol. 1, 2014, Pp. 136-141.
13. Zuzieva M.G. Yazykovaya litchnost politika kak dinamitchesky fenomen discursa i texta [Linguistic personality as a dynamic phenomenon of discourse and text]. Izvestya Sankt-Peterburgskogo Universiteta Economiki i finansov [Proc. Of Saint. Petersbourg University of economy and Finance], №5(83), 2013, Pp104-108.
14. Chubai S.A. Dialogichnost kak suchnostnoye svoistvo sovremennoi pioliticheskoi reclamy [Dialogue as a key characteristics of contemporary political advertising]. Vestnik Volgogradskogo gosudarsvennogo universiteta [Prc. Of Volgograd state University], Series 2, 2008, No 1 (7), Pp. 40—43.
15. Sally Young. Political and Parliamentary Speech in Australia. Parliamentary Affairs, Vol. 60 No. 2, 2007, pp 234–252.
16. Clare Forges: The Woman who Put Words into David Cameron's Mouth. Evening Standard, 4 August 2015. Available at: http://www.standard.co.uk/lifestyle/london-life/clare-foges-the-woman-who-put-words-in-david-camerons-mouth-10437029.html (Accessed 30 August 2015).
17. Political Portrait: David Cameron. BBC Russia. Com. Available at: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_4502000/4502974.stm (Accessed 28 August 2015).
18. David Cameron's Victory Speech: The full text of the speech delivered on Downing Street. Independent, 8 May 2015 Available at: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/generalelection/david-camerons-victory-speech-the-full-text-of-the-speech-delivered-on-downing-street-10236230.html (Accessed 26 August 2015).
19. David Cameron's Victory Speech: 8 May 2015. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=YEo4SR7CeqM (Accessed 26 August 2015).
20. David Cameron Extremism Strategy Speech, 20 July 2015. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=U1s-9VDzxYk (Accessed 27 August 2015).
21. David Cameron Extremism Strategy Speech: Read the transcript in full. Independent, 20 July 2015. Available at: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/david-cameron-extremism-speech-read-the-transcript-in-full-10401948.html (Accessed 27 August 2015).
22. David Cameron's Speech in Cornwal, 7 April 2015. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=HLdJjol5IQg (Accessed 29 August 2015).
23. David Cameron's Immigration Speech: Full text. The Spectator, 28 November 2014. Available at: http://blogs.new.spectator.co.uk/2014/11/david-camerons-immigration-speech-full-text/ (Accessed 26 August 2015).
24. David Cameron's Immigration Speech, 28 November 2014. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=sRHndNop4ao (Accessed 27 August 2015)

25. BBCQT Leader's Special David Cameron, Ed Miliband, Nick Clegg. 30 April 2015. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=FGMZKej8-M4 (дата обращения 28 августа 2015) (Accessed 28 August 2015).

About the author

Pogrebnova Alexandra Nicolaevna – PhD in psycholinguistics, associate professor of English Department №4 MGIMO (U).
Email: Pogrebnova@gmail.com.

* * *

СЧЁТНЫЕ СЛОВА В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А. Толмачёв

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

В работе рассматриваются счётные слова (классификаторы, нумеративы) в индонезийском языке – особая категория служебных лексем, употребляемых в качестве показателей штучности (единичности) считаемых предметов и указывающих на принадлежность существительного к определённому семантическому классу (категории). Такие слова имеются во многих языках Восточной и Юго-Восточной Азии (вьетнамском, индонезийском, китайском, корейском, малайском, японском и др.), а также в индоиранских, тюркских, дравидийских языках. Есть они и в русском языке, и, как в других языках, указывают на принадлежность понятия (слова) к определённой категории. Выделяется порядка 30 счётных слов в индонезийском языке, описываются их категории и ряд характерных особенностей употребления в индонезийском языке, проводятся параллели с русским языком. Отмечается, что в условиях неразвитости категории числа счётные слова указывают на штучность (единичность) предметов, чем и объясняется их необходимость в индонезийском языке. Классификаторы играют важную субстантивирующую роль (переход в разряд существительных других частей речи) и выделяющую роль, напоминающую функцию артиклей в английском языке. Имея субстантивирующую роль, счётные слова обеспечивают также референциальное отношение того или иного числительного к определённому существительному, вне зависимости от того, названо само существительное или нет.

Ключевые слова: индонезийский язык, счётные слова, числительные, классификаторы, нумеративы, показатели штучности, семантический класс.

Счётные слова (классификаторы, нумеративы) — это служебные лексемы или имена существительные, которые в определённой степени утратили своё основное значение и употребляются в качестве показателей штучности (единичности) считаемых предметов в атрибутивном словосочетании числительного с существительным и обычно указывают на принадлежность существительного к определённому семантическому классу (категории). Они имеются во многих языках Восточной и Юго-Восточной Азии (вьетнамском, индонезийском, китайском, корейском, малайском, японском и др.), а также в индоиранских, тюркских, дравидийских языках.

Есть они и в русском языке, и, как в других языках, указывают на принадлежность понятия (слова) к определённой категории. В то же время в русском языке таких категорий заметно меньше, чем в ряде других. Наиболее распространёнными счётными словами русского языка являются следующие: «человек» употребляется при счёте людей, например, пять человек студентов; «голова» – при обозначении животных, обычно, домашнего скота – десять голов овец, штука – для вещей, предметов – восемь штук карандашей; «пара» – для обозначения предметов, состоящих из двух равных частей – две пары брюк, семь пар ножниц и т.п.

В китайском языке, например, таких категорий значительно больше, при этом они делятся на две основные группы, такие как слова, означающие единицы измерения, и слова, не могущие означать их. Существительные второй группы делятся на разряды «вещество» и «не вещество». Последние распределяются на подгруппы: плоских предметов, удлинённых предметов, предметов, имеющих рукоятку или спинку, имеющих плетение или переплёт, не имеющих правильной формы. Есть также специальные счётные слова, для существительных со сборным значением (пара, комплект), для слов, обозначающих животных, для подсчёта скота, для разных видов транспорта и т.п. Таким образом, в китайском языке число счётных слов составляет несколько десятков. Подобная картина наблюдается также в корейском и японском языках.

В индонезийском языке насчитывается порядка 30 счётных слов (*kata penggolong, kata bantu bilangan*). Это всегда значимые слова, которые в данном случае используются не в

своём основном значении, а указывают на принадлежность к той или иной категории и обычно сохраняют некоторую семантическую связь между этой категорией и основным значением слова. При этом выбор счётного слова для того или иного существительного обусловлен принадлежностью предмета, названного этим существительным, к классу людей или животных, а в остальных случаях определяется внешними признаками предмета.

При счёте существительных, обозначающих людей, в качестве счётного слова употребляется ***orang*** «человек», например, *dua orang mahasiswa* – два студента, *tiga orang gadis* – три девушки.

При счёте существительных, обозначающих животных, включая птиц, рыб, насекомых и проч., используется счётное слово ***ekor*** – «хвост»: *dua ekor anjing* – две собаки, *tiga ekor burung* – три птицы, *lima ekor lalat* – пять мух.

Для счёта неодушевлённых предметов употребляется целый ряд счётных слов, причём каждое из них используется для определённой категории существительных. В то же время нередко одно и то же существительное может употребляться с различными счётными словами, а некоторые из счётных слов используются лишь с одним-двумя существительными.

Buah (исходное значение «плод») применяется при счёте самых разных, чаще всего крупных, предметов: крупных плодов, инвентаря, мебели, комнат, домов, лодок, кораблей и т.п. (*dua buah kelapa* – два кокоса, *tiga buah rumah* – три дома, *lima buah perahu* – пять лодок), географических объектов, административных единиц (*dua buah danau* – два озера, *tiga buah propinsi* – три провинции), а также рассказов, песен (*dua buah cerita* – два рассказа, *tiga buah lagu* – три песни), абстрактных понятий (*dua buah pendapat* – два мнения). Это счётное слово является наиболее используемым ещё и потому, что употребляется при счёте предметов, не закреплённых за определёнными счётными словами, в том числе и для большинства заимствований, обозначающих вновь появляющиеся предметы и понятия (*tiga buah computer* – три компьютера).

Helai – «лист», ***carik*** – «*клочок, обрывок*», ***lembar*** – «*нить, тонкая верёвка*» употребляются с существительными, обозначающими тонкие, плоские предметы, такие как листья (*dua helai daun pisang* – два банановых листа), листы бумаги (*tiga*

helai kertas – три листа бумаги), куски ткани (*dua helai kain sutera* – два отреза шёлка), предметы одежды (*dua helai kemeja* – две рубашки), а также нити (*dua helai benang* – две ниточки), волосы (*tiga helai rambut* – три волоска), перья (*lima helai bulu* – пять перьев). Наиболее распространённым из них является первое, тогда как *lembar* в настоящее время применяется практически только при счёте купюр (*lima lembar seribu rupiah* – пять купюр в одну тысячу рупий). Слово *carik* используется в основном для листов бумаги и писем (*dua carik surat* – два письма, *tiga carik kertas* – три листа бумаги). Для предметов одежды гораздо чаще используют слово *potong*, о котором ниже. Счётное слово «лист» есть и в русском языке, например, «пять листов бумаги», и в этом случае его употребление, в отличие от других счётных слов русского языка, обязательно, поскольку здесь оно придаёт признак штучности неисчисляемому существительному.

Utas («бечёвка»), как и предыдущие три счётных слова, используется для обозначения длинных тонких предметов: ниток, верёвок, тросов, кабелей, цепочек и т.д., например, *dua utas benang* – две нитки, *tiga utas tali* – три верёвочки и проч.

Potong – «отрезок, кусок». Используется при счёте кусков (*dua potong roti* – два куска лепёшки), свёртков и пакетов (*dua potong bungkusan* – два свёртка), предметов одежды (*dua potong kemeja* – две рубашки). Для последних объектов используется заметно чаще, чем *helai*. Так, в примерочных кабинах магазинов в объявлениях употребляется только *potong*, например: *Lima potong saja* – «Не более пяти вещей». Счётное слово «*кусок*» есть и в русском языке, например, «*два куска хлеба*», поскольку здесь, как и в случае с бумагой, оно придаёт признак штучности неисчисляемому существительному «хлеб» (с этим существительным подобную функцию исполняют и слова «батон», «булка», «буханка»).

Bungkus («упаковка», «свёрток») употребляется при счёте упакованных предметов таких, как пакеты (*dua bungkus nasi* – два пакета риса), пачки (*tiga bungkus rokok* – три пачки сигарет).

Batang – «ствол» применяется при счёте продолговатых предметов: деревьев (*dua batang pohon kelapa* – две кокосовых пальмы), рек (*tiga batang sungai* – три реки), сигарет (*lima batang rokok* – пять сигарет), ружей. В последнем случае чаще

употребляется счётное слово *pucuk* («побег»), о котором подробнее будет сказано ниже. Это же слово иногда применяется для деревьев (*dua pucuk pohon* – два дерева).

Pucuk – «побег растения» используется для предметов с заострённым концом, таких как иголки (*dua pucuk jarum* – две иголки, стрелки часов (*dua pucuk jarum arloji* – две стрелки), деревьев (в этом случае оно применяется наряду со счётным словом *batang*, например, *tiga pucuk pohon* или *tiga batang pohon* – три дерева), для продолговатых полых предметов и огнестрельного оружия: винтовки (*tiga pucuk senapan* – три винтовки), пушки (*dua pucuk meriam* – две пушки), а также для писем (*lima pucuk surat* – пять писем). В данном случае это слово используется традиционно, поскольку в старину письма пересылались в виде свитков. В последнее время для писем стали использовать и счётное слово ***carik***, иногда используемое и для других тонких плоских предметов, например, (*lima carik surat* – пять писем).

Laras («ствол») счётное слово для огнестрельного оружия: *dua laras meriam* – две пушки, *tiga laras senapan* – три винтовки. Интересно, что счётное слово «*ствол*» есть и в русском языке, но в нём оно используется для счёта огнестрельного оружия. Можно вспомнить и о русском счётном слове «*штык*», семантической аналогии с индонезийскими *bilah* и *pucuk*, но применяемом при обозначении не количества заострённых режуще-колющих предметов, а численности личного состава пехотных подразделений, т.е. людей.

Kaki («нога») – счётное слово для предметов «с ножкой», например, зонтики (*dua kaki payung* – два зонтика), грибы (*tiga kaki cendawan* – три гриба), а также цветы (*lima kaki bunga* – пять цветков). Для последних больше в ходу следующее счётное слово ***tangkai*** («стебель»), которое используется при счёте цветов и колосьев (*dua tangkai bunga anggrek* – две орхидеи), (*tiga tangkai bunga* – три цветка), (*lima tangkai padi* – пять колосьев риса). В качестве счётного слова для цветов нередко применяется слово ***kuntum***, означающее «бутон»: *lima kuntum bunga* – пять цветков).

Rumpun («куст») счётное слово для кустообразных растений, имеющих общий корень, таких как сахарный тростник (*dua rumpun tebu* – два куста сахарного тростника), бамбук

(*tiga rumpun buluh* – три куста бамбука), различные виды камыша, некоторые корнеплоды и т.п.

Bilah – исходное значение «скол бамбука», затем стало означать «лезвие». Употребляется для холодного оружия: ножей (*dua bilah pisau* – два ножа), кинжалов (*tiga bilah keris* – три кинжала) и т.п., а также для досок (*dua bilah papan* – две доски).

Belah – однокоренное с предыдущим, означает «раскалывать» или «сторона». Применяется для счёта предметов или объектов встречающихся или используемых попарно, таких как стороны, глаза, уши, руки, серьги и т.д. Это счётное слово, в отличие от других, применяется только с двумя числительными: *satu* (обычно используется в проклитическом варианте – *se*) – «один» или *kedua* – «оба», например, (*sebelah tangan* – одна рука, *kedua belah tangan* – обе руки), (*sebelah pihak* – одна сторона, *kedua belah pihak* – обе стороны). Если необходимо назвать большее число подобных предметов, то применяется какое-либо иное счётное слово.

Keping («листок, пластина») применяется для обозначения тонких плоских предметов: пластинки, диски, в том числе компакт-диски (*tiga keping CD* – три компакт-диска), монеты (*lima keping mata uang* – пять монет), дощечки (*empat keping papan* – четыре дощечки).

Butir («зёрнышко») употребляется со словами, означающими маленькие круглые или овальные предметы, например, таблетки (*dua butir tablet* – две таблетки), яйца (*tiga butir telur* – три яйца), пули (*empat butir peluru* – четыре пули), орехи (*setengah butir pala* – половина мускатного ореха), а также драгоценные камни, зёрна риса или пшеницы, мелкие круглые фрукты и ягоды: мангустаны, цитрусовые, рамбутаны, виноградины и т.п. Практически взаимозаменяемо счётным словом ***biji*** («зерно», «косточка»), за исключением того, что последнее применяется ещё и для обозначения глаз (*dua biji mata* – два глаза) и родных детей (*tiga biji anak* – три ребёнка). В последнем случае оно семантически восходит ещё к одному значению слова *biji* – «зеница ока».

Bentuk («изгиб», «кривизна») применяется для обозначения изогнутых предметов: колец (*dua bentuk cincin* – два кольца), звеньев цепи (*tiga bentuk mata rantai* – три звена цепи), крючков (*empat bentuk mata kail* – четыре крючка) и т.д.

Bidang («поверхность», «плоскость»). Счётное слово для предметов с плоской поверхностью, например, земельных участков (*dua bidang tanah* – два участка), парусов (*tiga bidang layar* – три паруса). В последнем случае может применяться также счётное слово *helai* (*tiga helai layar* – три паруса).

Berkas («пучок», «связка») используется только в единственном числе, для слов «свет» (*seberkas cahaya* – пучок света) и «луч» (*dua berkas sinar* – два пучка лучей).

Pasang («пара») употребляется с существительными, обозначая парность: *sepasang mata* – пара глаз, *dua pasang sepatu* – две пары обуви.

Patah – связано с глаголом «раскалываться», «треснуть» и применяется только для существительного «слово», например, *sepatah dua kata* – одно-два слова.

Счётные слова используются не только с числительными, но и в конструкциях, где вместо числительного выступают слова *«сколько» (berapa)* и *«несколько» (beberapa)*. Например, *сколько в аудитории студентов? – berapa orang mahasiswa ada di ruang kuliah?; несколько студентов пропустили лекцию – beberapa orang mahasiswa melewatkan kuliah*.

Можно указать и на некоторые различия в употреблении счётных слов в индонезийском и русском языках. Как видно из вышеследующего, в индонезийском языке применение счётного слова является обязательным, а указание численности объектов, излагается в следующем порядке: *числительное – счётное слово – исчисляемое существительное*, например, *tujuh orang mahasiswa* (семь студентов), *dua puluh ekor domba* (двадцать овец), *tiga buah buku* (три книги). В русском же языке, хотя и возможны варианты: семь человек студентов, двадцать голов овец, счётные слова чаще используются в качестве заменителей существительного, если оно упомянуто в предыдущем предложении, например: *«Сколько в аудитории студентов? Семь человек». «Сколько в отаре овец? Двадцать голов»*. Подобные конструкции возможны и в индонезийском языке: *Berapa orang mahasiswa ada di ruang kuliah? Tujuh orang. Berapa ekor domba ada di kawawan? Dua puluh ekor.* В то же время есть случаи, когда и в русском языке применение счётного слова является обязательным, например, *«пять листов бумаги»*, где счётное слово *«лист»*, поставленное перед

неисчисляемым существительным «бумага», придаёт предмету качество штучности, или единичности.

Именно тем, что в условиях неразвитости категории числа счётные слова указывают на штучность (единичность) предметов и объясняется их необходимость в индонезийском языке. Помимо этого, классификаторы играют важную субстантивирующую роль, т.е. указывают на переход в разряд существительных других частей речи (при этом они играют ещё и выделяющую роль, напоминающую функцию артиклей в английском языке). Имея субстантивирующую роль, счётные слова обеспечивают также референциальное отношение того или иного числительного к определённому существительному, вне зависимости от того, названо само существительное или нет.

Список литературы

1. Алиева Н.Ф., Аракин В.Д., Оглоблин А.К., Сирк Ю.Х. Грамматика индонезийского языка. – М.: Наука, 1972.
2. Дорофеева Т.В., Кукушкина Е.С., Погадаев В.А. Большой малайско-русский словарь. – Москва: Ключ-С, 2013.
3. Погадаев В.А. Русско-индонезийский и индонезийско-русский словарь. – Джакарта: Грамедия, 2010.
4. Коригодский Р.Н. Большой индонезийско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1990.
5. Kamus besar Bahasa Indonesia. Ed. Ke-3. Jakarta: Balai Pustaka, 2005.

Об авторе

Толмачёв Николай Александрович – востоковед, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У). Член Союза писателей России. Область научных интересов – регионоведение ЮВА и АТР, общая и прикладная лингвистика, переводоведение, религиоведение. E-mail: arctica@list.ru.

MEASURE WORDS IN THE INDONESIAN LANGUAGE

N.A. Tolmachev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The paper deals with measure words (numeral classifiers) in the Indonesian language — a special category of service tokens used for measurement (possibility of counting) of mentioned things and pointing to the noun belonging to a particular semantic class (category). Such words exist in many languages of East and South-East Asia (Vietnamese, Indonesian, Chinese, Korean, Malay, Japanese, etc.), as well as Indo-Iranian, Turk, Dravidian languages. We identified and described these categories, marked by a number of characteristic features of the use of such tokens in the Indonesian language, and made some parallels with the Russian language, which also has such category of words. The author examines about 30 measure words of the Indonesian language, describes their their category, notes a number of characteristic features of using such lexemes in the Indonesian language, makes some parallels with the Russian language, which also has the similar words. He also notes that if a category of countability is undeveloped it is measure words that indicate possibility of counting (measurement) of sujects, which explains the need for them in the Indonesian language. It is also indicated that the classifiers play an important substantiating role, i.e. they point on moving of other parts of speech into the category of nouns (moreover they play also emphasizing role that resembles the function of articles in the English language). Having substantiating role such measure words also provide referential attitude of a numeral to a specific noun, regardless of whether the noun itself is named or not.*

Key Words: Indonesian language, measure words, numeral classifiers, measure indicators, count nouns, semantic class.

References

1. Alieva N.F., Arakin D.D., Ogloblin A.K., Sirk Yu.H. Grammatika indoneziyskogo yazika. Moscow: Nauka, 1972.
2. Dorofeeva T.V., Kukushkina E.S., Pogadaev V.A. Kamus besar Melayu-Rusia. Moscow: Klyuch-C, 2013.
3. Kamus besar Bahasa Indonesia. Ed. Ke-3. Jakarta: Balai Pustaka, 2005.
4. Korigodsky R.N. Kamus besar Indonesia-Rusia. – Moscow: Russky yazik, 1990.
5. Pogadaev V.A. Kamus Rusia-Indonesia || Indonesia- Rusia. – Jakarta: Gramedia, 2010.

About the author

Nikolay A. Tolmachev – Orientalist, Ph.D., Ass. Professor, Chair of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages of MGIMO (U). Member of the Writers' Union of Russia. Research interests – regional studies of SEA and APR, general and applied linguistics, translation, religious studies.
E-mail: arctica@list.ru.

НАРЕЧИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ПОЛЯРНОСТИ: ПО ДАННЫМ КОРПУСА ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

С.В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

Теоретические конструкты, существующие вокруг проблемы лексических единиц так называемой полярной семантики, пока не позволяют адекватно описать всё разнообразие этих лексем. На основе корпусных данных японского языка в статье предпринимается попытка продвинуться в задаче описания семантики и прагматики наречий интенсифицирующей отрицательной полярности. Для этого методы раздельного семантического, в том числе диахронического, анализа лексем мы сочетаем с «поперечным» рассмотрением их поведения в однотипных контекстах. Итоги проведённых наблюдений обобщены на уровне связей между прагматическим потенциалом как закономерностями употребления единиц в речи и фреймовыми структурами когнитивного характера, лежащими в основе их семантики.

Ключевые слова: японский язык, наречия, интенсификатор, отрицательная полярность, речевые акты, фрейм, корпусные данные.

1. Среди классов лексических единиц, чувствительных к определённому семантическому окружению, особый интерес вызывают наречия отрицательной полярности. Значительная часть исследовательских усилий сосредоточена вокруг по-

пытки объяснить существование многочисленных синонимов, между которыми тонко градуируются оттенки значения и возможности употребления в речи сходных единиц данного типа, а также выстроить единую непротиворечивую их классификацию. Среди работ последних лет в этой области – работы М. Исраэла, М. Крифки [3], [4], для материала японского языка – статьи Т. Бьюкенена [2], где предлагается классификация с точки зрения возможности предшествовать элидируемому предикату, а также Н. Ямаути [8].

Вообще полярность как способность употребляться лишь в положительном или отрицательном контексте часто свойственна именно наречиям, среди которых центральное место занимают наречия степени. Суммируя имеющиеся классификации, можно говорить о существовании классов слов с понижающим (смягчающим, хеджирующим) и преувеличивающим (или интенсифицирующим) значением. К первым в японском языке относятся такие адвербиальные выражения, как そんなに、あまり、別に、特に、それほど и т.п. Деление по признакам скалярности значения (объективно много / мало) и интенциональности (усиление / уменьшение) даёт четыре вида наречий – т.н. классификация по i-value (informative) vs. q-value (quantity) [3]. Скалярность, в свою очередь, может либо носить универсальный характер, либо быть привязана к конкретным единицам / объектам измерения, напр. 一滴も飲まない = *не пить ни капли*. В другой работе полярно-чувствительные наречия степени делятся на интенсификаторы (максимайзеры и бустеры) и понижатели (downtoners), включающие единицы аппроксимативной (approximators), уступительной (compromisers), уменьшительной семантики (diminishers) − такие, как англ. *partly*, япон. 一応、基本的には), а также минимизаторы (minimizers), [6, с. 567]. Существуют и более подробные семантические классификации, которые, однако, не могут быть в своём готовом виде наложены на японский языковой материал: к примеру, из типов полярных слов, указываемых М. Крифкой [4] (expressions of a general nature, operators that widen the applicability of a predicate, referentially non-specific expressions, and expressions that denote particularly small or large entities), все единицы, о которых пойдёт речь у нас, должны быть отнесены к последнему типу.

В настоящей работе, не претендуя на какое-либо специальное обобщение имевших место ранее исследований, предпринимается попытка дополнить взгляд на проблему наблюдениями за тенденциями словоупотребления на основе данных открытого корпуса современного японского языка [9]. В этом мы отталкиваемся от тезиса М. Исраэла о том, что «информационное значение, изначально возникая на уровне высказывания, становится частью лексической семантики тогда, когда отдельные лексемы конвенционально увязываются с определёнными контекстами» [4, с. 636]. В цитируемой работе среди таких контекстов рассматриваются усилительный / эмфатический (сигнализирующие высокую заинтересованность говорящего в обсуждении, высокую уверенность) и недооценивающий (understatement, маркирующий желание сохранить лицо собеседника). По нашему мнению, здесь возможно пойти на шаг дальше, расширяя круг описываемых контекстов ещё и за счёт различного типического интенционального (или иллокутивного) наполнения высказываний.

На данном этапе мы ограничиваемся отрицательно полярными адвербиалами с собственно интенсифицирующим значением, задаваемыми закрытым списком. Из поля нашего зрения выпадают, таким образом, единицы типа すっかり = *совершенно*, где помимо указанных компонентов присутствует сема исчезновения пациенса.

2. Наиболее частотной и исследованной, но притом и самой «проблемной» парой среди интенсификаторов отрицательной полярности являются *mattaku* и *zenzen*. Например, у Н. Ямаути [8] их различие сводится к противопоставлению относительной и абсолютной скалярности. Для этого используется сравнение в контексте фразы типа:

私は全く／全然お金がない// *У меня* ***вовсе / совсем*** *нет денег*.

Можно, однако, привести контексты, когда эта закономерность нарушается – значение *zenzen* реально нулевое:

例えば訪販法の関係においても、指定商品として金延べ板というようなものが**全然**なかった… // *Например, в законе о коммивояжерах* ***вовсе*** *не было специальных упоминаний ни о каких золотых слитках* (парламентская стенограмма, 1986) [9].

И наоборот, существуют примеры, когда тавтологичность сочетания с числительным «ноль» наводит на мысль о том, что абсолютная скалярность в *mattaku* является не чем иным как риторическим преувеличением:

法務省の職員だけが**全く**ゼロだ… // *И только сотрудников минюста* – **полный** *ноль* (там же, 2003) [9].

Сложность вопроса усиливается этимологической близостью двух лексем, из которых первая фактически представляет собой «японизированную версию», искусственный перевод второй, позаимствованной из китайского языка. Однако эта близость лишь подталкивает к неверным выводам.

Вообще фразы お金が全然ない（もん）и お金が全くない неравнозначны не только с точки зрения количества денег, которое имеется в описываемый момент у Говорящего (Г), но и с точки зрения ситуации, в которой они могут быть употреблены. Первая может быть ответом на предложение потратить деньги, объяснением, жалобой – во всех перечисленных случаях тяготея к данной, конкретной ситуации. Вторая скорее пригодится в характеристике того, у кого нет денег. Можно легко представить, что она будет произноситься с возмущением, осуждением, в описании воображаемого положения дел. Действительно ли подразумеваемое скалярное значение – нулевое, в таком контексте уже нерелевантно.

Сходные результаты дают наблюдении за данными корпуса. Прежде всего, обращают на себя внимание некоторые различия в сочетаемости двух лексем. Так, в группе примеров, где *zenzen* подчинено предикативному прилагательному *nai* = *не иметься / отсутствовать* субъект (само отсутствующее) всегда конкретен, может быть зафиксирован физически, измерен (文書 *документ*, 死者 *жертва/убитый*, 手当て *пособие*, 授業 *занятия*, 知識 *знания*), тогда как для *mattaku* это скорее абстрактные, неисчислимые объекты, качества – 必要 *необходимость* (6 примеров), アプローチ *подход*, 効果 *эффект*, 交渉の場 *площадка для переговоров*, 気持ち *настрой*, 意欲 *желание*, 懸念 *озабоченность*, 代替性 *заменимость* (перекрёстная сочетаемость исключена). Неодинакова и сочетаемость с самими предикатами: например, в отличие от *zenzen, mattaku* не обнаруживается при глаголах физических действий – 目を向ける *обратить взгляд*, やる *делать/заниматься* (с *zenzen* 8

примеров), зато появляется при глаголах отношения, напр. ないがしろにする *ни во что не ставить*.

Только *mattaku* сочетается с отрицанием при именном предикате (ведь там тоже нельзя указать, насколько именно «А не является В»):

海外での軍事的責任を日本に引き受けさせようと主張するものでは**全く**ない。// *Никто **вовсе** не собирается взвалить на Японию военные обязанности за рубежом* (там же, 1981) [9].

В случаях, где указанные закономерности нейтрализованы, проявляется различие в направленности высказывания. Отрицание с *zenzen* привязано к конкретной ситуации определённого субъекта (что может коррелировать с сожалением, жалобой), а с *mattaku* оно приобретает черты характеристики, относится к ментальному конструкту:

あの方が自分の職を売り物にしてけちなことをするとは私は信じがたいし、**全然**信じません。// *Что он станет торговать своей профессией, да ещё торговаться – мне трудно в это поверить, да я **вовсе** и не верю.* (там же, 1986) [9], ср.:

その後、俺の身に何も起きないよ。なぜなら神も仏もないし、俺は宗教を全**く信じ**ていないからだ。// *И ничего с моим телом потом не произойдёт. Потому что ни синтоистских богов, ни будды нет, да и в религию я **совершенно** не верю.* (Ё.Араи, «Чёрная дорога заграницы» 2002) [9], ср. также критику, жалобы:

シビルミニマムとして考えるならば、要するに基礎的なものが**全然**ない。// *Если судить по минимально необходимому – и то **вовсе** ничего нет (парламентская стенограмма,* 1984) [9], ср. с сожалением:

誘導弾等による攻撃を受けて、これを防御する手段がほかに**全然**ないというような場合、敵基地をたたくことも自衛権の範囲に入る…// *Если часть подвергается ракетному обстрелу и **совершенно** нет никаких других средств защитить себя, то и нападение на вражескую базу подпадает под самооборону* (там же, 1999) [9], ср. также:

ここはのっぺりとしたジャングルが続くだけで、何かの目標や拠り所になるものが**全く**存在しないのである。// *Тут повсюду голые джунгли, **совершенно** нет никаких ориентиров* (Р. Онда «Вверх и наружу», 2001) [9], ср. с оценкой о другом:

そんなものは十分に承知しているとうそぶくような連中がおって、予備知識も**全然**ない市民を食い物にしておる…// *И эти типы врут, будто всё знают, а сами наживаются за счёт простых граждан без **всяких** знаний* (парламентская стенограмма, 1978) [9].

Аналогично, если при 全然+知らない речь идёт о конкретной обстановке, в т.ч. текущем моменте, то 全く＋知らない – про ситуации общие, воображаемые, в прошлом:

スパコンのことは**全く**知らないと思いますよ。// *Я думаю, они и про суперкомпьютер **вовсе** не в курсе* (сайт полезных советов «Яху», 2005) [9].

В случаях ниже *zenzen* тяготеет к характеристике текущего состояния субъекта, а *mattaku* – свойств объекта:

それから、**実態**が全然わからない// *Он **совершенно** не понимает реального положения дел* (парламентская стенограмма, 1996) [9], ср.:

ノンＡノンＢ、Ａ型でもないＢ型でもないもう一つの輸血後の肝炎、正体の**全く**わからないもの// *Перелита была ни первая, ни вторая группа, и какую природу имеет получившееся – **совершенно** непонятно* (там же, 1988) [9].

Данная тенденция получает продолжение в интерпретации синтаксического подчинения, различении синонимов:

そういうところが**全然**見えない議論をずるずるずるずるしている// *И в этом споре такие вещи **совершенно** не проявляются* (там же, 2002) [9], ср.:

視覚障がい者と言っても、**全く**見えない人から光を感じる人、メガネなどで矯正しても視力の弱い人…// *Среди инвалидов по зрению тоже есть те, кто **совсем** не видит, и те, что видят свет, те, чьё зрение не скорректируют самые сильные очки… понимает* (региональный вестник «Аикока», № 15, 2008) [9].

Притом в «чистой» конструкции Стимул-Экспериенцер *mattaku*, как *zenzen* ниже, не зафиксировано:

やはり新しい国と地方づくりをやるんだという、そういうものが**全然**見えてこないわけです// *Естественно, попытки поставить на новые рельсы региональное и государственное строительство **полностью** отсутствуют* (парламентская стенограмма, 2002) [9], ср. (речь не об «открытии» Г, а о воображаемом субъекте, характеризуем определённым признаком):

日本人が**全くいない**外国はありますか? // *Есть такие страны, где* ***совершенно*** *нет японцев?* (сайт полезных советов «Яху», 2005) [9].

Ср. случай различения значений полисемичного глагола:

実感としては、こちらの言い分は**全く**聞いてくれません// *В реальности он* ***совсем*** *не слушает наши объяснения* (сайт полезных советов «Яху», 2005) [9], ср.:

それの業務を遂行いたしておりましたので、その動きについては**全然**聞いておりません// *Я исполнял соответствующие обязанности, поэтому* ***совершенно*** *не слышал о названных тенденциях* (парламентская стенограмма, 1996) [9].

Следует отметить, что нейтральная полярность и *zenzen*, и *mattaku* не абсолютна: её трактовка требует введения т.н. семы отрицания, или, в ещё более широком плане, сопоставительного семантического компонента. К таким контекстам, как показывает корпус, сводится рост частотности *zenzen* в неотрицательных усилительных контекстах, отмечаемый в литературе [10], ср. примеры типа 全然大丈夫 = *всё в* ***полном*** *порядке* (= а не против, как вы думали) и 全然一緒 = ***полностью*** *совпада*ет (= отсутствуют отличия, которые мы предполагали).

С учётом этого фактора приходится признать, что различная сочетаемость с предикатами с сопоставительным значением (7 сочетаний *mattaku c kotonaru различаться*, 11 с *chigau не так*, 32 *zenzen c chigau*, 30 *mattaku c onaji так же*, сочетаний *zenzen c kotonaru* и *onaji* нет) объясняется неодинаковым стилистическим статусом наречий, из которых *zenzen* тяготеет к разговорному стилю, а *mattaku* к нейтральному и повышенному стилистическому регистру. Как таковое, *mattaku* проявляет склонность к характеризующему контексту, в котором более естественно возникает необходимость в сопоставлениях. Кроме того, именно для *mattaku* свойственно употребление в виде прототипического усилителя отрицания, интенсификатора «вообще» в таких контекстах, как варианты ответа в анкетах.

Если *mattaku* этимологически и ассоциативно связано с идеей полноты (таково значение иероглифа 全) – в объёме отрицания некой умственной картины, а *zenzen* – полной выборки эмпирических данных, то история выражения ***tootei*** (по значению иероглифических компонентов 到底 – *дойти до дна*) предполагает, что Г до вынесения своего вердикта выполнил

все возможные действия, связанные с выяснением обстоятельств, получением опыта. Примечательно, что в современном китайском языке слово развило иное значение, сопоставимое с рус. *вообще* в вопросительных контекстах. В японском же оно употребительно тогда, когда существует необходимость подчеркнуть в убеждённости и верности некоторой сентенции, к которой Г пришёл логическими умозаключениями. Не случайно поэтому частотны его сочетания с потенциалисом (в том числе в концовках, оформляющих суждения 言えない *никак нельзя сказать*, 思えない *никак не подумаешь*, 考えられない *совершенно немыслимо*), также 理解できない (*совершенно*) *не могу понять*, появление в контекстах, связанных с оценкой объективных возможностей, в том числе с эвиденциальностью:

ひたすらに血筋の争いが、ながい慣わしとなったのか、…この私などには**到底**わからない。// ***Я никак** не мог понять, неужели эта кровная вражда уже пошла в привычку* (М. Цуна «Война цикад» 2002) [9], ср. также :

一度出掛けるとやがて西も東もわからなくなって、再び戻ってくることは**到底**出来そうにない。// *Стоит один раз выйти наружу – теряешь ориентацию по сторонам света и уже больше **ни за что** не вернёшься* (Х. Сакаи «Антропология Гуйгу-цзы» 1993) [9].

В таком виде усиление отрицания востребовано в рассуждениях, аргументации:

問題の列車が出発する時間が迫っていた。夜行列車では**到底**間に合わず、当時はまだファックスもない。// *Поезд вот-вот должен был отправиться. Ночным экспрессом **точно** было не успеть, и факсом в те годы никого предупредить было нельзя.* (Т. Ямамото «Пройти дорогой добродетели» 2004) [9].

Уникально свойственна данному наречию сочетаемость с предикатами околоотрицательного значения 足りない *не хватит*, 難しい (*будет*) *сложно*.

Наречие ***ikkoo-ni*** укоренено в представлении о некой продолжительности опыта, в протяжение которого не регистрируется положительный ответ на некий тест или вопрос:

重要な問題として書かれてあるんだろうと思って**ずっと**見たんですが、そういう項目が一**向に**ないわけです。辛うじて十一条のところに… // *Я всё ждал, что об этом будет*

упомянуто как о важной проблеме, но такого упоминания ***всё*** *не было. Разве что в статье 11…* (парламентская стенограмма, 1981) [9].

Основным для фрейма ***issai*** является отсутствие искомого результата в некоторой выборке. Положение конечного значения (полное отсутствие) на шкале проявляется в отрицательном контексте (то есть, поскольку речь идёт о негативной полярности, при двойном отрицании):

論議の中で明らかになってまいりましたので、こういう議論を今後一**切**しないということではございませんで…// *Из дискуссии это стало ясно, но поскольку мы не обязывались больше* ***никогда*** *не поднимать этот вопрос….* (там же, 1984) [9].

Идея о выборке имеет некоторые следствия с точки зрения предмета шкалы:

政治的圧力というようなお話もありましたが、そういう圧力は一**切**感じておりません。// *Тут говорилось о политическом давлении, но я* ***никогда*** *ничего подобного не испытывал.* (Т. Ямамото «Пройти дорогой добродетели» 1998) [9].

В приведённом примере речь идёт о том, что нет такого случая или темы, по которым мы бы не получили указанного ощущения. Действие с *mattaku*, с другой стороны, должно было бы быть скалировано по признаку «силы».

В силу особенностей фрейма *issai* не используется с качественным прилагательным (в речи о трудноквантифицируемом свойстве). При появлении именного дополнения наречие квантифицирует его, тогда как *mattaku* тяготеет к роли обстоятельства степени (квантифицирует действие):

「嘘つき」は本当の事を**全く言わな**い訳じゃありません！ // *«Враль» не значит, что человек* ***вообще*** *не говорит правду!* (сайт полезных советов «Яху» 2005) [9], ср.:

その人たちは日本の悪口を一**切言わな**かった。// *Эти люди* ***ни разу*** *не отзывались о Японии дурно.* (С. Ватабэ «Как построить страну» 2003) [9].

Используя такое выражение, Г ручается, что в некотором множестве нет изъятий или исключений. Естественно, так ангажироваться он может лишь в специфических контекстах, поскольку это налагает на него самого определённую ответственность. Так, в констативных высказываниях фразы этим

словом зафиксированы в речи о своём мире, о явлениях, подконтрольных либо в когнитивном плане («всё знаю об этом»), либо в оперативном («за мной последнее слово»):

ところが、労働委員会の勧告にも一**切**応じない。それどころか、そのことを契機に本当に悪質な組合つぶしが始まりました。// *Но и на предупреждения комиссии по труду они **совершенно** не реагировали – более того, именно с этого началось злонамеренное подавление профсоюзов* (парламентская стенограмма, 2005) [9].

В комитативах мы имеем дело с «ответственным заявлением» субъекта, вполне контролирующего свои действия:

納得のいかない不明朗な不透明な援助は一**切**いたさないという明言を、確言を、もう一度私に対してしていただけましょうか。// *Можете ли вы со всей определённостью заявить, что обязуетесь не предоставлять **никакой** непрозначной, неясной, непонятной помощи?* (там же, 1981) [9], ср. также:

それはどういうことかというと、年金と健康保険料をいわゆる運営費に一**切**出しませんと。// *Это значит, что пенсионные и страховые деньги **никогда** не будут потрачены ни на какие расходы* (там же, 2005) [9].

Менее увереннее такое обещание звучит с *mattaku* с присущей ему «семой наблюдателя» (познающего субъекта):

これはわが国防衛の基本的な方針であり、この考え方を変えるということは**全く**ありません。// *Это является основой нашей оборонной политики, и у нас отсутствуют **какие-либо** намерения её менять* (там же, 1999) [9].

В речи о прошлых действиях *issai* подразумевает ответственный отчёт, ответ за свои действия, тогда как *mattaku* скорее даёт пересказ случившегося с экспериенцером (обратим внимание на ремарочный глагол):

それから土工協は、報道にあるような委員会は存在しておらず、談合は一**切**していないというふうに明言されております。// *Да и ассоциация дорожников чётко заявила, что упомянутый в СМИ комитет никогда не существовал, и **никакого** сговора не было* (там же, 2001) [9], ср.:

大学院へ進学するつもりでいたので、４年生の夏になるまで就職活動は**全くしていない**でしたん。// *Я собиралась в аспирантуру, и до лета 4-го курса **вовсе** не занималась поисками работы* (журнал «Кэйдзайкай», 24.05. 2005) [9].

Интенсификатор ***chittomo*** происходит от сложения минимального квантора chotto = мало и усилительной частицы, ср. англ. *not a bit, not in the least*, франц. *point*. В проанализированных нами контекстах с *chittomo* обращает на себя внимание, во-первых, тип контекстов, где «исходная» малая степень признака презюмируется как возможная:

文部省は理屈ばっかり言っていて**ちっとも**金をよこさぬから、自治体ばかりが重荷を負うて// *Минобр только провозглашает теории, но денег не даёт* ***нисколечко****, так что вся нагрузка ложится на местные власти* (там же, 1981) [9].

Интонация таких возможностей предполагает жалобу (ср. рус. *нисколечки*), увещевание (*ничуть*). Примеры вроде следующего не предполагают буквальной интерпретации, т.е. мы видим преувеличение:

まいったなあ。英語は**ちっとも**できないくせに。// *Вот попал я, а! Я же по-английски-то* ***ни бум-бум*** (К. Эндо «Семейные сыщики Тамагава», 2005) [9].

Сходное преувеличение видим в *sukoshi-mo*, но уже с оттенком критики (ср. рус. *ни капельки*):

一カ月に三件もあるのに検挙が**少しもできない**というのは、警察ではどこに原因があると考えますか。// *Бывает и по три дела в месяц, а не раскрывают ни одно – в чём же проблема с полицией?* (парламентская стенограмма, 1985) [9].

Для обоих случаев характерны контексты, когда Г эмоционально сообщает о своих открытиях и наблюдениях.

Презюмируется как наличная (находящаяся в фокусе осмысления) и пропозиция, эмфатически отрицаемая в случае ***kesshite***. В этом данное наречие сходно с русским наречием *решительно*, с которыми оно проявляет и общую внутреннюю форму (決 «решить»). При этом отрицаемое положение вещей получает сильную негативную оценку субъекта действия, причём отрицается то, что плохо вообще, а не для самого говорящего:

カーペンター映画の主人公は**決して**平常心を失わない。// *Герои фильмов Карпентера* ***никогда*** *не теряют самообладания* (К. Янасита «Всё о кино», 1985) [9].

Соответственно, в случае, если субъект действия совпадает с Г, высказывание приобретает полемический оттенок – независимо от того, реален субъект отрицаемого утверждения

или сконструирован самим Г для усиления убеждения. Как реактивное высказывание это может быть Несогласие:

それなのに、オフィスで働くＯＬに比べると休みも少なく、経済的にも**決して**恵まれているとは言えません。// *В отличие от секретарш у них меньше выходных, и материально они **вовсе** не так уж обеспечены* (А. Какигава «Как найти хорошего ветеринара», 2005) [9], ср. с комитативом:

私は**決して**あなたに悪いことをしようなどと、そんな考えを持ってやしませんよ。// ***Я отнюдь** не пытался причинить тебе зло, и мыслей таких не было* (Ё. Тоёсима, собр. соч. 1990) [9].

Различие с эмоциональным настроем Г в случае *sukoshimo, chittomo* – в том, что положение дел подаётся как уже укоренившееся в сознании Г представление и лишено спонтанности, репортажности, характерной для двух других наречий. В этом плане стоит отметить и различие с *mattaku, zenzen*, которым отрицательная оценка не была присуща как таковая, хотя и имело место противопоставление реального положения дел и неверного представления о нём (обманутых ожиданий). Для *kesshite*, скорее, наоборот, свойственен акцент на твёрдом убеждении Г, которое используется для убеждения А:

続編を作ったりして、それでもいつかは終わる。けれどアニメの主人公たちは、**決して**年をとらない。// *Авторы придумывают продолжения фильмов, но и они когда-нибудь кончаются. А герои при этом **решительно** не стареют.* (К. Сунакава «Камисан - Дораэмон», 2001) [9].

Убеждённость Г, заметим, базируется не на эгоистических соображениях, а на нормативных представлениях. Как мы видели, в комитативе обещаемое Г действие невыгодно ему самому, но бенефактивно для А. В таком употреблении (Уверение) *kesshite* разнится с *issai*, которое в комитативном употреблении (норма на стороне самого Г, он является её носителем) даёт Предупреждение, ср.:

〈クリーヴランド廃品運送会社〉（わが社は**決して**廃品をお断りしません）と書かれた車体が、唸りをあげて通りすぎていった。 // *Мимо с воем промчалась машина с надписью «Кливлендская компания по перевозке утиля» - «Мы **нисколько** не отказываемся принимать утиль»* (Э. Вейнер, пер. К. Хирао «Ховард Дак», 1986) [9].

Скалярное значение *kesshite* относительно, т.е. выпячивание «полноты» признака является в нём таким же преувеличенным, как и в *sukoshi-mo* и пр. В отношении стоящих за этим коммуникативных механизмов мы можем сослаться на принцип достаточности для эффекта высказывания неточного значения [7], а также на наши рассуждения о прагматическом функционировании *hodo* [1]:

ジャイアンは、のび太に**決して**弱みは見せない。// *Нобита не дождётся, чтобы Джайан обнаружил перед ним* ***малейшую*** *слабость* (К. Сигэмацу «Твайлайт», 2002) [9].

Таким образом, можно сказать, что квантифицируемым в данном случае становится не признак, а убеждение субъекта в отрицаемой пропозиции. Примечательно, что данная установка «выживает» в различных модальных средах и уровнях синтаксического заглубления (подчинения), лишь ограничивающих сферу её действия – вплоть до того, что обнаруживается даже в императиве:

小作料引下げの歎願のために、宮崎家に押し寄せた小作人の群は、その時の民蔵の返事を**決して**忘れてはいなかった。// *Толпа арендаторов* ***вовсе*** *не забыла, какой ответ они получили на своё требование снизить плату* (К. Уэмура «Брат Миядзаки», 2004) [9].

その時の悔しさ、悲しさを、伸一は、**決して**忘れることはできなかった。// *Синъити* ***ни на минуту*** *не мог забыть, как досадно и печально ему было в то время* (Д. Икэда «Революция человека», 1999) [9].

手術中などに医療事故を起こした場合には**決して**患者に謝るな// *Если допустил врачебную ошибку, например, во время операции,* ***- ни в коем случае*** *не извиняйся перед пациентом* (Т. Ямасаки «Откровения: смерть при диализе», 1998) [9].

Скалярная величина для интенсификатора ***totemo*** не абсолютна и даже не приближается к крайнему уровню, а заявляется просто как высокая, что несколько необычно с точки зрения носителя русского языка. Практически все рассмотренные случаи употребления данного наречия представляют собой речевые акты Жалобы, Отказа или Предостережения:

私から**とても**申し上げる段階ではないし// *Мне на данном этапе* ***никак*** *нельзя высказываться по этому поводу* (парламентская стенограмма, 1979) [9];

年金もそうですよ。政府の金額では**とても**生活できませんよ// *То же с пенсией: на цифры, что называет правительство, ну* ***никак*** *не прожить* (там же, 1984) [9].

В отличие от не обладающего отрицательной полярностью интенсификатора *dooshitemo*, который предполагает формирование мнения Г после определённого числа попыток, в *totemo* вывод заранее известен Г, который использует информацию о неудобстве, своей неспособности, чтобы оградить себя от обязательств:

日本がいつまでもこうした多くの輸入に頼っているということは**とても**できません。// *Япония* ***никак*** *не может вечно настолько зависеть от импорта* (там же, 2001) [9].

3. В порядке верификации представленных наблюдений ниже мы приводим данные сопоставления высказываний с различными наречиями с отрицательной полярностью в некоторых типичных сходных контекстах. Как можно заметить, далеко не во всех дифференциация между интенсификаторами проявляется в различиях на уровне коммуникативной направленности высказывания. Помимо неё различную интерпретацию могут проявлять и отдельные грамматические единицы, изначально допускающие неоднозначность. Например, субстантиватор こと тяготеет к фактивной интерпретации для zenzen и сослагательной для *mattaku*:

あなたのおっしゃっているようなことは**全然**ないわけ…// *То, что говорите Вы,* ***совершенно*** *беспочвенно* (там же, 1981) [9];

そういうことが法律の条文の本則には**全然**ないのです。// *Ничего* ***подобного*** *в законе не написано* (там же, 1984) [9], ср.:

何か明確な今までと違ったものができたとか、そういったことは**全く**ないわけ…// *Можно подумать, появилось что-то новое! Ничего* ***подобного*** (там же, 2001) [9];

それをあなたのところが掌握してないなんということは**全く**ないんで…// *Совершенно неверно утверждать, будто они ничего не знали* (там же, 1995) [9].

Различия обнаруживаются и там, где многовариантность толкования связана с не получающей обязательного грамматического выражения категорией, например, лица.

а) С выражением возможности できない получаем широкую гамму значений. Так, с *mattaku* имеем репортажные, ско-

рее чем оценочные, высказывания, в том числе по отношению к себе:

人によってえくぼの深さは様々で私みたいに**全くできない**人もいます// *Ямочки на щеках у всех разные. У меня, например, их **вовсе** нет* (сайт полезных советов «Яху», 2005) [9].

Для *zenzen* характерен скорее оттенок осуждения (что не подтверждает версию о скалярной разнице между двум наречиями):

考えてみればいろいろな表現方法がある。それを今の子は**全然できない**// *Ведь есть самые разные средства выражения. Но нынешнему поколению это **совершенно** недоступно* (Т. Бит «Почему меня не любят» 1991) [9].

В случае с *issai*, где речь идёт о контролируемом состоянии, действии нормы, власти, возможность становится предметом Запрета:

共同開発は本当に一**切できないの**ですか。// *А что, совместная разработка – это совсем недопустимо?* (парламентская стенограмма, 1982) [9];

審査を経ている公式サイトだけにアクセスを限定したり、情報サイトへのアクセスを一**切できない**ようにというように、「フィルタリング」と呼ばれる設定を提供するようになりました// *Ограничивают доступ на сайты во время проверки, устанавливают фильтры на команду «отменить **всякий** доступ»* («Мобильный интернет – это просто!», 2004) [9].

Невозможность как «неудобство» Г, апелляция к собственным обстоятельствам Г характерна для *totemo*. Выделяются примеры Отказа, Предостережения с условным протазисом:

メンテナンスはそんな一人では**とてもできない**ですよ、非常に広いところですから。// *Обслуживать такой объём одному сотруднику нет **никакой** возможности* (парламентская стенограмма, 1983) [9].

Элемент осуждения свойственен слегка гиперболизируемым контекстам с *chitttomo, sukoshi-mo* (см. примеры выше).

В полемических контекстах (но часто не затрагивающих лично коммуникантов), несогласии доминирует *kesshite*:

改革・開放政策の成果を、歴史の重みを合わせて考えれば、「資本主義的である」との理由で否定することは**決してできない**// *Рассматривая результаты реформ в историче-*

ской перспективе, отрицать их как капиталистические ***совершенно*** *неверно* (К. Орита «20 лет реформ: экономика китайских преобразований», 2002) [9].

Tootei появляется в аргументативных высказываниях – как правило, не изолированных:

野村でさえも、極東の情勢に対するアメリカの態度を変えることは**到底できない**だろう// *Даже господин Номура был совершенно не в состоянии переменить свой подход к вложению на Дальнем Востоке* (Н. Одзио «Горе вашингтонского посла», 1994) [9].

б) В сочетании с выражением теоретической невозможности ありえない вновь видим преобладание 1-го лица в «ответственных» высказываниях с *issai* – даже если сама возможность утверждения с ответственностью ставится под сомнение:

私が彼に恋愛感情を持つことは一**切ありえま**せん。// *К нему любовных чувств я не могла бы испытывать* ***ни за что*** (сайт полезных советов «Яху», 2005) [9], ср.:

では、現実の普通の人間には一**切ありえ**ない衝動なのか? // *Но* ***так ли уж*** *невозможно для обычного человека испытывать подобное?* (А. Нарита «Детство в аварии» 2004) [9].

Mattaku как единственное наречие, способное появляться в фокусе отрицания (лишь 2 примера), выглядит как носитель «чистого» интенсифицирующего значения:

ホラー映画を観るよりも、新型ウイルスによる感染症という設定が**全くありえ**ない出来事ではないのでもしも自分が感染したら? // *Чем смотреть ужастики, не страшнее ли задуматься – ведь заразиться мутировавшим вирусом* ***совсем*** *не так уж невозможно* (блог «Яху» 2008) [9];

これは異常なことのようだが、火山の寿命は時に数百万年にも及ぶことがあるので、**全くありえ**ない話ではないのだという。// *Это кажется невероятным, но жизненный цикл вулкана – несколько миллионов лет, так что эта история не кажется совсем уж фантастической* (С. Фудзисаки «Хайдунан», 2005) [9].

Тогда как различия между *zenzen* и *tootei* нейтрализуются:

そしてこれは、明治人の新帰朝者には、**全然ありえ**ない発想であつて、// *Для репатрианта эпохи Мэйдзи эта идея была вовсе не такая уж невероятная* (Ю. Мисима, собр. соч., 2003) [9], ср.:

何の外形的痕跡のないまま現行犯逮捕されるなどということは**到底ありえ**ない。// *Чтобы без всяких внешних проявлений преступника поймали с поличным – такого просто не может быть* (С. Эгава «Как устроена клевета» 2004) [9].

в) С активным глаголом 言う = говорить мы уже видели *mattaku* в фокусе отрицания (двойное отрицание). С формой глагола прошедшего времени, «волевой» конструкцией *koto-ni suru* (Отчёт о своих действиях; то же в наст. вр.), регулятивном, а не индикативном контексте сочетается исключительно *issai*:

営業マンは自分に都合の悪いことは一**切言わな**いのです。// *Коммерсант **никогда** не скажет ничего против своих интересов* (М. Ито «Цифровая экономика» 2001) [9];

そこで、Ｔ工業・関東営業所では「売上を上げろ」とか「訪問を増やせ」ということは一**切言わな**いことにした。その代わり、寝ても覚めても「回収強化」である// *Поэтому решили на предприятиях фирмы Т. вообще **никогда** не произносить «рост продаж» или «больше ходить по домам», а только как мантру повторять «улучшение оборота»* (М. Сугихара «Как победить командой переговорщиков» 2003) [9].

С таким употреблением резко разнится когнитивный эффект «открываемой Г для себя ситуации» в случае *sukoshi-mo*:

それがなぜなのかは、**少しも言わな**い。彼が、どこの生まれでどういう男なのか、オレたちは何も知らない。// *А в чём дело – ни словечка не скажет. Кто он, откуда – никому из нас это неизвестно.* (Х. Фудзимото «Печать Бурбонов» 1992) [9], ср. то же с *mattaku*:

行為の段階をＡ・Ｂ・Ｃ・・・とかって言いましたよね？私の歳（２０）では**全く言わな**いので、何がＡだとか分かりません。// *Он же всё называл по этапам – А, Б, В? Мне в мои двадцать так **никогда** не приходилось говорить, я и не понимала ничего* (сайт полезных советов «Яху» 2005) [9].

г) Наиболее широкий разброс смыслов возникает в сочетаниях с экзистенциальным оператором ない = *не является / отсутствует*. В частности, среди фраз с *issai* преобладают высказывания, направленные на активное воздействие на поведение адресата, – Обещание, Аргументация.

強固な作りで大人２名でもグラつくこと**は一切ない**…// *Вещь крепкая, даже и от двух взрослых **ничуть** не пошатнётся* (журнал «Автокампер» № 10, 2003) [9], ср.:

感じていることが、そのまま表情やことばに出る。「格好をつけよう」という考え**は一切ない**。// *Что на уме – сразу видно по лицу. И мыслей **вовсе** нет что-то скрыть взрослых **ничуть** не пошатнётся* (Б. Бартон «Наш ребёнок – с отклонениями», 2004) [9].

Даже для событий, неподвластных воле Г, имеет место убеждённая, «со всей ответственностью» подача информация:

円高メリットというもの**は一切ない**、逆に非常に厳しい原料状況にある// ***Никаких** плюсов от высокого курса иены нет: наоборот, дорожает сырьё* (парламентская стенограмма, 1978) [9];

請求する気はないですし、第一お姑さんに心配して頂く必要は一**切ない**ですから！ // *Требовать мы ничего не собираемся, и волноваться вам **вовсе** не о чем* (блог сайта «Яху» 2008) [9].

Такому характеру высказываний находятся свидетельства в тексте ремарок и выборе иллокутивных глаголов:

私が入札のロ利きをしたなんてこと**は一切ない**」と、言い切った // ***Я и словом** не обмолвился про аукцион! – решительно возразил я.* (журнал «Сандей Майнити» 14.04.2002) [9];

今まで県、市、町と国とがパイプが詰まっていたというようなこと**は一切ない**と私は信じております。// *До сих пор ни в префектуре, ни в городе, ни в районе, ни во всей стране наши трубы **ни разу** не забивались* (парламентская стенограмма, 1993) [9].

Жалобы, отговорки, объяснения собственных обстоятельств преобладают с *totemo*, напоминая стандартный смысловой фон для употребления рус. конструкции *некогда/ не с кем/ неоткуда*:

いちいち注釈する余裕**はとてもない**が、若干の意々わけはしておこう // *Сопровождать каждую мелочь комментарием мы **никак** не можем, но некоторые пометки всё же сделаем* (Н. Янасэ «По Финнегану», 2003) [9];

この場で対面する勇気など、自分に**はとてもない** // *Смелости тут же выступить против у самого – **ни на грош*** (С. Шелдон, пер. Т. Тэммы «Ярость ангелов», 2003) [9];

それを論じるページ数**はとてもない**…// *У нас нет **никакой** возможности детально здесь это рассматривать* (Т. Ибукияма «Введение в математику», 2003) [9].

Нотки критики (отсутствие желанного положения дел на протяжении всего отрезка времени) звучат в репортажном высказывании Г о своём открытии с *ikkoo-ni*:

その口元は引き結ばれたままで、動く気配**は一向にない**// *Рот завязан, в теле ни* ***малейших*** *признаков движения* (Р. Хикава «За кристальной долиной», 1995) [9].

Совершенно иные оттенки убеждения по сравнению со «стиснутыми зубами» в *issai* появляются в случае *zenzen* – симпатия, сочувствие:

怒ったり責める気**は全然ない**です// *Я совершенно не собираюсь ни кричать, ни упрекать тебя* (сайт полезных советов «Яху», 2005) [9];

邦ちゃんの強化服のおかげで、怪我とかの心配**は全然ない**から// *С такой спецодеждой* ***ни тени*** *беспокойства нет, что поранишься или что ещё* (И. Симадзу, «Косплей-детектив Каори», 2005) [9].

Пропозиция, в отличие от *issai*, необязательно составляет предварительное убеждение Г и несёт меньшую оценочность, чем с *mattaku*:

いったいあなたの国には老人の運動やスポーツがありますか、と聞いたら、ソ連に**は全然ない**という // *Спрашиваю – неужели у вас в стране нет спорта и физкультуры для стариков? Оказывается, в СССР нет.* (Т. Хосокава, «Дневники хулигана», 1981) [9].

Лишь с *zenzen* зафиксированы вопросительные высказывания (Запрос подтверждения, осуществляемый как будто с сожалением, надеждой):

恋愛経験や恋人がいたことが無い人に、恋愛を語る資格**は全然ない**んですか? // *Так что же, у того, кто не любил, у кого никогда никого не было, и права на любовь* ***совсем*** *нет?* (сайт полезных советов «Яху», 2005) [9].

С оценочным отношением связано отрицание всей «готовой» пропозиции в случае *kesshite*, что проявлется и в сочетаемости со служебными именами *koto, wake*. Этим наречием, наряду с *zenzen*, ограничены примеры с именем-предикатом. В убеждении Г ставит не на авторитет «своего слова», не симпатию, а на логику – «как вы могли такое подумать», «такого ведь не может быть»:

可能性が数字にとらわれること**は決してない**…信じて疑うな、新汰。// *Вероятность эту* ***никак*** *нельзя выразить*

в цифрах…Верь мне, не сомневайся, Синта! (К. Иваи «Вызов тишине», 2002) [9].

В случае двойного отрицания с *kesshite* в фокусе оказывается не частица (то есть степень), а вся пропозиция:

地方でもアパートの需要**は決してない**わけではありません。// *По регионам – нельзя говорить, чтобы там вовсе не было спроса на съёмные квартиры* (сайт полезных советов «Яху» 2008) [9].

Сильный риторический функционал (преувеличение) отмечаем у *sukoshi-mo*, сочетаемого со служебными именами (эффектно группирующими, «стягивающими» пропозицию, презюмируемую как уже наличную для обсуждения):

マルクス主義における歴史のとらえ方は、まったくユダヤ教的であり、中国的なところ**は少しもない**// *Марксистский взгляд на историю полностью лежит в иудейской традиции,* ***ничего*** *китайского в нём нет!* (Н. Омуро «Крах советской империи», 1980) [9];

たとえ運よく人気歌手になったとしても、そんなことで自分の生活や信念を変える気**は少しもない**わ// *Даже если посчастливится стать известной певицей, мне* ***никогда*** *не придёт в голову изменять свою жизнь, свои убеждения* (Х. Гоки «Врата молодости», 1977) [9].

С Упрёком, недовольством, Критикой на близкой социальной дистанции между собеседниками связано *chittomo*:

家来だからと言って馬鹿にする理由**はちっともない**// *Если человек слуга, это ещё вовсе не причина издеваться над ним* (С. Кувабара «В клубе мальчиков», 1987) [9].

д) Снова иная картина – с качественным прилагательным よくない = *не хорош(о)*. Критика с рациональных позиций «заданной», пусть даже воображаемой пропозиции, имеет место в сочетаниях *kesshite*:

…だから、意に反して、妥協せざるを得ないのが現実」と続けると、「我慢は**決してよくな**い。仕事を長く続ける、その先のことを考えるなら、当然だと思うことはあきらめないで…// *«…Так что в реальности приходится пусть нехотя, но идти на компромисс» − продолжил я, но тут он заговорил: «****Ничего*** *хорошего в терпении нет. Если хочешь долго проработать на этом месте, ты не должен отказываться от того, что кажется тебе правильным…* (М. Иноуэ «Годы как речная вода», 2003) [9].

Жалоба слышится в фразах с *chittomo*, интенсивная эмоциональная подоплёка производимого Г открытия о положении дел – с *zenzen*:

あなたは三十八になった今でも子供みたいなことを言うのね。さっきのキスは、**ちっともよくな**かったわ。あなたに触れられて喜んでいたのは昔の話よ。// *Ты и в свои 38 всё ещё как маленький. И в поцелуе сейчас не было* ***ничегошеньки*** *хорошего. Это давно я радовалась каждому твоему прикосновению (Дж. Мерит, пер. М. Удзиэ* «Интриги миллиардера», 2005) [9], ср.:

私の親友が「トータル養育セットなんて**全然よくな**いよ。高いだけで効果なんて出ないよ。// *Мои друзья считают, что «набор для полного образования» ничего хорошего из себя не представляет. Только стоит дорого, а эффекта никакого* (сайт полезных советов «Яху», 2008) [9].

4. Рассмотренные данные позволяют сформулировать следующие выводы.

Важным с точки зрения описания синонимических рядов наречий с отрицательной полярностью является возможность использования их в различных прагматических контекстах, в том числе и неодинаковой речеактовой направленности. Во многих случаях на такие параметры употребления адвербиала в речи напрямую влияет «вмонтированный» в его семантику когнитивный фрейм, касающийся способов обработки опыта (ведущих к отрицанию некой не верифицировавшейся пропозиции):

наречие	схема опыта	скаляр-ность	предмет	характер знания	примеры речевых актов
zenzen		отн?	конкр	эмпир	Жалоба, Упрёк, Критика, Аргументация, Вопрос
mattaku	сличение представлений	абс?	абстр	эмпир/ логич	Критика
tootei	«до дна»	абс	абстр	логич	Аргументация, Рассуждения
ikkoo-ni	временной отрезок		конкр	эмпир	Рассказ

issai	выборка	абс		эмпир/ воля	Отчёт, Обещ, Отказ, Запрет, Предупреждение
chittomo	допущение	отн	конкр	эмпир	Жалоба, Упрёк, Критика, Увещевание
sukoshimo		отн	конкр	эмпир	Критика
kesshite	решимость	абс	абстр	умозакл	Несогласие, Убеждение
totemo	отсев вариантов	отн	ко	эмпир	Жалоба, Отказ, Предостережение

Такие семантические сдвиги в целом лежат в русле отмечаемой в литературе тенденции к выделению и развитию в семантике отдельных лексем субъективных компонентов, связанных с отношением говорящего к содержанию пропозиции [5]. В процессе такого семантического развития логично, что более специализированное употребление закрепляется за теми единицами, которые оказываются сильнее привязаны к исходному фреймовому «шаблону», тогда как более свободные, универсальные единицы в конце концов проходят возгонку до функции чистого представителя собственно интенсивности отрицательного признака – как это происходит для mattaku, лишённого препятствий для попадания в фокус отрицания.

Последствием намеченных нами закономерностей в семантическом развитии лексических единиц может считаться определённый речеактовый «фоторобот» наречия-интенсификатора. Причём, даже если в самом лексическом значении выделить такой элемент затруднительно, естественно предположить, что в плане словоупотребления говорящий, стоя перед выбором из ряда языковых средств для более точного выражения своих мыслей и эмоций, будет опираться в таком выборе на мысленную статистику (в том числе и как должную действовать на Адресата) тех случаев употребления, которые были зафиксированы им ранее – иными словами, примерно такую базу данных, как и та, что была обработана нами с опорой на данные корпуса.

Список литературы

1. Чиронов С.В. Аппроксимативы в японском языке (опыт прагмасемантического анализа) / С.В.Чиронов // Японский язык в вузе. Вып. 8. Материалы научно-методической конференции “Японский язык в вузе” (октябрь, 2012). [Текст]- М., 2013 - С. 143-155.
2. Buchanan T.M. “Two Types of Negative Polarity Items: Evidence from VP-ellipsis in Japanese.” In Hedde Zeijlstra and Jan-Philipp Soehn eds. Proceedings of the Workshop on Negation and Polarity, 2007.- pp. 31-35. [Электронный ресурс] URL = https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/44023/pdf/negpol07.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата доступа 15.11.2015).
3. Israel, Michael. 1996. Polarity sensitivity as lexical semantics. [Текст] Linguistics and Philosophy 19: 619-666.
4. Krifka, Manfred. The Semantics and Pragmatics of Polarity Items [Электронный ресурс] URL = http://amor.cms.hu-berlin.de/~h2816i3x/POLARITY.pdf (дата доступа 15.11.2015).
5. McGloin, N. H. “Negation.” In Syntax and Semantics 5: Japanese Generative Grammar, M. Shibatani, ed., 371-419. [Текст]New York: Academic Press. 1976.
6. Quirk, Randolph, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, and Jan Svartvik. A Comprehensive Grammar of the English Language. [Текст]London: Longman1985. 548 p.
7. Sperber Dan, Wilson Deirdre. Relevance: Communication and Cognition, 2nd Edition. [Текст] Oxford: Wiley-Blackwell. 1996. - 338 p.
8. Yamauchi Nobuyuki. English Looks at Japanese and Vice Versa: A Contrastive Approach to Intensifiers in English and Japanese // Journal of Culture and Information Science, 7(2), 1-12, (March 2012) [Электронный ресурс] URL= https://doors.doshisha.ac.jp/duar/repository/ir/15856/039000080001.pdf (дата доступа 15.11.2015).
9. 現代日本語書き言葉平均コーパス KOTONOHA (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка «Котоноха» [Электронный ресурс] URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения 18.7.2015).
10. 播磨桂子「とても」「全然」などにみられる副詞の用法変遷の一類型 (Харима К. Типичный случай трансформации употребления наречий – на примере totemo и zenzen) [Электронный ресурс] URL = http://catalog.lib.kyushu-u.ac.jp/handle/2324/9442/p011.pdf (дата доступа 15.11.2015).

Об авторе

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У). E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

NEGATIVE-POLAR ADVERBS: JAPANESE CORPUS DATA

S.V. Chironov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Existing theoretical frameworks on so-called negative polarity items so far have not offered an adequate enough description of their variety. We use corpus data of modern Japanese to advance in the description of semantics and pragmatics of adverb intensifiers within this group. The method that is being used for this is twofold. First we undertake separate semantic analysis of each item, recurring to diachronic factors if relevant. In this way we can subdivide the eight intensifiers (zenzen, mattaku, tootei, ikkoo-ni, chittomo, sukoshi-mo, kesshite, totemo) by semantic features of scalability (absolute or relative), nature of modified object (abstract/concrete) and grounds for modification (evidential or epistemic). Then we compare the meaning of utterances with the adverbs used in similar contexts. And this leads us to conclude that the pragmatics of a negative-polar adverb in Japanese is closely related to the cognitive mechanisms imprinted in their semantic structure. For instance, the etymology of "down to the very bottom" as the metaphor root in the base of "complete screening of evidential data" in tootei appears related to its scope of use in argumentative, reasoning contexts. "Decisive" as the key element in kesshite, assigns this negator to comissive contexts or statements where the speaker is in full control of actions or events he refers to. Ikkoo-ni as linked to an interval of time with zero occurrence of a certain event is best suited for narratives. While mattaku, referring to a complete discordance between two representations of reality, is tailored for critical utterances.*

Key Words: Japanese language, adverbs, intensifiers, negative polarity, speech acts, frame, corpus data.

References

1. Chironov C.V. Approksimativy v japonskom jazyke (opyt pragmasemanticheskogo analiza) / S.V.Chironov // Japonskij jazyk v vuze. Vyp. 8. Materialy nauchno-metodicheskoj konferencii "Japonskij jazyk v vuze" (oktjabr', 2012). (Approximative expressions in Japanese, essay in pragmasemantic analysis. in Japanese in high school, papers of 8th conference, October 2012) [Text]- M., 2013 - C. 143-155.
2. Buchanan T.M. "Two Types of Negative Polarity Items: Evidence from VP-ellipsis in Japanese." In Hedde Zeijlstra and Jan-Philipp Soehn eds. Proceedings of the Workshop on Negation and Polarity, 2007.- pp. 31-35. [Online] URL = https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/44023/pdf/negpol07.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed on 15.11.2015).

3. Israel, Michael. 1996. Polarity sensitivity as lexical semantics. [Text] Linguistics and Philosophy 19: 619-666.
4. Krifka, Manfred. The Semantics and Pragmatics of Polarity Items [Online] URL = http://amor.cms.hu-berlin.de/~h2816i3x/POLARITY.pdf (accessed on 15.11.2015).
5. McGloin, N. H. “Negation.” In Syntax and Semantics 5: Japanese Generative Grammar, M. Shibatani, ed., 371-419. [Текст]New York: Academic Press. 1976.
6. Quirk, Randolph, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, and Jan Svartvik. A Comprehensive Grammar of the English Language. [Текст]London: Longman1985. 548 p.
7. Sperber Dan, Wilson Deirdre. Relevance: Communication and Cognition, 2nd Edition. [Текст] Oxford: Wiley-Blackwell. 1996. - 338 p.
8. Yamauchi Nobuyuki. English Looks at Japanese and Vice Versa: A Contrastive Approach to Intensifiers in English and Japanese // Journal of Culture and Information Science, 7(2), 1-12, (March 2012) [Online] URL. = https://doors.doshisha.ac.jp/duar/repository/ir/15856/039000080001.pdf (accessed on 15.11.2015).
9. 現代日本語書き言葉平均コーパス KOTONOHA (The Kotonoha weighted corpus of written sources in modern Japanese) [Online] URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (accessed on 18.7.2015).
10. 播磨桂子「とても」「全然」などにみられる副詞の用法変遷の一類型 (Harima, Keiko “Transformation of usage of Japanese adverbs, as exemplified in Totemo and Zenzen) [Online] URL = http://catalog.lib.kyushu-u.ac.jp/handle/2324/9442/p011.pdf (accessed on 15.11.2015).

About the author

Sergey Vladimirovich Chironov – PhD in Linguistics, Assistant Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics at MGIMO (U). E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

* * *

Раздел 2.
ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЕБ-КВЕСТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ

Е. И. Багузина

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

Предметом статьи является анализ эффективности использования краткосрочных тематических веб-квестов, используемых для языковой подготовки студентов МГИМО. По своей структуре веб-квест представляет собой проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета. Основанная на проблемном, программном и проектном методе, веб-квест технология направлена на достижение конкретного результата, то есть имеет практическую направленность. Разрабатывая тематические веб-квесты по программе языковой подготовки студентов, автор статьи прежде всего учитывал особенности тематической и языковой направленности основного курса по английскому языку и сферу будущей профессиональной деятельности, высокий уровень языковой подготовки магистров и интерес, проявленный к тому или иному аспекту темы. Важнейшим преимуществом применения веб-квест технологии является положенная в её основу идея «обучения через открытие», согласно которой учащиеся лучше запомнят материал, если «откроют» его для себя сами в ходе выполнения веб-квест проекта. Учитывая тот факт, что современные студенты являются представителям цифрового поколения, применение веб-квестов на занятиях является мотивирующим фактором, так как они используют интернет-ресурсы. В этой связи, в статье рассматривается аспект квалифицированного отбора преподавателем интернет-ресурсов, замены «морально» устаревшего материала преподавательского портфолио для составления заданий веб-квеста. Использование новых цифровых обучающих технологий, в том числе для развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов, соответствует современным требованиям к образованию. Информационные технологии являются одним из

основных факторов экономического роста. В университетах интернет-образование помогает студентам выдерживать конкуренцию на мировом уровне.

Ключевые слова: веб-квест, обучение через открытие, проблемное задание, иноязычная коммуникативная компетентность, информационные технологии, интернет-образование, преподавательское портфолио, интернет-ресурсы, деловая лексика, цифровое поколение.

Согласно последнему отчету ООН, информационные технологии – один из основных факторов экономического роста. В университетах интернет-образование помогает студентам выдерживать конкуренцию на мировом уровне. «Принимая во внимание тот факт, что современные студенты – это представители цифрового поколения, основным и наиболее привлекательным источником информации которого является мультимедиа, педагоги используют на своих занятиях интернет-ресурсы, чаты, обучающие программы и новые обучающие технологии, такие как веб-квесты» [1, с. 232].

Российские педагоги (Н. А. Пакшина, Г. Л. Шаматонова, Е. М. Шульгина, М. А. Бовтенко, Г. А. Воробьев и др.) проявляют всё больший интерес к веб-квестам и отмечают их высокую эффективность в частности при формировании иноязычной коммуникативной компетентности студентов вузов при обучении иностранным языкам. По своей структуре веб-квест представляет собой проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета. Веб-квест технология основана на проблемном и программном методе обучения, а также проектном методе, основной задачей которого является практическая направленность на достижение конкретного результата. Важнейшим преимуществом применения веб-квест технологии является и то, что они основаны на идее «Обучения через Открытие» (Discovery Learning), смысл которого заключается в том, что учащиеся лучше запомнят материал, если «откроют» (discover) его для себя сами в ходе выполнения веб-квест

проекта» [2 с. 5]. Являясь по сути гибкой собирательной методикой, технология веб-квестов позволяет педагогу выстраивать свою технологию в рамках непосредственных задач текущего курса языковой подготовки в рамках отдельных модулей, тем и занятий.

Предметом данной статьи является анализ эффективности использования краткосрочных тематических веб-квестов, используемых для языковой подготовки студентов МГИМО факультета МБДА (международного бизнеса и делового администрирования). Разрабатывая тематические веб-квесты по программе языковой подготовки студентов, автор данной статьи прежде всего учитывал основные особенности, характерные для тематической и языковой направленности основного курса по английскому языку и сферы будущей профессиональной деятельности, высокий уровень языковой подготовки и интерес, проявленный студентами к тому или иному аспекту темы. В соответствии с программой курса изучение отдельно взятого раздела основного курса по английскому языку составляло 3-4 занятия, то есть в среднем один месяц. Таким образом, за неделю до завершения изучения темы на электронную почту каждого студента группы высылался веб-квест, рассчитанный в среднем на 1,5-2 часа, который студенты выполняли на неделе и отсылали на электронную почту преподавателя для проверки. Студентами были выполнены веб-квесты по следующим разделам: «Социальная корпоративная ответственность бизнеса», «Коммуникативные навыки», «Цифровое поколение», «Бизнес и цифровой век», «Современные тенденции развития рынка труда», «Менеджмент знаний». Эти краткосрочные тематические веб-квесты составлялись автором статьи в полном соответствии с программой и задачами курса языковой подготовки студентов по английскому языку, а именно: развить иноязычную коммуникативную компетентность студентов на базе деловой лексики и подготовить их к написанию письменной контрольной работы, включающей проверку навыков аудирования и письма (написания эссе или отчета), а также подготовку к устной части экзамена, проверяющую навыки говорения и включающую беседу с преподавателем, а также реферирование статьи по одному из пройденных разделов

основного курса языковой подготовки. Формат веб-квеста − 10 заданий, девять из которых состояли из вопросов по статьям или видео материалам, включённым в веб-квест, а 10-е задание − написание эссе/отчёта, которое предусматривало элемент творчества, проявления студентами своих аналитических способностей и умения давать оценку. Таким образом, такой тематический краткосрочный веб-квест решал несколько учебных задач: 1 − сочетал не только элемент промежуточного контроля знаний, но и сам по себе явился познавательным видом учебной деятельности (learning-oriented assessment); 2 − интегрировал интернет-ресурсы, в том числе видеоматериалы; 3 − явился источником дополнительной современной информации по теме; 4 – выполнялся студентами индивидуально, в удобное для них время и в удобном режиме, не занимал время на занятии; 5 – был направлен на развитие навыков аудирования и письма (написания эссе/отчёта определённого формата и объёма, и содержал ссылки с информацией и образцами для их написания). Использование веб-квестов позволяет решить одну из важнейших задач, стоящих перед преподавателями иностранного языка: «расширение лексико-грамматического контекста в рамках существующих программ и рабочих планов» [1 с.233]. Ещё одна проблема, часто возникающая в ходе учебного процесса, может быть решена при использовании веб-квест технологии, а именно – отсутствие студента на занятиях по той или иной причине и возможные сложности для понимания или восприятия учебного материала. Использование интернет-ресурсов и мультимедийного формата являются наиболее привычными и привлекательными для цифрового поколения. Кроме того, в ходе выполнения веб-квеста студенты могут работать в индивидуальном режиме, возвращаясь к материалу, который усвоен хуже всего. Реализация такого подхода к обучению обогащает возможности преподавателя, позволяя ему индивидуализировать учебный процесс.

Хотелось бы рассмотреть ещё один важный аспект при составлении преподавателями веб-квестов. Для составления дидактически адекватных веб-квестов преподаватель должен провести грамотный и квалифицированный отбор интернет-ресурсов. При отборе интернет-ресурсов для учебных целей

необходимо оценивать, насколько они будут соответствовать языковому и общекультурному уровню конкретной группы учеников. Рекомендуется, чтобы материал был несколько выше уровня обучаемых в языковом и содержательном плане. Это создает условия для необходимой «зоны ближайшего развития».

Проблема отбора интернет-ресурсов достаточно остро встаёт при обсуждении социально-острых тем. Очень часто в сети Интернет размещается материал, представляющий лишь позицию одной из сторон обсуждаемого вопроса. В результате у студентов могут сложиться ложные мнения и стереотипы. Поэтому при разработке учебных интернет-ресурсов необходимо показать обучающимся плюрализм мнений, чем каждое из них аргументировано. Такой разно-полярный материал создаёт уникальные условия для развития критического мышления обучающихся, без которого невозможно общение в современном поликультурном мире. Немаловажным критерием при отборе материала является его актуальность или степень новизны. Преподавателю необходимо, прежде всего, самому понимать, насколько излагаемая информация отражает современное положение дел. В этой связи возникает необходимость тщательного отбора материала для преподавательского портфолио, замены «морально» устаревшего материала в заданиях веб-квеста.

Такого рода тематические краткосрочные веб-квесты готовят студентов и к обсуждению темы на занятии или экзамене, а также развивают навыки письма. Закончить изучение раздела можно индивидуальными презентациями, либо выполнением группового веб-квеста с элементами ролевой игры. Целесообразнее представляется выполнение групповых веб-квестов как долгосрочных, то есть интегрирующих несколько разделов, готовящихся не менее месяца и представленных в виде групповой презентации/круглого стола в конце семестра/модуля/учебного года. Так, в течении 2014-2015 учебного года было разработано четыре групповых веб-квеста для магистров 1 и 2 года обучения, тематика и сроки выполнения которых определялись в том числе узко профессиональной сферой будущей деятельности и геополитическими событиями, происходящими сегодня в мире. Они

были направлены на решение конкретной практической задачи, поставленной в веб-квесте для магистров, например: разработка обновлённого варианта системы магистерской подготовки, организация и проведение профессионального форума и т.д. В структуру всех веб-квестов были включены видеоматериалы и необходимые интернет-источники, а также подробная план-схема его выполнения и написания заключительного документа в виде эссе, служебной записки, отчёта и др. Для магистров первого года обучения, специализирующихся в области государственного и частного партнёрства, был разработан веб-квест, предполагающий организацию и проведение форума с участием зарубежных экспертов в данной области «PPP – providing global opportunities». Магистры, специализирующиеся в управлении внешнеэкономической деятельностью, работали над веб-квестом, предполагающим анализ передового зарубежного опыта и разработку обновлённой программы MBA для МГИМО: «A new philosophy of leadership and business mindsets − devising an updated MBA course». Для магистров, обучающихся по совместной Российско-Франко-Итальянской программе, был разработан веб-квест «Setting up a Leadership Training Program in MGIMO». Хотелось бы отметить, что выполнение такого группового проекта для магистров этой группы не явилось новой формой работы, так как их обучение и итоговая аттестация успеваемости за рубежом строилась вокруг выполнения группового проекта в составе интернациональной команды.

Использование веб-квестов в обучении студентов иностранному языку позволяет: развивать навыки информационной деятельности, формировать положительное эмоциональное отношение к процессу познания, повышать качество усвоения знания по изучаемому предмету, развивать творческий потенциал студентов. Представляется актуальным также использование веб-квест технологии для контроля сформированной иноязычной коммуникативной компетентности студентов. Кроме того, преподаватель заметно повышает свой авторитет, выступая для студентов не просто контролирующей «машиной», а квалифицированным консультантом-помощником, наставником.

Список литературы

1. Багузина Е.И. Веб-квесты и их роль в развитии критического мышления и создании широкого лексико-грамматического контекста при обучении студентов английскому языку. / Материалы научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений. Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. Москва, 4-5 октября 2013 г. Том 1, стр.24.
2. Багузина Е.И. Роль информационных технологий при формировании иноязычной коммуникативной компетентности студентов. / Материалы двенадцатого межвузовского семинара по лингвострановедению. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Москва, 9-10 июня 2014 г. Часть 1, стр. 233.

Об авторе

Багузина Елена Ильинична – кандидат педагогических наук, доцент МГИМО (У). Email: baguzinaei@gmail.com.

THEMATIC WEBQUEST AND ITS IMPACT ON FOREIGN LANGUAGE TEACHING OF STUDENTS

Elena I. Baguzina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The focus of this article is to show how thematic WebQuests tackle major challenges facing students who study English as a foreign language at the Moscow Institute of International Relations. "A WebQuest is an inquiry-oriented activity in which some or all the information that learners interact with comes from recourses on the Internet, optionally supplemented with videoconferencing". (Dodge, 1997). WebQuests are part of project-based learning; they also integrate the Program and Problem Methods and are aimed at achieving a practical result. When working on Thematic Short-term WebQuests (encompassing a 2-3 week period), the following key factors were taken into account: the topical and linguistic areas of the Masters Course of English, learners' professional areas of expertise as well as the Upper Intermediate and Advanced Level of English of students. One of the major advantages of WebQuest technology is that it is based on the idea of Discovery Learning, which implies that learners remember information better if they discover it for themselves. Students "discover" information while working on a WebQuest. In fact, WebQuest technology is a flexible teaching methodology, which enables an academic to devise an authentic WebQuest technology aimed at tackling targeted tasks of a particular course/module/semester/program etc. Today students are digital na-*

tives and integrating WebQuests (based on Internet resources) into the classroom is a major motivating factor. Another aspect the article deals with is selecting Internet resources and substitution of outdated sites by the teacher. Integration of new digital educational technologies, WebQuest technology included, match comprehensive approaches to education and combat the challenges facing the digital generation. According to UN survey, informational technologies are a key factor of economic growth. University e-education enables students to gain a competitive edge on the global arena.

Key Words: webquest, discovery learning, problem task, foreign language communicative competence, informational technologies, E-learning, teacher's portfolio, Internet-resources, digital generation, project method.

References

1. Baguzina E.I. Veb-kvesty i ih rol' v razvitii kriticheskogo myshlenija i sozdanii shirokogo leksiko-grammaticheskogo konteksta pri obuchenii studentov anglijskomu jazyku. / Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii k 70-letiju fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij. Magija INNO: novye tehnologii v jazykovoj podgotovke specialistov-mezhdunarodnikov. Moskva, 4-5 oktjabrja 2013 g. Tom 1, str.24 /.
2. Baguzina E.I. Rol' informacionnyh tehnologij pri formirovanii inojazychnoj kommunikativnoj kompetentnosti studentov. / Materialy dvenadcatogo mezhvuzovskogo seminara po lingvostranovedeniju. Lingvostranovedenie: metody analiza, tehnologija obuchenija. Moskva, 9-10 ijunja 2014 g. Chast' 1, str. 233 /.

About the author

Elena I. Baguzina – PhD, Associate Professor at MGIMO (U). Research areas: integration of Internet and digital educational technologies into teaching English for university students. Email: baguzinaei@gmail.com.

* * *

ЛИТЕРАТУРА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Н.А. Зинкевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Статья посвящена роли художественной литературы в обучении английскому языку в неязыковом вузе на разных этапах обучения. Автор рассматривает потенциал художественного текста для развития у студентов широкого спектра компетенций: общих, собственно языковых, предметных и навыков «широкого применения» (‘transferable skills’). Среди них – ряд компетенций, которые получили название «умения XX1 века» [1]. Перечни данных компетенций и умений разнятся по объёму и структуре, но в них есть общее: это работа с информацией, критическое мышление и способность к решению проблем, коммуникативные компетенции, сотрудничество, работа в команде и ряд других, заложенных в программах подготовки студентов МГИМО. Особое внимание в статье уделяется широким возможностям художественного текста для развития у студентов воображения, творчества, а также эмоциональной грамотности и этических норм. Основной целью данной статьи является демонстрация путей интеграции предметных и иноязычных коммуникативных компетенций на уроках домашнего и индивидуального чтения при выборе книги, тематика которой близка направлению подготовки студентов. В статье предлагаются различные формы работы с художественным текстом: от написания альтернативного финала до ролевых игр и проектной работы. Выводы автора основываются на рефлексивном подходе к собственной практике и поисках новых форм в преподавании аспекта «домашнее чтение», на опыте коллег и изучении публикаций об использовании художественной литературы в обучении английскому языку.

Ключевые слова: художественная литература, коммуникативные компетенции, критическое мышление, творчество, морально-нравственный потенциал, кросскультурные коммуникации, профессиональная терминология, интеграция предметных и языковых компетенций.

FICTION IN TEACHING ENGLISH FOR JOB-RELATED NEEDS

Before the advent of the communicative approach, teaching English even at non-linguistic universities for a long time was literary based. The new methodology brought about a lot of changes and reading fiction ceased to be the end in itself and became a possible vehicle for learning other things.

Nonetheless, literature remains an infinite resource for teaching and learning a foreign language. It is in a work of literature that a reader can observe all complexity and diversity of the language texture, the intricacy and interplay of intra- and extra-textual connections. A reader can penetrate a writer's 'laboratory' and even become 'a co-author' in interpreting the text. A cast of characters, a book's imagery and other stylistic devices, literary tradition, philosophy, genre, historical and social settings and many other aspects of literary analysis *per se* seldom become the subject of study and discussion in the ESP classroom. Literature is a resource rather than the end in itself.

The competence approach that underpins modern language teaching methodology with its principle of 'necessity and sufficiency' does not allow for such 'extras' within the framework of an ESP syllabus. The English curriculum of the School of International Business and Business Administration does not contain any comprehensive course in British literature, but two hours a week during seven terms the students of the faculty have a 'home reading' class, which enables them to read and discuss quite a number of books in English. Along with classic books it is recommended that books by modern authors should be used. They are supposed to contain current topics, new realities, background knowledge, which would expose students to the culture of the target language, national values, traditions, psychology and a way of life so that fiction would help

students better understand another culture and enable them to work more efficiently in a multicultural business environment. Besides, studying literary texts in a foreign language makes learners reflect on their own culture too. Having esthetic and didactic value, books in English also provide an opportunity to develop students' generic competencies, such as creativity, analytical and logical thinking as well as to hone speaking, writing, debating and study skills, to name a few. The above said constitutes integral competencies of the MGIMO undergraduates specializing in management.

Unlike students majoring in English, their ESP peers seldom study literary criticism in depth, but their own interpretation and argumentation, ability to prove their point of view facilitate critical thinking and develop imagination.

Besides, a writer places his characters in situations, which readers can project to their own life experience and draw a lesson from them. Literature teaches them to take adequate decisions in analogous circumstances. This could be exemplified by the article from *Economist.com* 'Literature and the law. Why lawyers love Shakespeare'. According to the article, many judges in their rulings resort to 'quotable wisdom' of many writers, the oft-quoted among them are W. Shakespeare, L. Carroll, G. Orwell, Ch. Dickens, A. Huxley, etc [2].

Moreover, at Harvard Law School students can attend a seminar on 'justice and morality in the plays of Shakespeare'. King's College offers a module 'Shakespeare and the Law' which is taught by both the Literature and Law faculties. The study, conducted by D. C. Kidd and E. Castano, concludes that "reading literary fiction makes people show empathy, and challenge preconceptions. "Understanding others' mental states is a crucial skill that enables the complex social relationships that characterize human societies. … Fiction seems also to expand our knowledge of others' lives, helping us recognize our similarity to them, … fiction may explicitly convey social values and reduce the strangeness of others" [3]. It is almost superfluous to say that the aforementioned is much needed in today's global world.

Home reading guide books prepared by the department staff aim to exploit literature's potential to the full to enhance students' generic and language-specific competencies set forth in the English syllabus. The latter (among other things) includes the ability to work in a multicultural environment, to maintain professional contacts with partners from other cultures, to hold business talks,

to write a report, a business proposal, a job description, etc. Students are supposed to know different types of legal entities, various organizational structures existing in companies and such like.

As regards literary devices, students should be aware of idiomatic expressions, metaphors, allusions, which permeate fiction. They should also be able to discriminate between different types of discourse and register, formal and informal styles, written and spoken English.

The competence approach to ESP teaching is for the most part pragmatic. It is aimed at enabling learners to use the language in a relevant professional sphere in those communicative situations where interaction takes place in English. Pragmatism is inherent in today's youngsters, the so-called 'generation Y'. Those who read English books 'just for pleasure' are few among them, and reading is rarely mentioned by students as a leisure activity − literature gives no advantage over other applicants when seeking employment.

Given students' professional needs in English and their preferences for dynamic, eventful books with an intriguing plot, it was decided to select those which would meet both their interests and needs in their specialism – management and business administration.

The departmental English language syllabus also includes a module in translation for professional needs which embraces such areas as organizational structure of a company, advertising, brand names, competitive market strategies, mergers and acquisitions, financial markets and stock exchanges, risk and project management, etc. So, when choosing a book for home reading it was decided to kill two birds with one stone.

The problems raised in the book by contemporary American writer Stephen W. Frey *'The Takeover'* (1995) determined its choice for four-year students. *'The Takeover'* cannot, possibly, compete in literary artistry with the novels by P. Ackroyd, A. Byatt, J. Barnes, G. Swift, J.M. Coetzee or those by any other Booker or Nobel Prize winner for literature. Nonetheless, the book has a dynamic plot and is written by a person who knows all about finance, mergers, and the corporate world. S. Frey is a financier, who participated in many deals of this kind when he worked at J. P. Morgan. He also held the position of a vice president of corporate finance at an international

bank. So far he has written 18 books (one every year, *'Jury Town'* being the latest, 2015). *'The Takeover'* is the first of his novels.

It is about a clandestine society ('The Sevens') of rich and powerful businessmen who plot a far-reaching economic disaster to overthrow the democratic President and his administration and take over the political power in the country. The novel lays bare intricate financial schemes engineered by this closely connected influential group, who would not stop at anything, even committing murders, to pave their way to power.

The central figure of the novel is a young shrewd Harvard graduate, who specializes in mergers and acquisitions and at some point finds himself amid the conspiracy entailing a huge leveraged buyout. Andrew Falcon is binge working to accomplish the biggest hostile takeover of a large chemical company to reap a five-million-dollar bonus.

From their core subjects MGIMO undergraduates know a lot about business and management, and the novel provides a good opportunity for learners to discuss them in English. An excellent guidebook stands them in good stead [4].

The book is discussed at several levels − a cast of characters and their relationships, the role of each in the planned plot, different financial organizations (including the Federal Reserve System), their structure and management, business activities and reputation, personnel and executive officers, asserts and transactions. The topics involve a wide range of students' professional terminology like *a takeover bid, a leverage buyout, a securities subsidiary, risky transactions, money transfers, investment bankers and investment portfolios, stock and bond markets, going public* and so on. Subject-specific words and topics crop up throughout the book, and as the narrative draws to a close, learners sufficiently enrich their specialism-related vocabulary as well as review some core subject concepts. This integration of language and subject competencies correlates, in a way, with CLIL principles [5].

No wonder that another stratum of words refers to legal English – the subtle fraudulent schemes are tracked down, investigated and finally frustrated. Most of the vocabulary belongs to finance law, and it is also given attention in the classroom as future managers should be aware of legal aspects of business, safeguard uncompromising integrity and follow due diligence. Thus, while dis-

cussing the book learners acquire and develop not only job-related competencies but also existential competence which is understood as a synergy of a person's individual qualities, views, self-awareness, readiness for social interaction. The didactic potential of the novel is exploited to the full too.

Pursuant to the English language syllabus, students should be able to communicate effectively not only in professional and socio-cultural spheres but in the academic world, especially in view of the Bologna process, of which MGIMO is a participant. Some passages of the book, concerning Harvard traditions, are dense in terms of academic and campus life lexis, providing another opportunity for learners to expand their relevant vocabulary or recycle the existing one.

There are other contemporary topics in the novel: the press and its role in shaping public opinion, financial fraud, ordered murders and political terrorism. They arouse students' interest as these social ills have, unfortunately, become ubiquitous.

To develop learners' creativity and imagination they could be asked to suggest an alternative ending to the novel, rewrite some episodes in the name of this or that character, hold a panel discussion, etc.

Another approach to reading fiction is practiced in the Master's course, where English is almost exclusively taught for professional purposes. The syllabus includes such areas of study as team-work and the personality types (a shaper, a plant, a resource investigator, a completer, etc.) necessary to ensure its success; the importance of ethical principles in business and an employees' code of business conduct; kinds of law-breaches in business and possible ways of combating them; time management and personal knowledge management; the business culture of 'generation Y'; risk management; research methods in business and others [5].

The book that embraces many of the above mentioned topics is *'Not a Penny More, not a Penny Less'* (1976) by Jeffrey Archer, a novelist, short-story writer, playwright − the list is far from being complete.

Born in London in 1940, he graduated from Oxford and at the age of 29 was elected to the House of Commons. After five years there he became a member of the House of Lords. His disgrace and downfall came fourteen years later after accusations of perjury

followed by a four-year imprisonment; actually, the incarceration lasted only for two. In *'Not a Penny More, Not a Penny Less'* the writer makes use of his first-hand painful experience: when he was still an MP, he had invested heavily in a corporation and lost huge money because of embezzlement. Although morally crushed and financially ruined, he took to writing and recounted his sad experience in his debut novel, *'Not a Penny More, Not a Penny Less',* which immediately enjoyed enormous success. He has written about ten novels since and earned the reputation of one of the most widely read British writers and the author of bestsellers. (*'First Among Equals'*, 1984 could be highly recommended to students of political science).

Although written about forty years ago, *'Not a Penny More, Not a Penny Less'* retains its topicality: unfortunately, fraud and sham in business do not disappear overnight. Harvey Metcalf, the son of a baker who emigrated from Poland to America, rises from rags to riches by floating a bogus oil company and cheating credulous investors into buying unsecured shares. He swindles out of one million an Oxford don, a respectable physician, a successful French art dealer and a young heir to an earldom. The quartet conspire to steal their money back – 'not a penny more, not a penny less'. Stephen Bradley, a visiting American professor at University of Oxford is the mastermind who initiates the pursuit of Metcalf, arranges a meeting of the four and suggests that everyone should design a plan. However, James Brigsley, a British aristocrat, is unable to, but he is absolutely indispensable in assisting the team.

While discussing the novel, students are asked to analyze the role of each in the scheme and identify their type as a team player.

The characters have different interests and talents, and pursuant to them, each comes up with a revenge plan, its final version is masterminded by Professor Bradley.

Jean-Pierre Lamanns manages to trick Harvey into buying a fake Van Gogh and paying a tidy sum for it. During Harvey's holidays in Monte Carlo a pill put in his glass provokes appendicitis symptoms; he is rushed to hospital where Dr. Robert Oakley is already waiting to operate on him. The operation is not serious, the incision being just skin-deep, but Harvey has to pay a hefty medical bill. Stephan Bradley brilliantly impersonates an Oxford official and, playing on Harvey's inflated self- importance and va-

nity, assures him that he will be awarded an honorary degree if he contributes $250,000 to the university's endowment. Harvey swallows the bait.

There is another twist in the plot – Harvey turns out to be the father of James Brigsley's bride. All the characters meet at the wedding party. The story comes full circle. The gentlemen get their million, but they are considering the possibility of giving it back on learning that oil, after all, has been discovered, which made share prices rocket. In the end they become another million richer.

The tricks played on Harvey raise some moral questions, like: "Are they any better than Harvey? Why didn't they take the case to court?"

But in the first place the book is written in a humorous vein and does not admit of too serious judgments. The witticism of the story adds to its value, it creates a relaxed atmosphere in the classroom, charged with positive emotions, which facilitate learning.

Students profit by reading the book in many other ways. They acquire academic vocabulary, which permeates the chapters describing Oxford traditions and ceremonies; learn the names of academic positions and titles and some facts from the history of the university: *the chancellor and vice chancellor of the university; the principal of Jesus College; the university marshal and the bedels; Oxonians; senior tutor; an extra session of tuition; the Crewian Oration; the day of the Encaenia and the Garden Party; the College Dramatic Society; the Sheldonian Theatre; Trinity College; Magdalen "which has educated King Edward VII, Prince Henry, Cardinal Wolsey, Edward Gibbon and Oscar Wilde." "He (Stephan) put on his gown, a magnificent scarlet that announced he was a Doctor of Philosophy of the University of Oxford. It amused him that Oxford had to be different. Every other university abbreviated this, the ubiquitous award for research work, to Ph.D. In Oxford, it was D.Phil."* Thus, by reading the novel closely, students pick up a lot of lexis pertaining to campus life, which comes in handy if they enroll on a course of study abroad.

The characters belong to different nationalities and walks of society. This offers an educational opportunity to raise the question of national character. American practicality of Stephan Bradley stands out against the background of James Brigsley's aristocratic inertia; Jean-Pierre Lamanns typifies French love of art. All of them

profess the principle of 'fair play' ('not a penny more'). It may not be accidental that their offender has Polish roots ('them and us'?). These and some other aspects of the novel provide a platform for raising students' cross-cultural awareness and understanding.

Leadership and problem-solving skills, ability to act as a team player, flexibility and adaptability, good communication skills – all these constitute some top XX1 century skills, which employers seek when filling a vacancy of any kind. *'Not a Penny More, Not a Penny Less'* lends itself admirably to discussing the above competencies.

After reading the book the students are asked to compare it with its screen version and either to prepare presentations or write an essay on one of the topics relevant to their field of study. Learners themselves identify the book's themes – leadership, team work, time management, fraud in business and ethical and cross-cultural issues. Moreover, the aforementioned correlate with the contents of students' textbook – *'English Masters Course'* – which provides another opportunity for final-year students to revise the material before the exam.

Yet another option to introduce literature into the language classroom is 'individual reading'. Students read a book of their own choice, but instead of making traditional book reports they participate in a role-play. A typical scenario (discussed beforehand in class) has the following cast of characters: 'a writer' (the student, who submits a 'manuscript' for publication); the people from the publishing house ('an editor', 'a publisher', 'a reviewer', 'a distribution agent', 'a representative of the finance department', a 'production manager', 'advertizing manager', etc.). They can either accept or reject the 'manuscript'. The objective of the simulation is 'to get the book published'. The discussion is conducted interactively.

'The writer' presents a book by defining its genre, giving the synopsis, introducing its cast of characters, major story lines, the literary tradition the book belongs to, etc. The rest of the group take on personas mentioned above (they prepare their role cards at home) and ask questions about the target readership and whose tastes and interests in literature the book caters for, its innovative and artistic features, literary devices and merits, etc. 'The critic' has his/ her say too, agreeing or disagreeing on some points with

'the author'. Depending on the reasoning the group decides on the number of copies, an advertizing campaign and channels of distribution, production costs, book pricing and other technical aspects involved in publishing. The outcome of the role-play is a contract signed between 'the author' and 'the publishers'.

Activities like these necessitate students' research outside the classroom as well as familiarizing themselves with some literary criticism.

The role-play offers a possibility for revising some management aspects too. A book is treated as any other product involving a whole range of managerial decisions, and students enjoy the opportunity to use their core subject knowledge. Needless to say, that in course of preparation and discussion they revise an extensive vocabulary referring to their specialism, as well as enhance competencies in speaking (prepared and extemporaneous), master monologue, dialogue or debate skills. Functional English and linguistic means of persuasion are also revisited and improved.

If students experience difficulty in choosing a book for individual reading, they could be referred to the site *encompass-The Global Bookclub-enCompass Culture.url*, which offers a wide choice of contemporary books, related to this or that field of students' specialization. There is also a long list of recommended mainstream books by Julian Barnes, William Boyd, Angela Carter, J. M. Coetzee, David Lodge and many others, not mentioning widely used (and available) home reading books, like those by A. Hailey or J. Grisham which could be studied with the focus on students' areas of study.

Thus, *'Hotel'* by A. Hailey allows interpreting in terms of hospitality business. Students could be asked to make presentations on hotel jobs and services, management styles, the procedure of a takeover and other aspects of the novel, connected with running a hotel.

Given the above, it is possible to conclude that fiction could be successfully utilized in teaching ESP. A thoroughly chosen book with its content relating to students' areas of study enables them to hone 'high order thinking skills'; facilitates acquisition of job-related competencies and a specialist lexis; bridges the gap between core subjects and foreign language teaching. In addition, it can do what a non-fiction text can not: it broadens imagination, refines

feelings and 'soft skill' and opens the door to another culture. Furthermore, a genuine work of literature allows for multiplicity of judgments and interpretations, thus creating 'opinion gaps' which entail discussions and debates. Last but not least, fiction promotes students' further extensive reading in a self-directed and autonomous manner.

Список литературы

1. Hidden curriculum (2014, August 26). In S. Abbott (Ed.), The glossary of education reform. Retrieved from http://edglossary.org/hidden-curriculum
2. Economist.com, Jan 8th, 2016. Literature and the law: Why lawyers love Shakespeare. Available at: http://trendwave.com/supreme-court/literature-and-the-law--why-lawyers-love-shakespeare (accessed 15 January 2016).
3. Kidd, D.C., Castano E., Reading Literary Fiction Improves Theory of Mind. Science, 18 Oct 2013:Vol. 342, Issue 6156, pp. 377-380 DOI: 10.1126/science.1239918. Available at: http://science.sciencemag.org/content/342/6156/377.full (accessed 2 February 2016).
4. 4. Леденева Т.В. Пособие по домашнему чтению по роману С. Фрея «Поглощение». МГИМО-Университет, 2008.
5. Zinkevich N.A., Ivanova B.L. Introducing CLIL at Russian Universities Through Interdisciplinary Approaches. В книге: The magic of innovation. New techniques and technologies in teaching foreign languages. Kryachkov D., Yastrebova E., Baguzina E., et al. Newcastle upon Tyne, 2015, pp. 215-236.
6. Курс английского языка для магистрантов / Н.А. Зинкевич, Т.В.Андрюхина, Е.Э.Иванова и др.; под ред. Н.А. Зинкевич. - М.: Айрис-пресс, 2011. - 448 с.

Об авторе

Зинкевич Нина Антоновна – к.ф.н., доцент, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России. Научная специализация: литературоведение, методика преподавания английского языка, методические тренинги. E-mail: nizi@mail.ru.

FICTION IN TEACHING ESP

N.A. Zinkevich

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article is devoted to the role of fiction in teaching ESP at different levels. The author explores fiction's potential for the development of*

students' broad spectrum of competencies: generic, language proper, subject- and transferable skills. Among them there are ones, commonly referred to as the '21st century skills' [1]. The lists of these skills and competencies vary in length and structure, but they have a common core – processing information, critical thinking, problem-solving ability, communicative competence, cooperation, team work and a number of others, embedded in MGIMO curricula. Special attention in the article is given to the vast possibilities of fiction for broadening students' imagination, promoting creativity as well as emotional and ethical literacy. The main objective of the article is to demonstrate some ways of integrating core subject and foreign language communicative competencies at the lesson of 'home- and individual reading', provided the content of the book chosen is in line with the students' field of study. The article offers various forms of studying fiction: from writing an alternate ending to a story to role-plays or project work. The author's conclusions rest on reflective approach to the teaching practice, experimenting with various modes of teaching 'home reading', peer observation as well as analysis of relevant publications.

Key Words: fiction, communicative competencies, critical thinking, creativity, moral potential, cross-cultural communication, professional terminology, integration of subject-specific and language competencies.

References

1. Hidden curriculum (2014, August 26). In S. Abbott (Ed.), The glossary of education reform. Retrieved from http://edglossary.org/hidden-curriculum.
2. Economist.com, Jan 8th, 2016. Literature and the law: Why lawyers love Shakespeare. Available at: http://trendwave.com/supreme-court/literature-and-the-law--why-lawyers-love-shakespeare (accessed 15 January 2016).
3. Kidd, D.C., Castano E., Reading Literary Fiction Improves Theory of Mind. Science, 18 Oct 2013:Vol. 342, Issue 6156, pp. 377-380 DOI: 10.1126/science.1239918. Available at: http://science.sciencemag.org/content/342/6156/377.full (accessed 2 February 2016).
4. Ledeneva, T.V. 2008, Posobie po domashnemu chteni'u po romanu S. Frey Pogloshchenie [Home reading guide book on S.Frey's novel The Takeover], Moscow, MGIMO-University.
5. Zinkevich, N.A., Ivanova, B.L. Introducing CLIL at Russian Universities Through Interdisciplinary Approaches. The magic of innovation. New techniques and technologies in teaching foreign languages. Kryachkov D., Yastrebova E., Baguzina E., et al. Newcastle upon Tyne, 2015. pp. 215-236.
6. Zinkevich, N.A., Andryukhina, T.V., Ivanova, E.E., et al. English Masters Course, ed.: Zinkevich, N.A., Moscow: Iris press, 2011, 448 p.

About the author

Nina A. Zinkevich – PhD, associate professor of English Language Department №4, Moscow State Institute (University) of International Relations. Areas of interest: British Literature and Literary Criticism; English Language Teaching Methods; Teacher Training. E-mail: nizi@mail.ru.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ОСВОЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Е.В. Небольсина

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Развитие деловой среды требует всё больше квалифицированных кадров со знанием иностранного языка в конкретной области профессиональной деятельности. Ещё одним важным атрибутом современного специалиста является навык устной презентации. В этой связи возрастает необходимость соответствующей подготовки будущих работников. В данной статье проводится анализ эффективной методики, позволяющей решить одновременно две задачи: научить делать грамотные презентации на профессиональные темы и облегчить освоение иностранного языка. С помощью примеров из преподавательской практики автор показывает, насколько действенным инструментом может оказаться презентация при изучении иностранного языка для специальных целей, а именно для уверенного его применения в профессиональной среде.

Ключевые слова: презентация, иностранный язык для специальных целей, деловая среда, профессиональный жаргон, специализация, коммуникативная функция, навыки.

Только подготовленный оратор
заслуживает настоящей уверенности в себе.

Дейл Карнеги

Бурное развитие прорывных технологий не только помогает человечеству, но и ставит перед ним новые задачи. В условиях большой информационной нагрузки необходимо обладать высокими коммуникативными навыками и способностью грамотно, аргументированно и наглядно представлять и отстаивать свои идеи. В основе современной деловой жизни лежат технологии демонстрации и презентации. Роль публичных презентаций растёт с каждым годом, они всё больше влияют на успешное выполнение персоналом своих функций.

Однако практика показывает, что нередко молодые специалисты обладают весьма слабыми навыками презентаций, что создаёт для них впоследствии много барьеров для карьерного роста. Из этого следует вопрос: «Где же можно научиться делать хорошую презентацию?» Логично предположить, что основы успешной презентации должны закладываться в соответствующих учебных заведениях, а уже далее «оттачиваться» в профессиональной среде по профилю специалиста.

Всё та же компьютеризация приводит к расширению и углублению взаимосвязей между странами и народами, и владение иностранными языками становится неотъемлемым конкурентным преимуществом при устройстве на работу и продвижении по карьерной лестнице. При этом всё чаще различные отрасли экономики нуждаются в специалистах, которые не просто знают иностранный язык на высоком уровне, а также владеют соответствующей терминологией для участия в переговорах, ведения деловой переписки и составлении договоров. Так, специалист в области страхования должен не только прекрасно говорить на основном языке страхового бизнеса – английском, но и знать все ключевые нюансы, которых весьма немало.

Рассмотрим в качестве примера термин “leakage”. На первый взгляд, перевод на русский язык не вызывает особых

трудностей: leakage – это утечка газа, жидкости или информации в зависимости от контекста. Между тем, это особый термин в страховании, который означает потерю дохода по премиям в связи с непорядочным поведением держателя полиса [3]. Или же обратимся к понятию “trigger”. При переводе на русский язык многие руководствуются первым значением, данным в словаре – «пусковой крючок». Действительно, это в какой-то степени отражает суть термина, но в плане страхования более корректно переводить «инициирование страховой защиты» [4].

Подобных примеров можно привести сотни, и это лишь ещё дополнительно подчеркнёт, как важно владеть профессиональным жаргоном и разбираться в специфике его применения. Для оптимизации работы весьма желательно нанимать сотрудников, которые уже обладают соответствующими знаниями и умениями, поэтому конкурентное преимущество молодого специалиста будет значительно выше, если эти специальные навыки он приобрёл ещё в учебном заведении.

Из всего вышесказанного следует, что в портфолио выпускника вуза должно быть по крайней мере два основных «козыря» – уверенное владение иностранным языком для специальных целей и навык публичных выступлений.

На сегодняшний день лишь немногие высшие учебные заведения России эффективно решают эти две задачи одновременно, а именно готовят специалистов, которые успешно делают презентации на профессиональные темы на иностранном языке. На этом поприще Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (МГИМО) выступает безусловным лидером.

Обучение иностранному языку в МГИМО – задача, неразрывно связанная с профессионализацией обучения. У истоков создания школы делового английского в МГИМО стояла кафедра английского языка № 2, которая делает основной упор на использовании преимуществ современного метода предметно-языкового интегрированного обучения, при котором программы преподавания делового английского строятся в тесной координации с учебными программами по специальным предметам, а иногда и дополняют их.

Специализация пронизывает все стадии и аспекты обучения, включая общеязыковую практику [5].

Последние несколько лет преподаватели кафедры всё большее внимание уделяют развитию навыков презентаций с опорой на профессиональную направленность студентов. Так, автор статьи, будучи на кафедре английского языка № 2 МГИМО руководителем делового английского на третьем курсе, привнесла некоторые изменения в методику преподавания. В качестве одного из творческих зачётных заданий студентам предлагается организовать совещание, на котором они представляют и обсуждают новый продукт, привлекая преподавателя как инвестора. При этом каждый из студентов занимает соответствующую позицию – менеджер по маркетингу, развитию бизнеса, финансам, стратегии и т.д. Практика показывает, что ребята с радостью берутся за данное задание, готовят презентации в Power Point и успешно проводят переговоры, во время которых они отвечают на многочисленные вопросы потенциального партнёра и стараются убедить его в необходимости инвестировать в их проект. При этом идеи студентов могут быть совершенно разнообразными: от предложения портативного принтера и ножа с подогревательным элементом для резки масла до товаров класса-люкс для хомяков (начиная с поводков и одежды и закачивая спортивным инвентарём и домиками с потрясающей мебелью для питомцев). Вероятно, увлечённость своим проектом помогает студентам уверенно представлять свои компании, говорить об условиях оплаты и доставки, гибкой системе скидок и выполнении заказов. Студенты прекрасно оперируют пройденным активным вокабуляром в своих устных презентациях и хорошо владеют материалом, когда без подготовки отвечают на каверзные вопросы преподавателя и одногруппников.

Ещё одним успешным примером эффективного развития навыков владения иностранным языком для специальных целей служат презентации в магистратуре, ежегодно проводимые кафедрой английского языка № 2. В ходе конференции участники обсуждают широкий спектр современных механизмов и финансовых инструментов, а также актуальные задачи, стоящие перед человечеством на

фоне политико-экономической ситуации на мировой арене. Темы конференции и направления секций ежегодно меняются, что побуждает к дискуссии и поиску новейших актуальных материалов. Магистранты в процессе подготовки своих презентаций успешно оттачивают свои знания по специальным предметам – финансам, страхованию, бухучёту и аудиту, лизингу, страхованию, биржевому делу, мировой экономике, статистике и т.д., в чём им всегда рады помочь наставники-преподаватели.

Для подготовки презентации студенты проводят довольно серьёзную научно-исследовательскую работу, обрабатывают большое количество источников информации, что позволяет им создать продукт индивидуального творчества. Помимо расширения фоновых знаний студента, также совершенствуются его интеллектуальные функции, а именно анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, обобщение, аргументация своей позиции. Презентация представляет собой прекрасную платформу для реализации коммуникативной функции языка. Студентам даётся основная посылка на то, что один из величайших инструментов профессионального успеха – это умение себя грамотно позиционировать, внятно изъясняться и выражать свои мысли на профессиональные темы [2].

Безусловно, преподаватель должен владеть основными методами и инструментами подготовки успешной презентации вплоть до оптимального сочетания рисунков и текстовых файлов, цветов и графики. Это позволит студенту подготовить действительно наглядный сопроводительный материал и увереннее себя чувствовать как во время устного выступления в рамках учебной программы, так и в дальнейшем в профессиональной среде.

Студенты охотнее изучают материал и работают над собой, когда чётко понимают, что это пригодится им в будущем. Осознание востребованности презентативных навыков одновременно с уверенным владением иностранным языком служит мощным стимулом к освоению иностранного языка для специальных целей. Для этого высшим учебным заведениям всё больший акцент следует делать на развитии данного направления, так как это повысит конкурентоспособность

выпускников на рынке труда. Практически ежегодно в ответ на глобальные перемены и вызовы в учебные планы вводятся новые дисциплины и учебные курсы. Очевидно, что учебные планы стали бы более сбалансированными, если бы включали курсы по формированию навыков устной презентации на иностранном языке в рамках специализации обучающихся [1].

Список литературы

1. Воевода Е.В. Подготовка современных специалистов-международников: осмысление новой парадигмы // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 1. – С . 296-301.
2. Крауле Т.П. К вопросу об обучении студентов формату устной презентации // Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 92-97.
3. Небольсина Е.В. Insurance English на российском рынке // Страховое дело. – 2014. – № 9. – С. 13-15.
4. Небольсина Е.В., Юлдашев Р.Т. Страховой английский – это непросто // Страховое дело. – 2014. – № 12. – С. 3-6.
5. Пичкова Л.С. Экономический/деловой английский язык // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 5. – С. 206-208.

Об авторе

Небольсина Елена Вахтанговна – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 2 МГИМО (У). Сфера профессиональных и научных интересов: экономический перевод, деловой английский, страховой английский, страхование, риск-менеджмент. E-mail: elennebo@gmail.com.

PRESENTATION AS AN EFFICIENT TOOL FOR LEARNING ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES

E.V. Nebolsina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *Development of business environment requires more and more experts with knowledge of English in a particular field of professional activi-*

ties. Another important attribute of a modern professional is an oral presentation skill. Therefore the need for corresponding training of future workers is intensified. This article provides the analysis of efficient guides addressed at meeting both challenges: how to teach students to make a proper presentation on professional topics and facilitate the process of learning a foreign language. By adducing examples from teaching practice the author highlights the efficiency of a presentation as a tool for learning a foreign language for specific purposes, viz. for its consistent use in business environment.

Key Words: presentation, English for specific purposes, business environment, professional jargon, area of expertise, communicative function, skills.

References

1. Voevoda E.V. Podgotovka sovremennykh spetsialistov-mezhdunarodnikov: osmyslenie novoi paradigmi [Training Specialists In International Relations: Rethinking The New Paradigm]. Vestnik MGIMO. – 2014. – № 1. – P. 296-301.
2. Kraule T.P. K voprosu ob obuchenii studentov formatu ustnoi prezentatsii [About the issue of teaching students an oral presentation format]. Lingvisticheskaia teoriia i obrazovatel'naia praktika: sb. nauch. st. / Belorus. gos. un-t; otv. red. O.I. Ulanovich. – Minsk: Izd. tsentr BGU, 2013. – P. 92-97.
3. Nebol'sina E.V. Insurance English na rossiiskom rynke [Insurance English on the Russian market]. Strakhovoe delo. – 2014. – № 9. – P. 13-15.
4. Nebol'sina E.V., Iuldashev R.T. Strakhovoi angliiskii – eto neprosto [Insurance English – it is not easy]. Strakhovoe delo. – 2014. – № 12. – P. 3-6.
5. Pichkova L.S. Ekonomicheskii/delovoi angliiskii iazyk [The School Of Business English]. Vestnik MGIMO. – 2014. – № 5. – P. 206-208.

About the author

Elena V. Nebolsina – PhD in Economics, Assistant Professor of the Department of English Language No 2. Areas of expertise: Economic Translation, Business English, Insurance English, Insurance, Risk Management.
E-mail: elennebo@gmail.com

* * *

ЭЛЕКТРОННЫЙ ГАЗЕТНЫЙ ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-РЕГИОНОВЕДОВ

М.И. Парамонова

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича (СПбГУТ), Россия, Санкт-Петербург, 193232, пр. Большевиков, 22, корп. 1.

Электронный газетный дискурс как особая составляющая медийного дискурса возник в результате масштабных трансформаций в сфере средств массовой коммуникации, обусловленных взаимодействием традиционных видов СМИ с интернет-средой. Данный тип дискурса, являющийся новым видом коммуникации и обладающий такими специфическими свойствами, как гипертекстуальность и интерактивность, рассматривается автором в качестве важного компонента учебной профессионально-языковой среды для подготовки специалистов в области зарубежного регионоведения. Язык печатной прессы всегда занимал важное место при отборе лексического и текстового материала в профессионально ориентированном обучении студентов-регионоведов. Однако статьи веб-версий газет в силу своей полиформатности и более сложной структуры в сравнении с печатными изданиями могут стать уникальным обучающим ресурсом. Так, сочетание алфавитного текста, как правило, опирающегося на контент печатной версии, тематически связанных с ним текстов, аудио и видео материалов, инкорпорированных в текст статьи посредством аппарата гиперссылок, создаёт возможности для комплексного развития языковых умений и навыков студентов, в том числе и в рамках активных методов обучения, нацеленных на создание ситуативного контекста обучения. Электронные газетные тексты занимают важное место в процессе формирования

компьютерного корпуса регионоведческого дискурса, нацеленного на выделение профессиональной лексики, что объясняется профессиональной направленностью, репрезентативностью, аутентичностью, лексической насыщенностью данных материалов.

Ключевые слова: электронный газетный дискурс, гипертекстуальность, интерактивность, веб-версия газеты, мультимедиатекст, компетентностный подход, профессиональная иноязычная коммуникативная компетентность, профессионально ориентированная информационная обучающая среда.

В связи с неуклонным повышением требований к уровню профессиональной иноязычной подготовки, а также к уровню информационной культуры современного специалиста, способного ориентироваться в значительных объёмах информации, связанной с профессиональной сферой деятельности, возникает необходимость оптимизации процесса профессионально ориентированного обучения иностранному языку в неязыковом вузе, поиска новых эффективных методов, технологий и средств обучения.

Основной задачей данного процесса является формирование у студентов профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности, структура которой значительно отличается от традиционной, включающей, как правило, лингвистический, социолингвистический и речевой уровни. Повышение внимания к профессиональной направленности языковой подготовки специалистов приводит к выделению таких компонентов иноязычной коммуникативной компетентности, как профессиональные и лингвистические знания, иноязычные коммуникативные умения, профессионально-личностные качества, а также опыт иноязычного профессионального общения, что, в целом, способствует креативному решению различных практико-ориентированных задач, возникающих в процессе обучения [4].

Помимо этого, интенсивная информатизация общества, связанная с развитием информационно-коммуникационных

технологий и, вследствие этого, расширением коммуникационного пространства в целом, также предъявляет высокие требования к уровню информационной культуры современного специалиста, способного ориентироваться в значительных объёмах информационных потоков, связанных с профессиональной сферой деятельности.

Успешное решение данных задач предполагает создание особой профессионально ориентированной информационной обучающей среды, предоставляющей новые возможности профессиональной подготовки [2]. Данная среда создаёт условия для формирования и развития профессиональных компетенций будущих специалистов в рамках контекстного обучения с активным использованием информационно-компьютерных технологий.

Цель данной работы – рассмотреть возможность использования электронного газетного дискурса (ЭГД) в качестве одного из основных элементов профессионально направленной иноязычной обучающей среды для подготовки студентов-регионоведов.

Профессиональная деятельность специалиста в области зарубежного регионоведения связана с анализом исторических, этнических, религиозных, экологических, политических, культурных связей внутри и за пределами изучаемого региона. Языковая подготовка студента-регионоведа нацелена на формирование навыков устной и письменной иноязычной коммуникации в профессиональной сфере, в том числе навыков поиска, анализа и обработки информации, представленной в электронном виде на иностранном языке.

Одной из наиболее важных задач в языковой подготовке студентов по направлению «Зарубежное регионоведение» является выделение профессионального дискурса, который, в соответствии с требованиями специальности, охватывал бы такие сферы, как политика, международные отношения, экономика, история, культура, экология и включал бы как отобранный текстовый материал, так и профессиональную коммуникативную среду, в которой он создаётся. Это обеспечило бы условия для выхода за рамки аудиторного дискурса и придания процессу обучения практической направленности.

Электронный газетный дискурс рассматривается в данной работе в качестве важного компонента регионоведческого ди-

скурса и профессионально ориентированной информационной обучающей среды в рамках данного направления в целом. Это обусловлено особыми свойствами ЭГД, сочетающего в себе обучающий потенциал традиционного печатного газетного дискурса и специфические черты электронного дискурса, что превращает его в уникальный обучающий ресурс.

Газетные материалы всегда занимали одно из ведущих мест при отборе содержательно-текстовой базы для языковой подготовки студентов-регионоведов. Это объясняется, с одной стороны, особой ролью газет в общественных процессах, а с другой – политематизмом газетного дискурса, что находит своё выражение в обширном наборе текстов различной тематики, представляющих данный дискурс, а также множестве коммуникативных систем, информационных сред, существующих как отдельно, так и во взаимодействии друг с другом [1]. Кроме того, аутентичность, полемичность газетных статей, их многожанровость, разнообразие языковых средств, представленных в них, способствуют активному развитию иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов.

Процессы интеграции и объединения различных технологий, взаимодействия традиционных средств массовой коммуникации с интернет-средой привели к изменению традиционного формата газеты. Так, появление нового типа СМИ (веб-версия газеты) привело к появлению нового типа дискурса (ЭГД), который перенимает такие характерологические черты интернет-дискурса, как гипертекстуальность и интерактивность, проявляющиеся в нелинейной структуре содержательных элементов и новой коммуникационной модели, представленной активным взаимодействием СМИ и аудитории [3, 6]. Таким образом, ЭГД выделяется на основе нового типа носителя информации, является составной частью медийного дискурса в целом, включает ряд субдискурсов согласно их тематической и жанровой направленности, а также взамодействующие дискурсы автора и читателя.

Мультимедийность электронного газетного текста, являющегося частью ЭГД и единицей обучения иностранному языку профессии, создаёт дополнительные возможности для комплексного развития всех видов речевой деятельности студентов. Прежде всего, обеспечиваются условия для развития навыков профессионально ориентированного информативного

чтения, суть которого состоит в использовании текстовой информации для решения задач и проблемных вопросов профессиональной сферы [5]. Это становится возможным благодаря таким свойствам электронного текста, как гипертекстуальность, иерархическое структурирование информации, что создаёт условия для быстрой навигации по тематическим рубрикам и электронному архиву онлайн газеты, открывает доступ к дополнительным источникам сети. Обеспечивается возможность визуализации текстовой информации и моделирования перехода от одного вида чтения к другому, а также возможность вариативного прочтения текста (индивидуального маршрута чтения), что приводит к активному взаимодействию автора и читателя, превращая последнего в соавтора статьи. Всё это имеет важное значение при организации самостоятельной работы студентов, реализации творческого подхода и развития их исследовательских навыков.

Кроме того, работа с мультимедиатекстом также включает прослушивание и просмотр аудио / видео файлов, обсуждение поставленной в тексте проблемы и способов её решения, написание аннотации, рецензии, краткого реферата.

Принцип интерактивности ЭГД реализуется также в большей выраженности обратной связи между автором и читателем (письма, комментарии и опросы читателей), влияющей на формирование контента издания. Кроме того, в структуру онлайн версии включаются новые жанры (блоги), создаются возможности выхода в социальные сети с целью обмена информацией и мнениями (взаимодействие между читателями). Такие особенности электронной версии газеты значительно повышают мотивацию студентов в процессе обучения.

Следует отметить также, что, согласно последним исследованиям в области корпусной лингвистики, электронные газетные тексты играют важную роль при формировании текстотеки для компиляции компьютерного корпуса регионоведческого дискурса, используемого для последующего выделения профессиональной лексики в рамках данной специальности. Это объясняется тем, что такие материалы, входящие в методически-ориентированный корпус предметной области, являются профессионально направленными, репрезентативными, аутентичными, лексически насыщенными. Благодаря источнику

информации они достаточно доступны и легко выделяются в обширном информационном поле. При этом лексическая плотность, как правило, обусловлена жанровой принадлежностью. Так, наибольшую ценность в этом плане, представляют новостные электронные материалы.

Материалы веб-версии могут эффективно использоваться при обучении студентов-регионоведов в рамках таких активных методов, как подготовка и защита проектов, кейс-анализ, веб-квест, реализующих принципы интерактивного и контекстного обучения. Вместе с этим, специфика электронного текста и особенности работы с ним требуют разработки новых методов обучения иностранному языку в электронной среде. В связи с этим, особого внимания заслуживают последние исследования в рамках компьютерной лингводидактики, направленные на разработку и внедрение электронных обучающих программ, реализующих сетевые технологии и способствующих развитию профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности студентов. Кроме того, важным направлением представляется создание учебно-методических электронных комплексов, отвечающих требованиям данного направления подготовки.

Список литературы

1. Бобровская Г.В. Газетный дискурс в проблемном поле коммуникативно-прагматической лингвистики // Грани познания. 2011, № 4 (14) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.grani.vspu/avtor/145html
2. Гавришина О.Н., Филатова Е.В. Профессионально ориентированная информационная среда обучения // Высшее образование в России. 2011, № 4. С. 148-151
3. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М.: Юнита-Дана, 2005. 384 с.
4. Костюкова Т.А., Морозова А.А. Развитие иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 119 с.
5. Обдалова О.А. Психолого-педагогические особенности обучения профессионально-ориентированному информативному чтению в электронной среде // Язык и культура. 2009, № 4. С. 126-133.
6. Шевелева И.А. Лингвистический подход в исследовании Интернет-журналистики // Вестник СамГУ. 2010, № 3 (77). С. 140-146.

Об авторе
Парамонова Марина Ильинична – канд. фил. наук, доцент кафедры иностранных языков СПбГУТ (Санкт-Петербург, 193232, пр. Большевиков, 22, корп. 1), научная специализация: методика преподавания иностранных языков, медиалингвистика, стилистика.
E-mail: paramonova_mi@mail.ru.

ELECTRONIC NEWSPAPER DISCOURSE AS A MEANS OF FORMING PROFESSION ORIENTED FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS EDUCATED IN THE FIELD OF FOREIGN REGIONAL STUDIES

M.I. Paramonova

The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications, 22/2, Bolshevikov Prospect, Saint-Petersburg, 193232, Russia.

Abstract: *Being a specific component of media discourse, electronic newspaper discourse has developed within large-scale transformations in the sphere of mass media brought about by close interaction between traditional mass media and the Internet. This discourse, which is a new type of communication characterized by such features as hypertextuality and interactivity, is shown to play a significant role in modeling professional foreign language communicative environment for educating specialists in the field of foreign regional studies. The language of quality press has always been considered a valuable source for compiling professional vocabulary and text corpus in teaching professionally oriented foreign language to students of foreign regional studies. However, the more complicated and multi format structure of electronic newspaper articles makes them a unique learning resource, which emerges as a composite of alphabet texts based on printed version content, audio and video files, thus creating opportunities for integrated development of students' language skills, the latter being realized within contextual learning methods as well. Electronic newspaper texts are useful for forming electronic corpus of regional studies discourse aiming at compiling professional vocabulary.*

Key Words: electronic newspaper discourse, hypertextuality, interactivity, web-version of newspaper, multimedia text, competence-based approach, profession oriented foreign language communicative competence, profession oriented e-learning environment.

References

1. Bobrovskaja, G.V. Gazetnyj diskurs v problemnom pole kommunikativno-pragmaticheskoj lingvistiki [Newspaper Discourse in the Problem Field

of Communicative and Pragmatic Linguistics]. Grani poznanija [Aspects of Learning], 2011, vol. 4 no. 14. Available at: http://www.grani.vspu/avtor/145html (accessed 15 February 2015)
2. Gavrishina, O.N., Filatova, E.V. Professional'no orientirovannaja informacionnaja sreda obuchenija [Students Professional Training on the Basis of Information and Special Disciplines Interaction]. Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 2011, no. 4, pp. 148-151.
3. Kalmykov, A.A., Kohanova, L.A. Internet-zhurnalistika [Online Journalism]. Moscow: Junita-Dana, 2005, 384 p.
4. Kostjukova, T.A., Morozova, A.A. Razvitie inojazychnoj kommunikativnoj kompetentnosti studentov nejazykovyh vuzov [Developing Foreign Language Communicative Competence of Non-Linguistic University Students]. Tomsk: Tomskij politehnicheskij univ., 2011, 119 p.
5. Obdalova, O.A. Psihologo-pedagogicheskie osobennosti obuchenija professional'no-orientirovannomu informativnomu chteniju v jelektronnoj srede [Psychological and Pedagogical Characteristics of Teaching Reading for Information on Professionally-Based Topics in the Electronic Media]. Jazyk i kul'tura [Language and Culture]. 2009, no. 4, pp. 126-133.
6. Sheveleva, I.A. Lingvisticheskij podhod v issledovanii Internet-zhurnalistiki [Linguistic Approach to Online Journalism Research]. Vestnik SamGU [Journal of Samara State University]. 2010, vol. 3, no. 77, pp. 140-146.

About the author

Marina I. Paramonova – PhD, Associate Professor, Foreign Languages Department, The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications, research interests: methodology of teaching foreign languages, media linguistics, stylistics. E-mail: paramonova_mi@mail.ru.

* * *

Раздел 3.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР И САТИРА В ТВОРЧЕСТВЕ А. КОНАН ДОЙЛЯ

О.В. Липатова

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются теоретические основы английского юмора, сатиры, иронии и сарказма. Приводятся их определения, анализируется важность юмора, сатиры, иронии для английского характера, которые сравниваются с юмором американцев. Говоря об английском национальном характере, подчёркиваются негласные правила англичан «не быть излишне серьёзными», их способность к самоиронии и готовность шутить или воспринимать всё с юмором. Актуальность исследования обусловлена успехом творчества Конан Дойля и необходимостью анализа отличительных черт его творчества, особенно юмора и сатиры. Разбираются произведения о Шерлоке Холмсе от «Этюда в багровых тонах» до рассказов: «Шерлок Холмс при смерти», «Пустой дом», где подчёркивается сатирическое изображение на полицейских Лондона. Наряду с детективными рассказами произведён анализ юмора в научно-фантастических произведениях («Затерянный мир», «Когда Земля вскрикнула», «Маракотова бездна», «Отравленый пояс») и юмористических рассказах («Его первая операция», «Квадратный ящик»). В заключении автор делает вывод об особенностях английского юмора и о его влиянии на вечную популярность произведений А. Конан Дойля.

Ключевые слова: английский юмор, сатира, ирония, особенности английского национального характера и юмора, скрытая ирония, самоирония.

Английский юмор был и остаётся предметом восхищения одних литературоведов и объектом критики других. Насколько не однозначно отношение к английскому юмору, настолько не однозначна и оценка творчества Конан Дойля. Джордж Орвелл, например, относит его к разряду «хорошей плохой литературы», создавшей свой собственный замкнутый мир. А строгий и язвительный критик, которым был Г.К. Честертон, сравнивает успех Конан Дойля с успехом Чарльза Диккенса: «В нашей современной популярной литературе есть герой, который несомненно пользуется всенародным признанием». Говоря о Конан Дойле, Честертон, конечно, подразумевает его героя: «Если вы заговорите о Шерлоке Холмсе, то вас поймёт любой человек из народа. Сэр Артур Конан Дойль имеет право с гордостью подымать голову при мысли, что Шерлок Холмс единственный близкий всем герой современного романа» [5, с. 102].

В данной статье автором намеренно выбраны всемирно известные произведения Артура Конан Дойля, написанные в детективном и фантастическом жанрах и с хорошим чувством юмора.

Целью данного исследования является выявление и обобщение английских юмористических и сатирических черт на примере данных произведений, выявление особенностей английского юмора и сатиры и их общая характеристика. Актуальность данного исследования представляется очевидной в силу популярности произведений о Шерлоке Холмсе и из-за малой изученности темы сатиры и юмора в творчестве Артура Конан Дойля.

«Отечеством карикатуры и пародии» называл Англию великий русский поэт А.С. Пушкин. И это, по мнению самих англичан, является справедливым, так как «юмор правит, юмор управляет, юмор вездесущ и всесилен» [4, с. 83]. Чувство юмора – это способность видеть забавную сторону жизни − считается основным для большинства англичан и американцев. Каждый должен уметь посмеяться над собой хоть иногда и уметь видеть ситуации, в которых он выглядит смешным для окружающих [4, с. 87].

Чувство юмора британцев очень специфично и отличается от чувства юмора американцев. То, над чем будет смеяться американец, может даже не вызвать и улыбку у британца, так

как у британцев более утончённое чувство юмора, а у американцев – прямое. Сатира – создание ситуации, когда люди выглядят нелепо, с целью объяснить, как глупы и несовершенны они [6, с. 265]. Ирония – это забавный или странный аспект ситуации, сильно отличающийся от ожидаемого (ирония была в том, что когда он, наконец, был принят на эту работу, то обнаружил, что ему она совсем не нравится). Сарказм – способ использования слов, противоположных по смыслу тому, что подразумевалось, в некоторых словарях сарказм определяется как высшая степень иронии [7, с. 687, 1133].

У англичан есть в основе светской этики негласное правило, по которому им нельзя быть «излишне серьёзными». Даже здороваясь с друзьями, обсуждая погоду, они умудряются привлечь в свои слова своеобразную шутку. Почти всегда их разговоры изобилуют подтруниванием, скрытым юмором, иронией, шутливым самобичиванием или просто весёлыми высказываниями. Англичанам свойственно испытывать патриотическую гордость за их чувство юмора, а также за великолепное умение иронизировать над собой и над другими. Существует мнение, что у англичан более тонкое, более изящное чувство юмора. Они убедили сами себя, что их юмор – явление уникальное. А уникальность английскому юмору придаёт именно вездесущая ирония [4, с.84]. Известный писатель, драматург и критик, Д.Б. Пристли именно «любовь к иронии» помещал в первые составляющие английского юмора. Пусть англичане и не всегда шутят, но они всегда готовы к иронии. Юмор – это неотъемлемая часть культуры, зная культуру изучаемой страны, важно уметь понимать и юмор.

Умея посмеяться над собой, своими бедами, называя их лишь «неприятностями», англичане признают своё табу на излишнюю серьёзность, пристрастие к самоуничижению, преуменьшению своих достоинств и достижений – тоже можно отнести к английской иронии. И пусть английский юмор – не тот, что вызывает громкий хохот, а юмор скрытый, зачастую неуловимый, он придаёт особую прелесть английским литературным произведениям, особенно при прочтении их на языке оригинала.

Что приходит на ум, если говорить об английских юмористических произведениях? Для кого-то это произведения Дж.

К. Джерома, для других – Льюис Кэролл, для третьих − П.Г. Вудхаус. Если рассматривать сатирический журнал «Панч» или «Соглядатай» или другие издания, то становится очевидным, что англичане в юморе верны традициям предыдущих поколений, любивших Филдинга, Теккерея, Аддисона и т.п. Но в юморе не в одних традициях дело, а дело, конечно, в таланте автора. Талант, порой, виден в мелочах, в неожиданном подходе к традиционным предметам [8, с. 5].

В ноябре 1887 года в ежегодном приложении к журналу «Битонский рождественский ежегодник» впервые появился на свет новый литературный герой – частный сыщик Шерлок Холмс. Героя ожидал огромный успех у читающей публики и, проходя столетия, известная фраза «Это элементарно, Ватсон», произносимая то с иронией, то с сарказмом великим сыщиком Холмсом, звучит и по сей день. Но, несмотря на свой мощный интеллект, многочисленные таланты не только в раскрытии преступлений, но и в химии, биологии, медицине, спорте и музыке, Холмс был скромным человеком и уважал доктора Ватсона, который оставался ему верным другом и помощником в любых ситуациях. Так что ирония − по отношению к его другу Ватсону − была в словах Шерлока Холмса только скрытая.

Конан Дойль посвятил Шерлоку Холмсу четыре романа: «Этюд в багровых тонах», «Знак четырёх», «Собака Баскервилей», «Долина ужаса» и пять сборников рассказов.

В первом романе «Этюд в багровых тонах» Ватсон, офицер военно-медицинской службы, рассказывает читателям об окончании Лондонского университета и получении звания врача, а затем о своём ранении во второй войне с Афганистаном, болезнях и об отправлении в Лондон, «этот огромный мусорный ящик, куда неизбежно попадают бездельники и лентяи со всей империи» − ироничное замечание о Лондоне и скрытая самоирония, ведь себя самого Ватсон считал «невероятно ленивым». Познакомившись с загадочным «химиком», создавшим реактив на гемоглобин, и поселившись вместе с ним в соседней комнате, Ватсон не переставал удивляться поступкам своего нового знакомого и даже составил «аттестат» его своеобразно фрагментированных знаний. Шерлок Холмс не знал, что Земля вращается вокруг Солнца, но мог по брызгам грязи на одежде определить, из какой они части Лондона были

принесены. Игру на скрипке, к радости Шерлока Холмса, Ватсон не считал бесполезным шумом, и два соседа стали делить квартиру на Бейкер стрит, 221б. Устами своего героя Шерлока Холмса Конан-Дойль остроумно говорит о невозможности получения всех знаний, сравнивая голову с чердаком, в который всё не сложишь, так как «стенки его не эластичны» [1, Т. I, с. 45].

Только в одном рассказе «Шерлок Холмс при смерти» сыщик позволил себе назвать Ватсона обыкновенным врачом, «с очень ограниченным опытом и квалификацией». На что доктор сильно обиделся, но всё равно не ушёл, так как видел, что Холмс умирает. Сделал так Холмс только потому, что это нужно было, чтоб ввести Ватсона в заблуждение по поводу его мнимой болезни. Чтобы поймать опасного преступника, который прислал сыщику коробочку со смертельным ядом, Холмс три дня не пил и не ел, чтоб сделать вид, что он заразился лихорадкой. На самом деле он верил в способности Ватсона лечить больных и очень уважал его опыт. Когда обнаружилось, что Холмс лишь играл роль больного, чтобы преступник был пойман, он с мягкой иронией сказал Ватсону, что специально не разрешал ему подходить к нему близко, чтоб тот не обнаружил грим и не понял симуляции болезни, так как «умение притворяться не входит в число многочисленных талантов» его друга [1, Т. III, с.291].

Безусловно, сатира во всех рассказах присутствует при описании сыщика Скотланд Ярда Лейстрида. Это чувствовалось уже в первом романе «Как-то раз появился щуплый человечек с изжёлта-бледной крысьей физиономией и острыми чёрными глазками, он был представлен как мистер Лейстрид» [1, Т. I, с.47]. При оценке действий Лейстрида и другого инспектора полиции Грегсона Холмс не стесняется иронизировать, говоря, что они так оба «хорошо справляются, что ему грешно было б вмешиваться». Но, чувствуя своё явное превосходство в раскрытии преступлений, Шерлок Холмс никогда не бывает грубым или надменным, хотя он допускал, что «он – единственный в мире». Он лишь смеётся над Лейстрейдом, но делает это тактично, говоря Ватсону: «Как подумаю, что Лейстрейд сейчас ищет по ложному следу, так меня разбирает смех» или: «Когда Грегсон, Лейстрейд или Эттелни Джонсон в

тупике, а это их нормальное состояние, они немедленно зовут меня» [1, Т. I, с. 152]. В том же романе Холмс говорит о «неукротимой энергии» Джонсона, который арестовал не только Тадеуша Шолто, но и экономку, привратника и слугу-индуса. В рассказе «Пустой дом» Шерлок Холмс позволяет себе лишь заметить Лейстрейду, что «три нераскрытых убийства за год – это многовато» [1, Т. II, с. 259].

Сатира не только на полицейских Лондона, но и над преступным миром явно прослеживается в рассказе «Пустой дом». Это особенный рассказ, так как сам Конан Дойль в предыдущем рассказе «Последнее дело Холмса» уже расстался со своим героем, намереваясь посвятить своё творчество другим жанрам. Но читающая публика настолько была разочарована и раздосадована, посылала автору огромное количество писем с просьбами «оживить» Шерлока Холмса, что автору пришлось вернуть своего героя. К радости читателей, миссис Хадсон и Ватсона, которого Лейстрейд подозревал в убийстве сэра Рональда Адлера, Холмс снова появляется в квартире на Бейкер стрит. Друзья, спустя три года разлуки, снова вместе, и Ватсон помогает Холмсу в поимке полковника Себастьяна Морана, наблюдая за их квартирой из пустого дома напротив. Видя со стороны их окна на Бейкер стрит, Ватсон с ужасом обнаруживает в окне точный силуэт Шерлока Холмса, а затем восклицает: «Она шевелится!» В точном описании этой восковой копии, в том, как Холмс радуется удивлению Ватсона, в том, что удаётся перехитрить известного преступника, который выстрелил в восковую фигуру Холмса – во всём этом присутствует яркая, искромётная сатира. Добро побеждает зло, как в большинстве рассказов о Шерлоке Холмсе, преступный мир наказан, Холмс передаёт свои доказательства в полицию, а сам скромно продолжает «разгадку тех интересных маленьких загадок, которыми так богата сложная лондонская жизнь».

Наглядное противостояние банального взгляда на мир характерно для Ватсона и отточенных умозаключений вооружённого «дедуктивным» методом Холмса обуславливает вечную прелесть этих рассказов. Сколько раз «неопровержимые» заключения, сделанные Ватсоном на основе обывательской логики мягко, с юмором превращались в прах Шерлоком Холмсом, который мог впоследствии показать весь ход своих

рассуждений и важность упущенных Ватсоном деталей. В «Собаке Баскервилей» в начале происходит классический диалог, в котором Ватсон начинает описывать доктора Мортимера как успешного и всеми уважаемого медика средних лет, к тому же сельского врача, а буквы на палке «ЧКЛ» означают клуб, наверное, охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь. Холмс со скрытой иронией отвечает:

«Уотсон, вы превзошли самого себя! − сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая папиросу. − Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, всё же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой» [1, Т. III, с. 6].

После непродолжительного изучения палки в лупу Холмс рассказывает Ватсону о том, что он пропустил в своих выводах: «Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек около тридцати лет, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа» [1, Т. III, с. 8].

Ирония, сквозящая в словах Холмса, разбавляет трагическую канву повести и позволяет вести повествование с чисто английским юмором.

Другие рассказы Артура Конан Дойля тоже пропитаны тонким английским юмором. Достоин восхищения профессор Челленджер, герой романов «Затерянный мир», рассказов «Когда Земля вскрикнула», «Отравленный пояс», «Дезинтегратор Немора»! Блестящий учёный, нежный и заботливый друг, чудак, жестокий тиран и ненавистник журналистов. «На прошлой неделе он ухватил за воротник и подтяжки молодого Алека Симпсона из «Курьера» и волочил его за собою целую милю по шоссейной дороге». Он всё время ссорился с соседями. Некоторые из них говорят, что никогда он не был в более подходящем обществе, чем когда находился среди допотопных чудовищ» [1, Т. VIII, с. 320]. Чудачества профессора образу-

ют второй слой юмора, сюжетный. «Нормальному» человеку не пришло бы в голову сравнивать Землю с живым существом («Когда Земля вскрикнула») и пытаться пробурить её поверхность, чтобы доказать свою правоту. Фантастичность сюжета оттеняется серьёзностью предписаний профессора: «Этих рекомендаций, на мой взгляд, вполне достаточно для любого среднего интеллекта, но я не сомневаюсь, что вам потребуются дополнительные указания». Профессору удалось пробурить «шкуру» Земли и воздействовать на её нервный центр уколом бура. Земля закричала, испустила фонтан пахнущей жидкости: «это защитная жидкость, подобная той, которую выбрасывает скунс, и служит она для того, чтобы оберегать матушку Землю от посяганий всяких там назойливых Челленджеров. Если это так, то главный виновник, восседавший на своём троне на холмике, остался безнаказанным, в то время как многострадальные представители прессы, оказавшиеся на самой линии огня, до нитки вымокли под струёй вонючего фонтана и потом в течение длительного времени стыдились показываться в приличном обществе» [2, Т. III, с. 558].

В «Отравленном поясе» сюжет не менее фантастичен – Земля, летя в космосе по волнам «эфира», попала в заражённую зону, и люди начали умирать, засыпая на месте. Профессор предвидел катастрофу по первым признакам неблагополучия в отдалённых частях земли – эпидемии в Полинезии − и принял меры защиты, запасшись кислородом. С компанией друзей они пережили всех окружающих и решили, что остались «последними людьми» на Земле. Они выжили, а что толку? Конан Дойль смеётся над «выживальщиками». «Куда ни погляди, везде мы встречали осклабненные лица, они как будто глумились над нами в нашем отчаянии, улыбаясь молчаливо и угрюмо, в лицо злополучным счастливцам, пережившим весь человеческий род» [1, Т. VIII, с. 381]. Они поехали в Лондон искать живых и, к счастью, обнаружили, что люди не погибли, а только заснули на сутки. Сатира в рассказе уже становится социальной, возвышенной и в то же время оттенённой английским юмором.

С такой же иронией Челленджер расправляется с автором «дезинтеграционной машины», которая может разобрать на атомы и молекулы любое тело, корабль, дивизию, город.

Изобретение блестяще, объект потом можно и восстановить, но ведь можно и не восстанавливать. И профессор, с тонким английским юмором, «не обременяя свой ум мелкими деталями», дезинтегрировал изобретателя и устранил угрозу миру. «Первой обязанностью законопослушного человека является предотвращение убийства» [2, Т. III, с. 573]. Окончание рассказа оставляет открытым вопрос “Что гуманнее – убить изобретателя и спасти мир или спасти его и оставить в мире страшное оружие?”.

Сюжет некоторых других рассказов Конан Дойля построен вокруг фантастическо-юмористических идей. Поиски затерянного мира в недоступных джунглях Амазонки противоречили существовавшему уровню научных знаний и вызывали закономерную иронию, а образ Челленджера поднимал её до уровня гротеска. Фантастическая гипотеза о существовании в дебрях воздушного океана разнообразных летучих чудовищ составили основу сюжета рассказа «Ужас высот». Но тонкий юмор превращал ужасающий сюжет в лёгкий иронический рассказ. В повести «Маракотова бездна» Конан Дойль рассказывает о находке утонувшего континента Атлантиды, о героизме атлантов, сумевших выжить на глубине восьми тысяч метров и построить там свою цивилизацию, противостоящую громадным давлениям и ужасным морским чудовищам. Профессор Маракот представлен в рассказе с юмором, как облагороженный вариант профессора Челленджера, и ирония буквально сквозит в каждой строчке повести.

Есть у Конан Дойля и просто юмористические рассказы, такие как «Его первая операция» о причудливых воспоминаниях студента-медика первого курса, так настроившегося на лицезрение операции, что потерявшего сознание во время лекции рассказанного профессором анекдота. В рассказе «Квадратный ящичек» весь сюжет построен по уже знакомому нам по Ватсону примеру. Чрезмерно впечатлительный и трусоватый молодой человек, увидевший на пароходе загадочный ящичек курком и наблюдавший нестандартное поведение его хозяев, с нетерпением ждавших наступления десяти часов вечера, превратно интерпретировал факты и решил, что имеет дело с террористами-фениями и адской машиной. Внезапная разгадка с синхронным выпуском соревнующихся почтовых

голубей из загадочного ящика напоминает «Элементарно, Ватсон». Тонкая ирония превращает рассказ в изящное произведение искусства. В поздних произведениях Конан Дойля сатира становится более социальной, а слог остаётся лёгким и изящным благодаря тонкости английского юмора.

Анализируя все вышеупомянутые примеры, можно сделать следующие выводы: в творчестве А. Конан Дойля, в его детективных и приключенческих романах, обязательно присутствует английский юмор, скрытая ирония, самоирония и даже сатира. Причём сатира применялась только к полицейским-детективам, в отношении других героев автор использовал или скрытую иронию, или юмор. Рассказы о Шерлоке Холмсе до сих пор очень популярны: они переведены на множество языков, люди до сих пор пишут письма любимому сыщику, а толпы туристов стоят в очередях в музей на 221б Бейкер стрит.

Возможно, успех произведений А. Конан Дойля − известного писателя, путешественника, врача и спортсмена − вызван именно тем, что в традиционные формы изложения детективного и приключенческого жанра писатель включил не только обширные знания и замысловатый сюжет, но и остроумие, скрытую и явную иронию и сатиру. Безусловно, А. Конан Дойль был человеком очень талантливым и с редким чувством юмора. Его книги хочется читать и перечитывать.

Современные студенты не всегда способны отличить не только английскую иронию, но и даже русскую. Одной из задач преподавателя при подготовке специалистов к межкультурной коммуникации является, на наш взгляд, обучение умению студентов распознавать английский юмор и сарказм, делать изучающих английский язык более компетентными в вопросах литературоведения и менее уязвимыми в психологическом плане [3].

Список литературы

1. Артур Конан Дойль. Собрание сочинений в 8 тт. М, 1966.
2. Артур Конан Дойль. Собрание сочинений в 4 тт. М, 1992.
3. Обучение иностранным языкам. «От профессионализации к профессионализму». Москва, МГИМО, 2011, с.177.
4. Фокс К. Наблюдая за англичанами. М. , 2013.

5. Честертон Г.К. Диккенс Л., 1929.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2004.
7. Oxford guide to British and American Culture. Oxford University Press 2003.
8. The book of English Humour. Москва, 1990.

Об авторе
Липатова Ольга Валерьевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 2 МГИМО. Email: oly-lipatova@yandex.ru.

ENGLISH HUMOUR AND SATIRE IN CONAN DOYLE'S CREATIVITY

O.V. Lipatova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This article deals with the peculiarities of English humor, satire and irony. The analysis of the importance of humor, satire and sarcasm is given. English humor is compared to American one. Speaking about English national character, the author highlights an unofficial rule "The importance of not being earnest", their ability to self-irony and willingness to tell jokes or accept everything with humor. The topicality of the research is determined by the success of Conan Doyle's books and the necessity of taking his books into consideration. Conan Doyle's novels ("The study in scarlet", "Sherlock Holmes at death", "The empty house") and his stories and narratives are given to show English humour and irony. The author goes on to say that satire was applied only to the police-officers (The character of Leistreid is described even with sarcasm). Along with the detective stories and novels of Conan Doyle, his science fictional novels and stories are characterized ("The lost world", "The Poisoned belt", "When the world screamed", "The Maracot deep"). Different kinds of humor are compared. In the end, the author concludes that humor is an integral part of Conan Doyle success". As a conclusion, the author says about the peculiarities of English humor and its influence on the long lasting popularity of Conan Doyle's creativity.*

Key Words: English character, humour, irony, the stories about Sherlock Holmes, satire.

References

1. Artur Konan Dojl'. Sobranie sochinenij (Collection of works) v 8 tt. M, 1966.
2. Artur Konan Dojl'. Sobranie sochinenij (Collection of works) v 4 tt. M, 1992.
3. Obuchenie inostrannym jazykam. (Teaching foreign languages) «Ot professionalizacii k professionalizmu». Moskva, MGIMO, 2011, p.177.
4. Foks K. Nabljudaja za anglichanami (Observing the English). M., 2013.
5. Chesterton G.K. Dikkens L., 1929.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2004.
7. Oxford guide to British and American Culture. Oxford University Press 2003.
8. The book of English Humour. Moskva, 1990.

About the author

Lipatova Olga Valerjevna – PhD in Psychology, Assistant Professor, the Department of English Language № 2, MGIMO.
Email: oly-lipatova@yandex.ru.

* * *

ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОНЯТИЯ «ЧЕСТИ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕГИПЕТСКОЙ ПРОЗЫ

Эль сабрути Рашида Рахимовна

Казанский Федеральный Университет 420008, Казань, ул. Пушкина 1/55

Чтение иноязычного художественного текста приравнивается к межкультурной коммуникации. Деятельность такого общения мотивирована и имеет конкретную цель: выявление художественного своеобразия романа известного писателя Соналла Ибрагима «Честь», где максимально проявляется самобытный взгляд автора на окружающий его мир. Сюжет романа насыщен важнейшими для Египта событиями, они дают возможность подчеркнуть социально-историческую обусловленность и особенность формирования творчества писателя, выявить его гражданскую позицию. Это позволит также определить его роль в современной арабской литературе.

Реальная действительность изучаемого нами романа передаёт оценочную картину мира. Для автора романа характерно сакральное представление о человеке и окружающем его мире, личность воспринимается как неотделимая часть общества, при этом интересы общества воспринимаются как бóльшая ценность, чем интересы конкретного человека.

Мировоззрение автора, его идеалы, входящие в замысел произведения, отражают склонность автора к марксистским взглядам. Его роман стал фактом философского осмысления трёх эпох тоталитарного режима в Египте. Отношение автора к либеральной политике «открытых дверей», провозглашённой Садатом, базируется на авторской концептуализации окружающего его мира. По мере укрепления рыночных отношений в эпоху Садата наблюдалось отчуждение от тех нравственных ценностей, которые были заложены в эпоху правления президента Насера. В формировании человеческой личности автор находит закономерность физиологического процес-

са и окружающую общественную среду в качестве определяющих факторов. Отзывчивость писателя на острые и болезненные для египетского общества проблемы сделали его творчество актуальным.

Ключевые слова: современная арабская литература; египетский роман; когнитивная и культурологическая парадигма языкознания.

Соналла Ибрагим − один из ведущих писателей современного Египта. Многолетняя антиколониальная борьба страны за демократические ценности и свободу сформировала у писателя патриотическую риторику и склонность к марксистским взглядам. Несмотря на поддержку марксистских деятелей военного переворота в стране в 1952 году, президент Насер отнёсся к ним крайне враждебно, и против них началась агитационная и карательная кампания. В 1959 году писатель был арестован, предан военному трибуналу и приговорён к семи годам лишения свободы. В 1964 году, в связи с официальным визитом Хрущёва в Египет, писателя амнистировали [23].

В 1968 году писатель уезжает в Берлин, где ему был предоставлен грант на обучение в Советском Союзе. В Москве он активно изучает русский язык, пишет роман «Августовская звезда». Вернувшись в Египет в 1974 году, посвящает себя литературному творчеству [16]. В связи с протестом против политики руководства страны писатель отказался от государственной премии, предоставленной ему Министерством культуры в 2003 году.

Горький опыт тюремного заключения нашёл своё отражение в романе «Тот запах» (1966). Коммунистов и братьев-мусульман в эпоху президента Насера постигла одна и та же участь. Коммунистическая партия, привлекшая в свои ряды интеллектуалов, не была столь популярной, как партия «Братьев-мусульман», которых писатель изобразил в образе капиталиста с «чётками в руках» [21]. Несмотря на то, что писатель был идеологическим противником режима президента Насера, он считал его лидером арабской нации. В романе «Комитет» (1981) он резко осуждает провозглашённую после смерти На-

сера политику «открытых дверей», которая породила деятельность транснациональных компаний, направленную на разрушение экономики арабских стран [3]. Как отмечает Абдалла Нассан, писатель своим «злостным юмором» стремится к активизации политического сознания народных масс [1]. В романе «Бейрут… Бейрут» (1984) писатель представляет жизнь героев на фоне разрушительной ливанской войны в 70-80 годах. В романе «Варда» (2000) повествует о революционных событиях в Йемене. Названный именем героини, роман «Зат» (1992) вместил в себя громадное количество фактов, опубликованных в своё время в египетской прессе [14, с.68]. Противостояние политике мега-держав на Ближнем Востоке стало главной темой его произведений. Название романа «Американец» (2003) – это пародийная транслитерация фразы «Амри кан ли», что в переводе с арабского означает «Дела были моими». Роман «Шпионаж» (2007) содержит воспоминания писателя о его детстве, а роман «Лёд» (2011) повествует о его жизни в Советском Союзе. Несмотря на громадные пространственные и временные рамки его произведений, страсть к фотографическому репродуцированию реального мира повредила творческим возможностям писателя [15].

Романы Соналла Ибрагима упоминались в работах Салаха Фадла «Новый роман» и Самьи Мехрес «Египет: борьба цивилизаций». О нём и его творчестве писали также в арабских СМИ. Данная статья посвящена его роману «Честь», изданному в 1997 году, где была затронута одна из трагических тем в мировой литературе − тема политзаключённых и обитателей тюрем. Актуальность статьи обусловливается выявлением социально значимых элементов в творчестве писателя. Раскрытие сущности морали формируется в системе координат этического теоцентризма и индивидуального антропоцентризма: убив человека, герой романа попадает в тюрьму, но в результате изменения среды его обитания, где теряется высший смысл человеческой жизни, теряется и внутренний регулятор его нравственности, основанный на моральных принципах общества.

Сюжетно-композиционные особенности романа

Много внимания в литературных кругах уделялось сходству романа Соналла Ибрагима «Честь» с романом Фатхи Фадла

«Тюремная камера» [12]. Несмотря на богатейший литературный опыт, писатель оказался вовлечён в центр общественного скандала [22, с. 35]. Однако он не отрицал своё ознакомление с вышеупомянутой книгой, наоборот, он ввёл её в перечень источников своего романа, и на это он имел полное право [14, с. 67].

Роман, состоящий из 543 страниц, отличается разновидностью подаваемой в нём информации и сложной текстурой. В первой главе романа автор знакомит читателя с Ашрафом Абд аль-Азиз Сулейманом, мать которого называла его ласковым именем «Шараф», что в переводе с арабского означает «Честь». Родился он в 1974 году в бедной семье. Как и большинство соотечественников его возраста, юноша бродит на пустой желудок по центру столицы, всматривается в яркие, сверкающие афиши торговых рядов. Он встречает Джона, пригласившего его в кино, затем домой. Сексуальные домогательства иностранца вызывают в герое чувство оскорблённой чести. Убив иноземца, юноша попадает в тюрьму.

В тюремной камере герой встречается с фармакологом Рамзи, который был ярым сторонником идеологии Насера. Он верил в бесплатную медицину, отстаивал права граждан, критиковал глобализацию экономики, которая отрицательно влияла на благосостояние общества развивающихся стран. Пытаясь разоблачить коррупционные махинации швейцарской фармацевтической компании, он попал в тюрьму по сфабрикованному при помощи охранника и бывшего генерала полиции составу преступления. Начальник тюрьмы поручает герою отыскать свёрток Рамзи, где была спрятана документация о криминальной деятельности компании, которую он мог использовать в качестве доказательства на судебном процессе. Юноша находит свёрток и, прочитав его содержание, передаёт начальнику тюрьмы. В данный момент «я почувствовал странное наслаждение – говорит юноша − ведь я единственный знал, что случилось со свёртком Рамзи» [17, с. 227]. И здесь проявляется его первое отклонение от тех моральных принципов, ради которых он попал в тюрьму [11].

Во второй части романа повествование от лица героя событий переходит к фармакологу Рамзи, который организовывает в связи с праздником Победы кукольное представление. Идея гражданского единства в представлении была заимствована из

событий, произошедших в городе Порт-Саиде в 1919 году, когда мусульманский праздник «завершения поста» совпал с христианским праздником «веяния весны», и все верующие, подняв в качестве религиозных символов полумесяц и крест, вышли участвовать в едином революционном шествии [17, с. 338]. В атмосфере радостного торжества происходило публичное сожжение чучела английского генерала Алленби. Содержание кукольного представления передаёт трансформацию идеологии Египта в периоды правления трёх президентов, когда шла интенсивная смена элит, менялись интересы общества, нравственные ценности.

Образ фармаколога Рамзи занимает существенное пространство романа. Впечатляет своими размерами проект его самообороны, содержащий громадное количество документов. Тюремное руководство разрешило ему организовать кукольное представление в честь праздника «шестого октября» − дня победы Египта в войне с Израилем в 1973 году. Организовывая театральное представление, он искренне верил в спасение общества посредством просветительско-воспитательной деятельности. Но представление перерастает в бунт. Тюремное руководство берёт ситуацию под контроль, наказывает зачинщиков беспорядка, запирает Рамзи в одиночной камере.

В третьей главе повествование событий переходит к голосу героя, вскрывается суть заключённых. Здесь вводится огромное количество историй заключения за мелкую кражу, убийство, насилие, коррупцию, контрабанду и шпионаж. В период тюремной бездеятельности фотографии обнажённых женщин становятся для героя особенно красочными, обостряется низменный его инстинкт. Салим, имя которого в переводе с арабского языка означает «ключ целомудрия», проявляет к юноше особую заботу и ласку и посредством психологического давления готовит его к пассивному гомосексуализму. Словно чёрный круг абсурдности, высвечивается в конце романа идея поруганной «чести», от которой не остаётся и следа.

Материал первой и заключительной главы романа расположен в развивающемся в одном направлении временном пространстве. Последовательность второй главы не подчинена очерёдности событий, их демонстрация размещена в рамках документации Рамзи. Для чтения главы можно выбрать любые её

части, и это не повредит обозрению заложенной в ней осколочной информации. Пристрастие автора к цитированию отрывков из журналов и газет в банальном и сухом стиле привело к огромному потоку информации в ущерб эстетической стороне повествования. Вместе с тем, пытаясь подчинить художественный жанр «напряжённому информационному и идеологическому сумасбродству», писатель обладает прекрасной архивной способностью хранения информации [14, с. 75]. Воспоминания Рамзи смягчают документальность повествования. Они вскрывают житейскую картину коптских египтян, передают опыт работы Рамзи в одной из крупнейших компаний по производству лекарственных препаратов. Сопоставление образов Шарафа и Рамзи в романе служит обширной и многогранной передаче общественной панорамы Египта в последних декадах XX века.

Идейный замысел произведения

Осмысление идейного замысла произведения представляется сложным явлением, так как автор в структуре своего текста отображает свои концептуальные установки, а интерпретатор соотносит прочитанное содержание со своей концептуальной системой. В связи с этим художественный текст рассматривается как динамический феномен, в котором через призму читательского восприятия конструируются его новые смыслы [6, с. 94].

Текст содержит глубинную информацию, заложенную в его словесно-смысловом рисунке. Эта информация извлекается благодаря тому, что единицы языка способны порождать ассоциативные связи при их восприятии, содержать дополнительные коннотативные значения. В процессе восприятия языковых единиц контекста в сознании реципиента возникают определённые содержательные ассоциации, достаточные для формирования его гипотезы [2, с. 85]. Подтекст существует на уровне текста лишь потенциально и только в результате актуализации читателем обретает свою реальность. В процессе его декодирования читатель привносит личностные аспекты, при этом индивидуальное толкование существует лишь как одна из вариаций сознательно заданного автором инварианта художественного представления.

Для решения проблемы концепции автора в романе «Честь» необходимо учитывать связь его художественных образов с духов-

ным и моральным климатом его времени. Художественный текст по стилю выражения его содержания антропоцентричен, его принято называть образом автора [8, с. 99]. Познание реальной действительности романа направлено в первую очередь на оценочную картину мира. Грехопадение героя «Шарафа», имя которого в переводе с арабского языка обозначает «честь», сублимирует идею автора, кроющуюся в атмосфере морального тупика.

Персонаж является объектом передачи идейного замысла в событийных рамках романа. Отец героя отягощает мечтательного героя нравственными поучениями, в то время как жизнь вокруг него кипит мирскими наслаждениями, которые не в состоянии постичь в рамках нравственных законов. По мнению автора, герой был заранее запрограммирован на грехопадение, так как влияние «внешнего мира было мощнее и беспощаднее внутренних генов» [17, с. 7]. Идея человеческого достоинства и чести, первоначально выраженная в символической форме, обостряет своё звучание в заключительной части романа. В силу своей натуры, чутко реагировавшей на политическую и социально-экономическую ситуацию в стране, автору была созвучна национально-патриотическая риторика. Нравственный кризис героя отражает кризис общества. Победа Израиля в шестидневной войне 1967 года изменила геополитический баланс на Ближнем Востоке, разрушила идеологию Насера и план развития Египта. Под напором внешней агрессии побеждённая и униженная страна воссоздаёт живую картину поруганной чести.

Идею поруганной чести воссоздаёт и мир тюрьмы, отражающий несовершенство общества, построенного на лицемерии и лжи. Её территория делится на зоны бедных и богатых. Она лишает людей нормальной жизни, отнимает у них моральные ценности. Приоритет материальных ценностей над духовными растлевает людей, делает их жестокими и циничными, приводит к торжеству насилия и зла. Мрачный эмоциональный тон восприятия жизни заключённых, настроение безысходности создаёт у читателя отрицательное отношение к любой точке пространства тюрьмы. Однако они руководствуются здравым смыслом, в основе которого лежит психология общества в целом: мечта о материальном благополучии, квартире в хорошем районе, желание уехать за границу в поисках прибыли. Юмор помогает им сохранить хоть малую долю человеческого достоинства.

Образ шейха Асама символизирует политическую оппозицию исламистов в стране. Он собрал архив о криминальной деятельности высокопоставленных чиновников министерства внутренних дел. Среди них есть те, кто продавал товары, изготовленные заключёнными в тюрьмах, кто обеспечил себе колоссальные прибыли посредством захвата государственной собственности. Были и те, которые «сформировали для строительства офицерского жилья организацию-однодневку, заплатив из государственного бюджета четыре с половиной миллиона высокопоставленным чиновникам и прокурорам. Был и тот, кто из-за процентов от сделки поставленного оружия поссорился с другом и обстрелял его дом пушечными снарядами» [17, с. 207-208].

Писатель изобличает агрессивную деятельность исламских экстремистов, призывавших наказывать мусульманских девочек, учащихся в школе, враждовать с христианами и ради создания исламского халифата противоборствовать государственным режимам [17, с. 154]. Впечатляет история девочки инженера Самиха, который, отрастив себе бороду, обязал жену носить хиджаб. Обвиняя общество в вероотступничестве, он и его жена отказались работать на государственном предприятии и запретили двенадцатилетней дочери учиться в школе. Девочка не соглашалась носить хиджаб, и один из друзей подсказал, что внутри их дочери сидит дьявол, который без жестокого её избиения оттуда не выйдет. Взрослые бросились избивать бедняжку шлангом до её летального исхода [17, с. 160].

Отрицательно писатель настроен по отношению к любым формам проявления насилия. Ценностные представления о человеке и обществе автор развивает системой образов действующих лиц. Герой обнаруживает эксплуатацию заключённых в качестве «бесплатной рабочей силы во дворе начальника отдела» [17, с. 123]. В газетных выдержках фармаколога Рамзи повествуется «о жестокости Саддама Хусейна и тех преступлениях, которые он совершил против граждан Ирака и курдов» [17, с. 306]. Затрагивается в романе и насилие, которому подвергается мусульманская женщина, а также брак «по договору», где она теряет свои права, прописанные в исламском шариате.

Используя архивный материал, писатель опровергает ложные принципы правительственной демократии. Он считает,

что переход в новый государственный режим осуществлялся не буржуазно-демократическим, а криминально-бюрократическим путём. «Знаете ли вы, что 60% стоимости лекарства в Египте уходят в карманы поставщиков? − говорит Рамзи – знаете ли вы, что группа людей, у которых нет ни совести, ни отчизны, сколотили от импорта пищевых продуктов с истёкшим сроком годности многомиллионные состояния?» [17, с. 467]. Больным стоит вопрос и о губительном влиянии транснациональных компаний на экономику развивающихся стран Ближнего Востока. Деятельность этих компаний писатель сопоставляет с тварью, похожую «на скользкую рыбу», поскольку их денежные потоки никто не мог контролировать. Швейцарская фармацевтическая компания «Куш» могла «угрожать независимости любой страны, влияние её было сильнее правительственного. В любой точке мира она ни перед кем не отчитывалась» [17, с. 312]. Для передачи экономической зависимости Египта от иностранных государств один из зрителей театральной постановки, организованной Рамзи, с иронией замечает, что «человек просыпается под звуки японского будильника, моет лицо французским мылом, бреется английским бритвенным станком, чистит зубы американской пастой. Завтракает египетским сыром, сделанным в Дании, пьёт индийский или цейлонский чай, добавляя к нему французское или швейцарское сухое молоко» [17, с. 437].

Следующий важный тезис для нас будет: уровни нравственной регуляции человеческой жизнедеятельности в словесно-смысловом рисунке романа. Представление человека о себе самом взаимосвязано в первую очередь с духовным состоянием общества, требованиями общественной морали и нравственности [19, с. 7]. Для нормальной жизни человеку требуется удовлетворение потребностей, которые делятся на материальные, социальные и духовные. К первичному удовлетворению потребностей относятся физиологические потребности. Смысловыми устремлениями эгоцентрического уровня в главном герое нашего романа являются удобство и личная выгода, все остальные люди ставятся в зависимость от этих отношений. Для такой категории людей голос «чести» в реалиях тюрьмы ослабевает или вовсе утрачивается. Кроме того, голос «чести» бывает мнительным, но это не означает, что у человека нет чести, а то, что

он или не слышит или попирает его, это зависит от того, стремится ли человек жить по моральным кодексам.

Более высокий уровень регуляции человеческой жизнедеятельности включают в себя: социальные и духовные потребности. Социально ответственное поведение требует осмысленных, мотивированных действий и поступков, направленных на благо другого человека или общества. Такое поведение заложено в фармакологе Рамзи, который способен жертвовать собой. Главным для него становится авторитет и достоинство общества, «честь» у него ассоциируется с благом окружающих его людей.

Идентификация личностно-смысловой тенденции самого автора романа происходит на уровне «чести» и достоинства его родины. Она направлена в первую очередь на создание таких результатов, которые принесут достоинство и благо его стране, её международному авторитету. Из теории «смысловой вертикали» в психологии известно, что чем выше смысловой уровень смысловой сферы, тем более развита нравственная регуляция человеческой деятельности [4, с.8]. Отсюда следует вывод: смысловой уровень понятия «чести» стал главным лейтмотивом романа. Этот уровень не у всех героев одинаков, равно как и то, что голос «чести» может быть истинным или неистинным. Для того чтобы нравственная регуляция вновь поверялась голосом «чести», необходимо в первую очередь, по мнению автора, очищение руководства страны от наслоений смыслов грехопадения. Только тогда «честь» и достоинство государства скорректирует все свои жизненные искажения.

Социально-исторический аспект романа

Существуют общие черты и закономерности творческого процесса. К ним относятся историческая и социальная обусловленность творчества, ощущение времени и гражданская позиция автора [9, с. 88]. Временные рамки романа «Честь» охватывают эпоху активного участия Египта в антиколониальном и антимонархическом движении. Критика Абд ар-Рахмана аль-Кавакиби режима Османской империи привела к зарождению движения панарабского национализма и оказала значительное влияние на идейно-политические процессы развития страны [10, с. 39]. Важнейшей составляющей мировоззрения основной массы людей оставалась исламская идеология, игравшая веду-

щую роль в эволюции политических тенденций страны. Даже самые прогрессивные и европеизированные националисты не отреклись от религиозного мировоззрения [5, с. 341].

Ислам оставался официальной религией Египта, правящей элиты, его активно использовали в качестве одной из главных составляющих ее идеологической доктрины. Вместе с этим в политике властей проявилось противоречие между республиканской формой правления и традиционалистской идеологией исламского государства. Экстремистское объединение «Братьев-мусульман» возникло в рядах исламистов в египетских тюрьмах, арестованных в 1965 году. Религиозный радикализм порождался комплексом причин, не последнее место среди них занимала оккупация Израилем Иерусалима [13, с. 76]. Несмотря на то, что модернизация изменила социальные параметры и социальную структуру египетского общества, социальные силы сохраняли традиционное мышление, привычную систему ценностей и идеалов. Политическая система Египта в период модернизации страны в 1950-1990 годы определялась как авторитарный режим, оперировавший демократическими ценностями [20, с. 82].

Временные рамки событий романа акцентируются на первых его страницах и базируются на результатах социально-политических событий прошлого: герой посещает квартиру белокурого иностранца в доме, «построенном в сороковых годах, перед которым сидит охранник девяностых» [17, с. 15]. Здесь особое внимание уделяется эпохе президента Насера, при котором Египет пользовался большим международным авторитетом, а также эпохе президента Садата, когда страна утратила этот авторитет вслед за подписанием мирного договора с Израилем.

Истинный подъём страны, по мнению автора, происходит тогда, когда закрепляются принципы её развития в интересах широких слоёв населения. В кукольном представлении, организованном Рамзи, выражено восхищение одного из зрителей патриотизмом президента Насера: «будто слышу сейчас его голос, объявляющий от имени народа национализацию Суэцкого канала» [17, с. 390]. Эти события, сплотившие египетский народ с лидерами революции 1952 года, заложили новые общественно-политические принципы страны и предоставили ей международный авторитет: «Могу вспомнить ту животрепещущую

радость, которую ощущал каждый египтянин, араб, африканец, люди народов Азии и Латинской Америки, все униженные и угнетённые» [17, с. 390]. Революционизм писателя марксистского толка проявляется и в содержании свёртка фармаколога Рамзи, который указывает на негативные стороны национальной политики Насера: «Когда я начал разбирать египетский вопрос, то увидел ту громадную пропасть, по краю которой шёл умерший наш президент» [17, с. 418].

Насер, вслед за национализацией Суэцкого канала, провозгласил своей целью борьбу за социалистическое переустройство египетского общества. Но, несмотря на прогрессивные изменения в общественных отношениях Египта, его развитие по пути социализма носило противоречивый характер [7, с. 8]. Революционные демократы превращались в специфическую категорию богатых бюрократов, мероприятия правительства под социалистическими лозунгами не выходили за рамки буржуазно-демократических реформ. Насер не оставлял надежды разработать собственную социалистическую стратегию. Египетский социализм национального типа принял религию как выражение духовности народных масс, он пытался истолковать ислам как доктрину, имеющую в своей основе социалистическую миссию. Поражение Египта в войне с Израилем в 1967 году разрушило Насерскую идеологию: «когда я участвовал в Йеменской войне, плану развития страны был нанесён сокрушительный удар» [17, с. 419].

Неудивительно, что после смерти Насера его противникам удалось с использованием основных лозунгов Насеризма внести кардинальные изменения в стране. С приходом к власти Садата началось уничтожение символов революции 1952 года. Египет стал отходить от тех рубежей, которых достиг Насер в своём политическом и социальном развитии. Главной целью экономической реформы Садата стало перевод хозяйства на рельсы рыночной экономики, формирование частной собственности. Ключевой фразой политического лексикона нового президента стала следующая: «Египет дружил с нищими странами, сейчас он дружит с богатыми» [17, с. 370]. Город Порт Саид превратился в зону свободной торговли, «голодные рынки страны стали быстро пополняться товаром, которого они не видели долгое время» [17, с. 407-408].

Другая отрицательная сторона эпохи Садата − нравственная деградация общества. Обманутые красивыми словами люди больше не верили властям, общество охватило безразличие. Бюрократия, прикрываясь политической демагогией, попирала социальную справедливость. Социальный портрет представляемой автором эпохи будет неполным, если не отметить масштабы коррупции, сращивание криминальных групп с государственным аппаратом, обнищание основной части населения страны. Вслед за политикой «открытых дверей», провозглашённой Садатом, страна попадает в экономическую и политическую зависимость. «Проблема оплаты государственного долга в 1977 году» становится главным фактором экономического кризиса [17, с. 419]. Для получения новых кредитов по требованию Международного валютного фонда необходимо было проведение в Египте широкомасштабной приватизации [17, с. 420]. Политика «открытых дверей» породила класс «жирных котов», обогатившихся на аферах в той теневой зоне, которая развивалась между государственным сектором и частным бизнесом. Обещанная демократия превратилась в «демократию пышных, построенных за народные деньги особняки миллионеров» [17, с. 403]. Психологическая обстановка страны особенно тяжело отразилась на молодёжи.

Идейный замысел романа, как было отмечено выше, был заложен в одно из важнейших событий современной истории Египта − визите президента Садата в Израиль в 1979 году с целью подписания мирного договора. Революционно-настроенная интеллигенция Египта считала поступок президента «последним гвоздём, вбитым в гроб египетской революции» [18]. Большинство арабских стран осудили политику египетского руководства, и Египет был исключён из Лиги арабских государств. Поруганная «честь» нации становится причиной покушения оппозиционно настроенных исламских фундаменталистов на президента Садата, в результате чего он был убит. С приходом к власти бывшего командующего военно-воздушными силами Хосни Мубарака выполнение мирного договора было продолжено.

Модернизация страны в эпоху Садата изменила социальные параметры и структуру египетского общества, но не сумела умалить непоколебимые его традиционные принципы. Образ

Рамзи представляет нравственные установки и идеологические ценности эпохи президента Насера. Он сознательно борется с несправедливостью и насилием в обществе, но в ответ становится объектом насмешек заключённых. Жестокость реальной действительности порождает у Рамзи тоску по славному прошлому страны. Другие заключённые олицетворяют тех, кто не верит в революционную борьбу и стремится приспособиться к любой обстановке.

Роман передаёт разобщённость египетского общества в рамках большой тюрьмы. Одни заключённые произносят пламенные религиозные речи (Мехди и его сторонники), другие планируют криминальные сделки (головорез), но основная часть людей думает о собственном благополучии (Батша, Каблук, Ашраф). Каждая группировка отстаивает свои ценности, позиции же других сторон не воспринимаются ими как допустимые. В результате, психика людей вынуждена искать новые способы приспособления к среде и актуализации его латентных потенциалов.

Заключение

Художественное произведение как сложное многоуровневое образование признаёт возможность и правомерность ряда его интерпретаций, так как содержит в себе потенциально бесконечный объём смыслов, который лишь частично актуализируется в субъективной концептуальной системе адресата. Контекстуальное исследование произведения Соналла Ибрагима, его жанровой и образной специфики позволяют сделать вывод о реализовавшейся творческой индивидуальности писателя, о созвучии его творчества с явлениями общественной жизни второй половины XX-го века.

Роман стал фактом философского осмысления трёх эпох тоталитарной системы Египта. Вместе со своим народом писатель пережил взлёты и падения своей страны. Боль за судьбу своего народа, отстаивание национальной «чести» составляет основу тональности его романа. Мировидение писателя в произведении отражает традиционные марксистские взгляды, где он критически оценил перспективу развития консервативно-либеральной модели страны. В идейной основе романа заложена проблема нравственности. В формировании человеческой лич-

ности автор романа находит общественную среду в качестве определяющего фактора. Страх грехопадения, вызванный традиционным воспитанием, вносит в жизнь героя романа привычку обманывать себя и других. Моральное падение преследует его в тюрьме, определяет его нравственное поведение. Писатель изображает, как терпеливость и жизнестойкость помогают ему выжить в нечеловеческих условиях тюрьмы, где социальные и моральные категории умышленно заменены противоположными. Добро и зло для заключённых − это наивные понятия. Но среди них остаются и такие, которые сохранили в себе душу и моральные ценности. В то время как герой романа уходит от реального мира в мир иллюзий, идеализм Рамзи является другим вариантом антропоцентрического отказа от мира, он сам творит свой мир.

Герои романа приобретают значение и функцию синтетических, универсальных образов, а склонность писателя к символической образности помогла ему создать художественные обобщения, знаковые для египетской литературы. Несмотря на то, что документальность свойственна всем произведениям писателя, в анализируемом нами романе она переросла в прямое цитирование статей. Огромный поток информации не получил соответствующей технической обработки. Автор не проявил особой заботы об их эстетической ценности. Диалог автора с постмодернистской эстетикой реализовался через активность её элементов в структуре самого романа. Однако было бы поспешным видеть её воздействие на трагедийность его содержания. Трагически осмысленные общественные вопросы государства, придавшие произведению необходимую объёмность и глубину, не помешали писателю включить и комические приёмы изображения.

Главный герой романа, дата рождения которого совпадает с датой возвращения писателя на родину в 1974 году, является стереотипом прежних произведений писателя. Они выступают как угнетённые, разочарованные жизнью и настроенные против внешнего мира. Одновременно они транслируют идеалистическое воззрение своего создателя, его мечту о лучшей и справедливой жизни страны. Отзывчивость писателя на острые и болезненные для общественного сознания проблемы сделали его творчество актуальным. Его роман воспринимается как новое слово в тюремной тематике.

Список литературы

1. Абдалла Ф. Хассан. Чёрный юмор в тёмные времена. Ближний Восток: 19.06.2003 (статья на арабском языке) http://www.worldpress.org/mideast/1205.cfm
2. Арнольд И. В. Импликация как приём построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания № 4, 1982. С. 83-91.
3. Бадиаат-Тахири. Мнимая жестокость и реальный мир. (на арабском языке) بديعة الطاهري: عنف المتخيل والواقع. قراءة في رواية "اللجنة" لصنع الله إبراهيم http://www.minculture.gov.ma/index.php?option=com_content&id=547:badi3a-tahiri-violence-de-limaginaire-essai&Itemid=153
4. Братусь, Б. С. Аномалия личности. М.: Мысль, 1988. 304 с.
5. Видясова М.Ф.; Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. М.: Изд. Московского университета, 2008. 508 с.
6. Голякова Л.А. проблема подтекста в свете современной научной парадигмы // Вестник Томского государственного педагогического университета 2006. Выпуск №5. С.93-98. http://cyberleninka.ru/article/n/problema-podteksta-v-svete-sovremennoy-nauchnoy-paradigmy
7. Князев А.Г. Египет после Насера. Редакция Восточной литературы. М.: Наука 1986.286 с.
8. Комарова Л.И. Антропоцентризм художественного текста // Вестник ТГУ, выпуск 8 (64) 2008. С. 99-103.
9. Кудашева Н.Н. Текстовый антропоцентризм в фокусе авторской концептуализации мира // Вестник Ленинградского государственного университета. 2013, т. 1, №2. С. 88-96.
10. Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. Главная редакция восточной литературы. М.: Наука 1979. 199 с.
11. Мухаммед аль-Ахмед. Ужасающие реалии в романе «Шараф» (на арабском языке). http://www.postpoems.org/authors/alahmed محمد الأحمد: الواقع المرعب في رواية شرف (مقالة)
12. Мухаммед аш-Шазли. Вопросы вокруг романа Соналла Ибрагима (на арабском языке). http://daharchives.alhayat.com/issue_archive/Wasat%20magazine/1997/7/28 محمد الشاذلي: على هامش القضية التي أثارتها رواية صنع الله ابراهيم . الحياة: ٢٨/٧/١٩٩٧، القاهرة، رقم العدد: ٢٨٧
13. Подцероб А.Б. Арабские страны в системе международных отношений // Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 76-97
14. Салах Фадл. Новый роман. Изд. «Общественная ассоциация книги». Каир. 2002.208с. (на арабском языке). صلاح فضل: الرواية الجديدة. الهيئة المصرية العامة للكتاب. القاهرة ٢٠٠٢ (٢٠٨ص)
15. Салах Фадл. Сонаа Алла вспоминает жизнь в восточном Берлине. Газета «Египтянин сегодня» 12.02.2015. (на арабском языке) صلاح فضل: صنع الله إبراهيم يستعيد حياة برلين الشرقية. المصري اليوم ١٢-٠٢-٢٠١٥ http://www.almasryalyoum.com/news/details/656116

16. Соналла Ибрахим писатель романа, новеллы и драмы (на арабском языке) صنع الله إبراهيم. كاتب روائي وقصة قصيرة ومسرحي.
http://www.diwanalarab.com/spip.php?article2168
17. Соналла Ибрахим. Роман «Честь». Изд. «Дар аль-Хиляль» Каир 1997. 547с. (на арабском языке)
رواية (شرف) الصادرة عن دار الهلال.. الطبعة الأولى١٩٩٧ القاهرة
18. Хамза Кынави. Чтение романа СоналлаИбрахима«Честь» в аспекте социолингвистики (на арабском языке).
حمزة قناوي: قراءة في رواية (شرف) لصنع الله إبراهيم في إطار منهج علم اجتماع الأدب
http://www.arrafid.ae/arrafid/p8_5-2010
19. Шиловская Н.С. Гуманизм антропоцентризма и антропоцентризм без гуманизма //Вестник Минского университета №1 (5), 2014.С. 11-18.
20. Яковлев А.И. Региональные аспекты мирового кризиса: смена модели развития в странах арабского Востока // Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 82-104.
21. CreswellR., Sonallah Ibrahim: Egypt'soracularnovelist. The New Yorker. August 20/2013. http://www.newyorker.com/books/page-turner/sonallah-ibrahim-egypts-oracular-novelist
22. Samia Mehres. Egypt's Culture Wars. Politics and Practice. The American University. Cairo Egypt 2010. 335c.
http://www.academia.edu/9539134/Egypts_Culture_Wars_Politics_and_Practice_by_Samia_Mehrez
23. Sonallah Ibrahim – Wikipedia, the free encyclopedia:
https://en.wikipedia.org/wiki/Sonallah_Ibrahim

Об авторе
Эль Сабрути Рашида Рахимовна – PHD, доцент кафедры восточных языков (арабский язык и литература) при Институте международных отношений, истории и востоковедения, Казанский Федеральный Университет. E-mail: erashida@yandex.ru.

THE CONCEPT OF "HONOR" IN THE ALUATION PICTURE OF THE WORLD OF THE EGYPTIAN WRITER SONALLA IBRAHIM

Rashida R. El Sabruti

Kazan Federal University, 1/55, ulitsa Pushkina, Kazan, 420008, Russia.

Abstract: *Reading fiction in a foreign language is equated with cross-cultural communication. Such communication is motivated and is aimed*

atidentifying artistic originality of Sonalla Ibrahim's view on the surrounding world in his novel "Honor". The plot of the novel abounds with most significant events to have taken place in Egypt, which underlie socio-historical basis of the work and manifest civil position of the author and his role in modern Arabic literature.

The novel translates the evaluation of the world. It is a sacral idea of a man and surrounding world that is central for the author, personality is perceived as part and parcel of society, whose interests are of more significance than those of a separate person.

The author's outlook and his ideals reflect his propensity to Marxist theory. His novel has become the fact of philosophical comprehension of three epochs of the totalitarian regime in Egypt. The attitude of the author toward the liberal "open-door policy" proclaimed by Sadat is based on his conceptualization of the surrounding world. The stronger the market relations became in the epoch of Sadat the more obvious was the alienation from those moral values that were fundamental in the epoch of President Nasser rule. According to the author, the determining factors in personality formation are physiological processes in conjunction with the public environment. The writer's responsiveness to the thorniest and most painful for the Egyptian society questions makes his works of current importance.

Keywords: modern Arabic literature; Egyptian novel; cognitive and cultural paradigm of linguistics.

References

1. Abdalla F. Hassan. Chernyj jumor v temnye vremena [Black humor in dark times]. Blizhnij Vostok: 19.06.2003 (in Arabic)
http://www.worldpress.org/Mideast/1205.cfm
2. Arnol'd, I. V. Implikacija kak priem postroenija teksta i predmet filologicheskogo izuchenija [Implication as reception of construction of text and article of philological study] // Voprosy jazykoznanija № 4, 1982. S. 83-91.
3. Badia at-Tahiri. Mnimaja zhestokost' i real'nyj mir [Imaginary cruelty and real world] (in Arabic)
http://www.minculture.gov.ma/index.php/2010-01-11-01-40-04/etudes-essaie/547-badi3a-tahiri-violence-de-limaginaire-essai
4. Bratus', B. S. Anomalija lichnosti [Anomaly of personality]. M.: Mysl', 1988.
5. Vidjasova M.F.; Orlov V.V. Politicheskij islam v stranah Severnoj Afriki [A political islam is in the countries of North Africa]. M.: Izd. Moskovskogo universiteta, 2008.
6. Goljakova L.A. problema podteksta v svete sovremennoj nauchnoj paradigmy [Problem of context in the light of modern scientific paradigm] //

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta 2006. №5. S.93-98.
http://cyberleninka.ru/article/n/problema-podteksta-v-svete-sovremennoy-nauchnoy-paradigmy
7. Knjazev A.G. Egipet posle Nasera [Egypt after Naser]. Redakcija Vostochnoj literatury. M.: Nauka 1986.
8. Komarova L.I. Antropocentrizm hudozhestvennogo teksta [Anthropocentrism of artistic text] // Vestnik TGU, vypusk 8 (64) 2008. S. 99-103.
9. Kudasheva N.N. Tekstovyj antropocentrizm v fokuse avtorskoj konceptualizacii mira [An anthropocentrism in focus of authorial concept of the world] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013, t. 1, №2. S. 88-96.
10. Levin Z.I. Razvitie arabskoj obshhestvennoj mysli [Development of the Arabic public idea]. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury. M.: Nauka 1979.
11. Muhammed al'-Ahmed. Uzhasajushhie realii v romane «Sharaf» [The horrific realities in novel "Sharaf"] (in Arabic)
http://www.postpoems.org/authors/alahmed
12. Muhammed ash-Shazli. Voprosy vokrug romana Sonalla Ibragima [Questions round novel Sonalla Ibragim] (in Arabic).
http://daharchives.alhayat.com/issue_archive/Wasat magazine/1997/7/28
13. Podcerob A.B. Arabskie strany v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij [The Arabic countries in the system of international relationships] // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2011. № 1. S. 76-97
14. Salah Fadl. Novyj roman [A new novel]. Izd. «Obshhestvennaja associacija knigi». Kair. 2002. (in Arabic).
15. Salah Fadl. Sonaa Alla vspominaet zhizn' v vostochnom Berline [Sonaa Alla remembers his life in East Berlin]. Gazeta «Egiptjanin segodnja» 12.02.2015. (in Arabic)
http://www.almasryalyoum.com/news/details/656116
16. Sonalla Ibrahim pisatel' romana, novelly i dramy [Sonalla Ibrahim the writer of novel, short story and drama] (in Arabic)
http://www.diwanalarab.com/spip.php?article2168
17. Sonalla Ibrahim. Roman «Chest'» [novel "The honor"]. Izd. «Dar al'-Hiljal'» Kair 1997. (in Arabic)
18. Hamza Kynavi. Chtenie romana Sonalla Ibrahima «Chest'» v aspekte sociolingvistiki [reading of novel "The honor" in the aspect of sociolinguistics] (in Arabic).
http://www.arrafid.ae/arrafid/p8_5-2010
19. Shilovskaja N.S. Gumanizm antropocentrizma i antropocentrizm bez gumanizma [Humanism of anthropocentrism and anthropocentrism without humanism] // Vestnik Minskogo universiteta №1 (5), 2014. C. 11-18.
20. Jakovlev A.I. Regional'nye aspekty mirovogo krizisa: smena modeli razvitija v stranah arabskogo Vostoka [Regional aspects of world crisis:

changing of model of development in the countries of Middle East] // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2013. № 2. S. 82-104
21. Creswell R., Sonallah Ibrahim: Egypt's oracular novelist. The New Yorker. 20/8/2013. http://www.newyorker.com/books/page-turner/sonallah-ibrahim-egypts-oracular-novelist
22. Samia Mehres. Egypt's Culture Wars. Politics and Practice. The American University. Cairo Egypt 2010.
http://www.academia.edu/9539134/Egypts_Culture_Wars_Politics_and_Practice_by_Samia_Mehrez
23. Sonallah Ibrahim – Wikipedia, the free encyclopedia:
https://en.wikipedia.org/wiki/Sonallah_Ibrahim

About the author

Rashida R. El Sabruti – PHD, associate professor, Department of East Languages (Arabic language and literature) at Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University.
E-mail: erashida@yandex.ru.

* * *

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

Выпуск №5

Главный редактор *В.А. Иовенко*
Компьютерная верстка *Д.Е. Волков*

Подписной индекс издания в
«Каталоге российской прессы «Почта России» 15004.

Подписано в печать 29.03.2016 г.
Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,88
Тираж 500 экз. Заказ 326

МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76